

П. Ю. Шамаро

ЧАСТНОПРАВОВОЙ АКТ В ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ X–XII ВВ.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

КОНКУРС
ТРУДОВ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

П. Ю. Шамаро

**ЧАСТНОПРАВОВОЙ
АКТ В ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ
X–XII ВВ.**

Москва
«Наука»
2023

УДК 930.2
ББК 63.216
Ш19

Рецензенты

докт. ист. наук *С.К. Цатурова*,
докт. ист. наук *И.С. Филиппов*

Шамаро П.Ю. Частноправовой акт в Южной Франции X–XII вв. — М. : Наука, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-02-041063-3

Монография посвящена наиболее показательным типам южнофранцузского документа X–XII вв. — периода, предшествовавшего распространению на юге Франции института публичного нотариата. Подробно рассматривая содержание нескольких сотен грамот, особое внимание автор уделяет основным способам удостоверения письменного документа. В работе на сравнительном материале двух наиболее показательных регионов Южной Франции впервые предпринята попытка обобщить данные о том, каким образом изменения в структуре общества определяли выбор той или иной формы документа и сферы его применения. В качестве иллюстраций использованы фрагменты электронных копий подлинных документов, хранящихся в архивах Франции.

Для историков и всех, интересующихся западноевропейской дипломатикой и историей правовой культуры.

*Разработка и размещение оригинал-макета выполнено
в рамках государственного задания № 075-01611-23-00
по теме «Научно-методическое обеспечение отбора
и подготовки информационно-аналитических материалов
по монографиям молодых историков»*

ISBN 978-5-02-041063-3

© Шамаро П.Ю., 2023
© ФГБУ Издательство «Наука»,
редакционно-издательское
оформление, 2023
© Палей П.Э., оформление,
2023

ВВЕДЕНИЕ

Предмет настоящего исследования — комплекс частноправовых актов X–XII вв., представляющих характерные типы южнофранцузских документов этого периода. Избранный материал позволяет проследить, как определенные общественные сдвиги диктовали выбор формы документа и новые сферы его применения. Рассматриваемый комплекс документов был выделен в ходе знакомства с большим массивом южнофранцузских документов, как опубликованных на бумажных и цифровых носителях, так и некоторых неопубликованных, с целью характеристики коллекции подлинных южнофранцузских документов, хранящихся в Научно-историческом архиве СПБИН РАН.

Основная задача настоящего исследования состоит в анализе наиболее важных сторон развития документальной письменности ряда областей Франции к югу от Луары в X–XII вв. в связи с происходившими в них общественными сдвигами. Дальнейшей целью является научное описание и публикация южнофранцузских грамот XI–XII вв. и следующего столетия, хранящихся в Научно-историческом архиве СПБИН РАН. При знакомстве со специальными трудами и с массивом опубликованных документов встала задача точнейшего определения новых явлений в письменном оформлении договоров частных лиц. Особого рассмотрения потребовал вопрос о потребности в таком оформлении договора, которую испытывало общество, переживавшее подъем рыцарства, первоначальную урбанизацию, обособление церковной власти и рождение нового орденского монашества. Кроме того, необходимо было обосновать выбор территорий, ко-

торые, в первую очередь, должно было охватить наше исследование, а именно, с одной стороны, Пуату на западе Франции к югу от Луары с его богатейшим и недостаточно изученным документальным наследием, как и непосредственно соседствующие с ним земли, а с другой — расположенный на средиземноморском побережье Лангедок, документы которого тоже неплохо сохранились и являются прекрасным объектом для сопоставлений ввиду особой стойкости местных средиземноморских традиций, восходящих к поздней античности.

При учете особенностей формуляра, например сохранения традиционного субъективного стиля изложения в настоящем времени, основное внимание должно было быть обращено на знаки, специальные формулы и предметы-символы, при помощи которых обеспечивалось письменное удостоверение правового акта. В ходе исследования попутно решалась и такая задача, как изучение традиций письменного удостоверения договоров, которые послужили основой для последующего принятия в южной части Франции сложившегося в Италии института публичного нотариата. При анализе содержания документов как основная выдвигалась задача определения общественного статуса участников договора и других лиц, прямо заинтересованных в его письменном удостоверении.

Необходимо отметить, что в замысел настоящего исследования не входила задача последовательного рассмотрения элементов внутренней и внешней формы документа в зависимости от принятой общей типологизации, основывающейся на юридической природе правовых актов. Уделяя особое внимание функции документа в удостоверении устанавливаемых правоотношений, мы сочли возможным предложить свою типологию, основным критерием которой является способ верификации документа. В этом смысле при всем многообразии такого вида документов, как средневековый хирограф, мы будем рассматривать его именно как тип, а не как форму документа. Как особый тип мы выделили и те документы, которые снабжены предметами-символами, служившими знаками передачи владельческих прав.

Исследовательскими задачами обусловлено и отсутствие в работе формулярного анализа изучаемых оригиналов. Мы намеренно уклонились от систематического разбора формуляра в желании рельефнее представить общественную роль письменного оформления частноправовых договоров (многие из которых

прежде вообще не получали такового) и на примере отдельных наиболее характерных типов документов показать общественную заинтересованность в письменном документировании договоров.

Хронологические рамки исследования определены важными вехами в истории западноевропейского документа: нижняя граница – распространением в Северной Франции и Пуату новых способов удостоверения письменного документа, а верхняя – началом утверждения института публичного нотариата в Италии и письменного удостоверения правовых актов в Северной Франции через посредство официалов, т.е. церковных судей, скреплявших документ вислой печатью. Этим вехам в истории документа соответствует период феодальной раздробленности во Франции, решительное возрастание общественной роли рыцарства и первые успехи урбанизации Европы. Утвердившееся уже в каролингский период первенство крупных монастырей как очагов письменной культуры в начале этого периода лишь укреплялось, и монастыри оставались хранителями идущих из глубины веков традиций, но уже в XI в., когда стало подниматься рыцарство с его новыми культурными потребностями, в частности в деле документального оформления договоров, можно наблюдать появление и распространение особых типов документов, отражавших обычаи и нужды рыцарства. В XII в. продиктованное этими социальными сдвигами изменение форм и сфер письменной документации частноправовых актов стало стремительно усиливаться, что привело к появлению новых институтов, ответственных за составление документов: средиземноморского нотариата и северной *jurisdiction gracieuse*. Если первый был самостоятельным институтом, хотя первоначально рекрутировался из судейских писцов, то во втором сами носители судебных полномочий – сначала официалы церковного суда, затем представители светского правосудия – стали придавать договорам частных лиц форму признания должника в суде и скреплять их таким знаком своего авторитета, как печать. Следует заметить, однако, что в работе основное внимание уделено не самим этим институтам, а тому положению дел в письменном удостоверении частноправовых договоров, которое обусловило их формирование, так как развитые институты нотариата и *jurisdiction gracieuse* достаточно тщательно изучены целым рядом исследователей, чего нельзя сказать об их начальной истории.

* * *

До настоящего времени история южнофранцузского документа X—XII вв. в его эволюции рассматривалась лишь в специальных статьях и общих работах по истории документа во Франции. Несмотря на это, в целом она разработана достаточно подробно. Труд выдающегося эрудита XIX в. Артюра Жири «Учебник дипломатики»¹ до наших дней сохраняет свое значение фундаментального справочного пособия, хотя наши знания о средневековом документе во Франции значительно расширены и уточнены работами ученых следующих поколений. В этом труде автор рассматривает явления как общего характера, так и те, которые наблюдаются преимущественно и даже исключительно в определенных регионах Франции, но он далек от того, чтобы рассматривать свой материал в зависимости от определенных регионов. В своей работе мы многократно обращаемся к труду Жири по конкретным поводам. Для истории южнофранцузского частноправового акта особенно важны наблюдения Жири относительно применения подписей и знаков для придания письменному документу доказательственной силы в поздней античности и Раннем Средневековье². Отметим попутно, что этому выдающемуся дипломатисту принадлежит, насколько можем судить, и заслуга установления того факта, что исполнение договоров частных лиц на севере Франции стали с XII в. подводить под судебные санкции путем объявления о принятых в договоре обязательствах в форме признания (*recognitio, confessio*) перед носителем судебной власти³. На основе главным образом этой практики развился институт так называемой *jurisdiction gracieuse*, где ведущая роль долгое время принадлежала представителям церковной судебной власти, именовавшимся *официалами*⁴. Хотя это наблюдение имело прямое отношение лишь к северу Франции, из него выросла целая историографическая традиция, которую мы не можем обойти.

Достаточно заметное место во французской дипломатике занял и опыт Огюста Дюма по разработке четкого понятийного аппарата для истории средневекового документа. В труде, опубликованном в виде серии статей⁵, он предложил свою классификацию письменных актов, разделив их на публичные и частные, исходя исключительно из способов верификации. Те документы, чьи верифицирующие знаки не нуждаются в дополнительном подтверждении и, таким образом, обладают презумпцией подлинности («аутентичные» документы в терминологии Дюма),

он относит к публичным актам. В эту группу входят документы, скрепленные печатями публичных лиц и знаками нотариев, все остальные документы Дюма относит к категории частноправовых — в этой категории исследователь объединяет акты, содержащие списки свидетелей, хирографы и грамоты, скрепленные печатями частных лиц. Мы, однако, ограничимся лишь упоминанием этого труда, так как не находим в нем опоры для наших конкретных наблюдений.

СOLIDНУЮ теоретическую основу для нашего исследования составляет второй том учебника Алана де Боюара, посвященный частному акту во Франции от поздней античности до конца Старого порядка (1789)⁶. В нем же мы находим множество тщательно подобранных показательных примеров из грамот, картуляриев, описаний собраний документов и правовых памятников. Прежде всего обратим внимание на важные для нас наблюдения де Боюара относительно постепенной утраты элементов позднеантичного частноправового акта в различных регионах, составивших с течением времени территорию современной Франции. Так, он выделяет Септиманию, границы которой в основном соответствуют позднему региону Лангедок-Руссильон, как область, где характерные элементы позднеантичного частноправового акта (*charta*), такие как изложение от имени главного действующего лица договора в настоящем времени, в той или иной мере сохранялись до конца XII в.⁷ Далее он делает вывод, что к концу XI в. форма нотиции (*notitia*), восходившая к записям судейских писцов поздней античности и начала Средневековья и отличавшаяся изложением в третьем лице и прошедшем времени, стала конкурировать с формой, именуемой *charta*, прежде основной в деле удостоверения частноправовых актов. Он выделяет опять-таки Септиманию, а с ней и Прованс как области, где в то время форма нотиции применялась ограниченно, и одновременно отводит Аквитании и Бургундии срединное положение между областями германского салического права, где в XI в. форма нотиции имела наиболее широкое хождение, с одной стороны, и Септиманией и Провансом — с другой⁸.

Де Боюар исходил из представления, что форма унаследованного от античности документа отвечала характеру письменного акта как постановительного (*l'écrit dispositif*), когда документ непосредственно выражал волю действующих лиц, а главное, его составление являлось конституирующим моментом самого до-

говора. Однако этот тезис вызвал лишь удивление у такого видного исследователя истории и права раннесредневековой Франции, как Жан-Франсуа Лемаринье, который в своей рецензии на книгу де Боюара отметил, напротив, конституирующую роль устной процедуры в римских частных актах и лишь удостоверительную — письменных документов⁹. Что же касается случаев, когда документу придавалась конституирующая роль, то, по замечанию Лемаринье, таковой были наделены лишь позднеантичные письменные акты дарения в силу постановления императора Константина (С. Th. VIII, 12, 1), принятого под влиянием традиций эллинистического Востока Римской империи.

Значительный раздел в книге де Боюара посвящен показу деградации письменного документа в раннесредневековой Франции. Эту деградацию автор наблюдает, в частности, в том, как за пределами Лангедока и Прованса нотиция вытесняет документ в форме *charta* в самых разных видах частноправового акта, первоначально порождая гибридные формы¹⁰. По наблюдениям де Боюара, раньше всего, уже к XI в., нотиция утвердилась в областях салического права, в Аквитании же в этом столетии лишь ее элементы внедряются в формуляр документа, именовавшегося *charta*¹¹.

С XI в., отмечает де Боюар, множатся документы с пришитыми к ним символическими предметами, посредством которых совершалась передача имущества¹², так что в определенных случаях можно думать, что письменный документ оказывался лишь сопроводительной записью¹³. Среди примеров, которые приводит де Боюар, нет, однако, того богатого материала, который представляют рассматриваемые в настоящем исследовании документы Аквитании, символы никак не классифицированы, и лишь указано в общей форме на некоторое отличие символов, которые характерны для чисто церковных актов¹⁴. Между тем грамоты с пришитыми символами правовых действий заключают в себе не только свидетельство деградации письменного документа, как на том настаивал де Боюар, но и широчайший запрос новых социальных групп на письменное оформление договоров. Именно под этим углом зрения рассматривается тема предметов-символов в главе II настоящего исследования.

В картину общей эволюции унаследованной от поздней античности формы документа де Боюар включает и примеры не критичного подчеркивания составителями документов их конституирующей роли, когда такое воззрение выражалось в отношении

самых разных видов правовых актов¹⁵. Но эти примеры взяты исключительно из документального наследия раннесредневекового Лангедока. В главе I настоящего исследования представлен опыт подробного и последовательного рассмотрения такой практики на более широком материале.

Начиная с XII в., особенно со второй половины этого столетия, де Боюар наблюдает возвращение былого значения письменного документа, удостоверявшего частноправовые договоры, но уже в новых формах: документа, имитирующего признание должника в суде (*confessio in iure*), на севере Франции¹⁶, и документа, исходящего от нотариуса, в Северной Италии и Южной Франции¹⁷. Формуляр документов обоих типов одинаково отличала форма notiции, где об участниках договора и совершенных ими действиях говорится в третьем лице и прошедшем времени. Первые, однако, составлялись первоначально в судах епископов, которые со второй половины XII в. стали учреждать специальные должности официалов, делегируя им свои судебные полномочия, а затем примеру епископов последовали уже королевские и сеньориальные судебные инстанции. Новый способ придания письменным актам презумпции подлинности был связан с широким распространением печатей на севере Франции, которое наблюдается начиная с XII в. Вторые составлялись нотариусами, действующими в силу особого права, пожалованного им церковной или верховной светской властью — они скреплялись особым знаком и должны были соответствовать исходной протокольной записи, выполненной нотариусом. Автор поспешил придать ранним нотариальным документам то же основание в институтах суда, какое имели северофранцузские документы в форме протокола признания в суде. Но в североитальянских документах мы не обнаруживаем универсальных формул признания в суде, какие определяли саму структуру северофранцузского документа. Верно, что первоначально функции знающего дело судебного нотариуса и судьи как такового нередко соединялись в одном лице, но все же итальянский нотариальный документ сохранил выражение свободной воли сторон, обращающихся к услугам нотариуса, в форме глагола *rogo*, выражавшего просьбу. Можно согласиться лишь с тем, что нотариусы до своего объединения в особые корпорации представляли публичную власть.

Непосредственно французскому частному акту посвящена работа Робера-Анри Ботье¹⁸, которая является частью сборника

материалов VII международного конгресса по дипломатике. Основным в работе Ботье разделам о нотариате и типологии актов, попадающих под категорию *jurisdiction gracieuse*, предшествует очерк истории частноправового акта периода Раннего Средневековья. Отметим, что в этой части Ботье не добавляет ничего принципиально нового к наблюдениям предшественников и, по сути, повторяет основные утверждения де Боюара. Тем не менее для нас не лишены значения замечания автора относительно распространения хирографов как показателя запроса новых общественных групп на письменный документ, снабженный средствами верификации¹⁹. Кроме того, описывая иные способы придания документу доказательственной силы — скрепление печатью и удостоверение актов частных лиц королевской властью — Ботье вольно или невольно показывает, что потребность в письменном документе даже к северу от Луары никогда не угасала полностью. Однако он не указывает, когда письменный документ начал вновь получать значительно более широкое применение. Как и де Боюар, он не обращает внимания на то обстоятельство, что именно стремительное расширение сферы применения письменного документа могло повлечь за собой то вторжение элементов бесписьменного частного акта в область документальной письменности, которое он наблюдает на рубеже XI–XII вв.

Главным образом как библиографический обзор весьма полезно учебное пособие «Средневековая дипломатика», составленное тремя авторами: Оливье Гюйотжаненом, Жаком Пиком и Бенуа-Мишелем Током²⁰. Преимущественное внимание в нем уделено северофранцузским документам, наряду с рассмотрением некоторых особенностей папских и королевских документов. В разделе, посвященном типологии документов, там, где речь идет об избранном нами периоде, регионы Южной Франции, однако, вообще никак не выделены. Лишь в конце соответствующей части разбирается пример каталонского документа конца X в., который до некоторой степени мог бы рассматриваться в качестве аналога лангедокским документам²¹.

Пример систематического изучения южнофранцузских документов представляют работы современного исследователя Б.-М. Тока. Правда, он не ограничивал свои исследования южнофранцузским материалом, но все же предельно внимательно подошел к областным различиям. Кроме того, надо иметь в виду, что он ограничил изучаемый им материал относительно немно-

гочисленными сохранившимися оригиналами документов, основывая свой выбор исключительной надежностью содержащегося в оригиналах материала. Так, в первом своем общем очерке по истории раннесредневекового документа Ток представил результаты анализа 277 оригиналов частноправовых актов с VII по первую половину X в.²² Из этого числа, как он сам указывает, 203 относились к регионам к югу от Луары²³. В статье он уделил значительно большее внимание тому, что называется внутренней формой документа, нежели его внешней форме. Прежде всего он рассмотрел, насколько оправдано разделение раннесредневековых документов на грамоты, *charta*, которые, как и подобные античные документы, составлялись в первом лице и настоящем времени, и документы в форме протокола, *notitia*, в которых о заявлениях и действиях участников договора сообщается в третьем лице и прошедшем времени. Благодаря особому вниманию Тока к юридической природе каждого удостоверяемого письменным документом акта ему удалось установить, что, за исключением трех случаев, форма протокола применена лишь в отношении судебных решений и актов обмена имущества, причем этому правилу подчиняется большинство имевшихся в его подборке примеров такого рода правовых актов. В той же работе Ток рассмотрел характерные особенности элементов формуляра документов, в основном унаследованных от поздней античности. Большое внимание вместе с тем он уделил анализу подписей писцов в заключительной части документов как важнейшему элементу валидации, который и для нас представляет немалый интерес. Он указал не только на общую распространенность этого элемента валидации, но и на тот факт, что письмо подписей от имени одного и того же «писца» часто оказывалось несходным и отличалось от письма основного текста. Принимая во внимание столь же существенные различия в нечастых указаниях статуса писцов, называемых порою *notarius*, *cancellarius*, обычно же просто по церковной степени или должности (*lector*, *levita*, *sacerdos*), автор приходит к выводу, что под именем писца надо, прежде всего, иметь в виду лицо, ведавшее составлением документов, которое в конкретных случаях оказывалось и собственно писцом, написавшим и подписавшим документ: *rogitus scripsi*, *scripsi et subscripsi*²⁴.

Разработка темы подписей в целом и отдельно подписей писцов, первые успешные наблюдения над ролью писцов, где учитывалось наследие каждого, дошедшее до нас в подлинном виде,

настолько увлекли Тока, что он посвятил этой важной теме большое специальное исследование почти в полтысячи страниц, где были учтены уже тысячи оригиналов с VII по начало XII в., причем с добавлением соответствующего материала из документов, дошедших в копиях²⁵. Если в рассмотренной выше статье Ток успел лишь коснуться отдельных аспектов внешней формы документов, то в книге форму самих подписей он постарался описать досконально. Что касается подписей писцов, то здесь было учтено наследие уже 474 писцов, и автор мог определенно заявить, что все они принадлежали к духовному сословию, причем преимущественно к белому духовенству в сане дьякона или священника²⁶.

Для нас очень важно отметить, что, представляя общую картину географического распределения изучаемого им материала грамот, дошедших до нас в оригинале, Ток отмечает ту же крайнюю неравномерность этого распределения и такие же большие белые пятна, захватывающие значительную часть юга Франции, какие обнаруживаются при обращении к документам, дошедшим лишь в картуляриях, иначе говоря, копийных книгах. Он указывает на особое богатство документального материала Пуату²⁷, а далее по ходу своего исследования показывает весомость документального наследия Лангедока.

Принципиальное отличие нашего исследования от трудов Тока заключается в том, что в основу классификации документов он кладет юридический характер удостоверяемых ими актов, причем сосредотачивает свое внимание на традиционных формах документов. Мы же, отведя первую главу собственной реконструкции представлений о доказательной силе документов в период от поздней античности до начала XII в., обращаемся далее к новым формам удостоверения правовых актов, распространению которых в немалой мере способствовал социальный подъем рыцарства. В этой части мы тоже находим определенную опору в историографической традиции, но вместе с тем вносим свои дополнения, а главное, представляем опыт последовательного сопоставления положения дел в двух важнейших для дипломатистов областях Франции. Во всех случаях речь идет об исследованиях в форме статей. Мы коснемся содержащихся в них наблюдений и оценок в основных главах настоящего исследования, здесь же мы ограничимся их кратким перечислением и отдельными замечаниями.

Так, реликтам римского права в документах Южной Франции и, в частности, античным суждениям о необходимости

составления письменного документа посвящены статьи Луи Стуфа²⁸ и Жака Флака²⁹. Подписям в грамотах герцогов Аквитании посвящена статья Яна Хендрика Прелля³⁰. Опираясь главным образом на богатый и тщательно разобранный материал преамбул в документах Лангедока и области Тулузы, Жером Бельмон в свою очередь показал, как работали их составители, отправляясь от предшествующей традиции³¹. Как это немного позднее подтвердил и Ток, Бельмон, в частности, отметил отсутствие мирян среди составителей документов³². Подробно рассмотрев вопрос о роли запоминания формул образцов, а наряду с ним и случаи прямого обращения составителей документов к правовым текстам, Бельмон пришел к двоякому заключению об известной привязанности составителей документов к унаследованной от поздней античности традиции, с одной стороны, и большой вариативности использования этого наследия — с другой.

В отличие от основного направления историографии в своей работе мы не придаем большого значения типологии юридических актов. Представив свой опыт рассмотрения традиционных для Раннего Средневековья документов, мы сосредоточиваемся на характеристике новых форм документов, получивших широкое распространение в избранный нами период, особенно в связи с социальным подъемом рыцарства. Но и в этой области мы находим некоторую опору в историографической традиции.

Значительная литература посвящена практике передачи имущественных прав посредством символических предметов, правда, в основном она относится только к символу, обозначаемому словом *festuca* (*соломинка*), и затрагивает скорее историю права, нежели дипломатику. Исключение составляют небольшой раздел в учебнике Жири, где рассматриваются формулы, применяемые при инвеституре и передаче имущественных прав³³, и представленные в названном труде де Боюара два примера с пришитыми к документам предметами-символами³⁴ из Бургундии X в. и ряд примеров из областей салического права, иными словами, Северной Франции³⁵. В кратком очерке Жири упомянул почти все предметы, которые в южнофранцузских грамотах выступают в качестве символов передачи владельческих прав (ветка дерева, посох, нож, книга). Однако конкретная функция символических предметов в удостоверении правового договора и хранении памяти о нем, как и возможные отношения символического предмета и письменного документа, не стали у него предметом анализа.

Де Боюар приводит хотя и единичные, но очень ранние примеры, начиная с VIII в. Вместе с тем он делает важное для нас замечание, что по-настоящему такие примеры множатся лишь в XI, так как прежде большинство договоров, скрепленных символическими действиями, не получало письменного оформления. Столь же важно для оценки рассматриваемого в настоящем исследовании материала и его наблюдение об особом наборе предметов-символов, которые применяли в церковной среде³⁶. К истории собственно южнофранцузского документа в связи с этой темой относится только статья Арлетт Игуне-Надаль, посвященная конкретному символу — полоске кожи с завязанными узлами³⁷. Отдавая должное тщательно выполненному исследовательницей анализу, необходимо отметить, что автор намеренно ограничилась материалом лишь одного картулярия из Бордо, оставляя за рамками своего исследования данные картуляриев других областей Южной Франции. Между тем они позволяют не только подтвердить, но и существенно дополнить те выводы, к которым пришла исследовательница. Вскользь упомянем и небольшую статью Поля Раймона³⁸.

Полнее всего в критической литературе представлены исследования, посвященные новой форме средневекового документа — хирографу. Грамотам, составленным в нескольких экземплярах и разделенным особым образом, посвящены как отдельные разделы в общих работах по дипломатике³⁹, так и специальные исследования Бернхарда Бишоффа⁴⁰, Винфрида Трузена⁴¹, Мишеля Парисса⁴², Кэтрин А. Лоу⁴³, отечественного исследователя П. Ш. Габдрахманова⁴⁴ и др.⁴⁵ О наиболее важных для нашего исследования работах этого ряда мы подробнее скажем в третьей главе настоящего исследования.

Отечественная историография в эту общую картину не привносит чего-либо существенно нового, но позволяет лучше уяснить проблематику современной мировой историографии. Особого внимания заслуживает характеристика форм частноправовых письменных актов в общем очерке А. В. Чирковой о дипломатике Средневековья и начала Нового времени. Определенный контекст для наших собственных наблюдений представляют его разделы, посвященные формуляру, валидации частных актов и особо такому их элементу, как подпись или собственноручный знак, включая имитацию таковых⁴⁶. Относящиеся к Северной Франции наблюдения де Боюара об удостоверении представителями судебной власти уже совершенных актов получили развитие в серии статей

В. И. Мажуги и А. В. Чирковой, посвященных оригиналам северо-французских документов, хранящихся в научном архиве СПбИИ РАН (прежде ЛОИИ АН СССР)⁴⁷. Формуляр и способы верификации нормандских грамот на основе оригиналов из собрания Н. П. Лихачева рассматриваются в статье А. А. Касатова⁴⁸.

Среди отечественных исследований, посвященных частно-правовым актам в Западной Европе X–XII вв., особо следует отметить труды, посвященные документальному наследию Италии. Исключительное значение итальянского материала обусловлено как особой ролью Италии в формировании института средиземноморского нотариата, так и тем исключительным местом, которое благодаря трудам Н. П. Лихачева итальянские частные акты заняли среди подлинных документальных материалов, хранящихся в России. Впрочем, в основном речь шла о публикации текста грамот, о введении в научный оборот нового материала — таковы начатое О. А. Добиаш-Рождественской и осуществленное С. А. Аннинским издание документов Кремоны X–XIII вв.⁴⁹ и публикации отдельных актов, выполненные Е. Ч. Скржинской⁵⁰ и А. М. Кононенко⁵¹. Итальянский материал во многом послужил основой для теоретических суждений, которые мы видим в двух статьях А. М. Кононенко, посвященных проблеме классификации западноевропейского частного акта⁵².

Особого внимания заслуживает здесь небольшая, тем не менее достаточно обстоятельная статья А. М. Кононенко⁵³, где сделана, в частности, новая попытка возвести итальянский нотариат к институту судей⁵⁴. Свою версию происхождения итальянского нотариата автор обосновывает и ссылками на наблюдения именитых предшественников. Следует, однако, признать ошибочной ссылку на труд Гарри Бресслау, ведь на самом деле у последнего речь идет не об институте судей как таковом, но о писцах при графских судах (*die amtlichen Grafenschaftsgerichtschreiber*)⁵⁵. Вопрос генезиса итальянского нотариата затрагивается и в работе Н. Б. Срединской, которая тоже придерживается той точки зрения, что итальянский нотариат ведет свое начало от института судей⁵⁶.

Среди новейших публикаций итальянских документов из архива СПбИИ РАН особого внимания заслуживает статья И. Д. Травина. Речь идет о трех миланских грамотах XII в. (1147, 1187 и 1188 гг.)⁵⁷. Две первые содержат обычные для ранних итальянских документов общие указания на знаки целого ряда лиц (*sumulus nominum*), а сами знаки в большинстве случаев

переданы условно в виде двух перечеркнутых косым штрихом главных «S», но иногда количество таких знаков увеличивается в определенном соответствии с числом названных лиц, хотя явных следов приложения руки этих лиц мы не наблюдаем. Некоторое подобие этой практики можно усмотреть в южнофранцузских документах, хотя там, как и в соседней Каталонии, речь обычно идет об одном общем знаке нескольких лиц, и этот знак, как показано в настоящем исследовании, чаще всего получает форму креста с точками на полях между его стержнем и перекладиной. Еще более существенным для нас является тот факт, что составитель и писец документа 1147 г., некто Петр, называет себя «судьей и королевским уполномоченным» (*iudex ac regis missus*), а составитель и писец документа 1187 г., некто Иоанн, называет себя «судьей [от] императора Фридриха и нотарием» (*domni Frederici imperatoris iudex et notarius*). Это обстоятельство самим автором публикации оставлено, правда, без комментария. Мы же со своей стороны можем отметить, что такое совмещение функций в одном лице весьма характерно для итальянских документов Раннего и начала Высокого Средневековья, но все же оно не было правилом.

Два древнейших документа из округа Л'Аквилы, опубликованные С. В. Маклаковой, по дате своего составления представляют материал, далеко выходящий за хронологические пределы настоящего исследования, но по своему типу относятся, скорее, к позднеантичной или раннесредневековой *charta*. В них нет никаких признаков нотиции. Документ составлен в первом лице и в настоящем времени от имени главного действующего лица договора. По традиции Сицилийского королевства, к бывшим владениям которого относилась область Л'Аквилы, роль составителя документа берет на себя императорский архивариус (*scriniarius*)⁵⁸. В статье дано описание элементов формулярия грамот, но, к сожалению, никак не определено их место в общей истории итальянского частного акта с учетом новых находок североитальянских нотариев и древних традиций связанной в своей судьбе с Византией Южной Италии⁵⁹.

Среди отечественных работ, посвященных средневековому частнопроводному акту начиная с периода поздней античности, особого внимания заслуживает монография И. П. Медведева «Очерки византийской дипломатики»⁶⁰. Автор опирался на собственный богатый опыт работы с византийскими документами, справочными пособиями и специальной литературой, и в моно-

графии, наряду с кругом источников по истории византийского частного акта, он обстоятельно рассмотрел в отдельных главах формуляр византийского частного правового акта, организацию позднеантичного и византийского нотариата (по данным законодательных источников и частных актов), место частного правового письменного акта в судебном процессе, его роль как средства доказательства. Для нас особый интерес представляет та часть раздела о византийском нотариате, в которой речь идет о юридических источниках до VI в. Здесь И. П. Медведев уделяет внимание институту табеллионата, возникшему в период поздней империи, попыткам императора Юстиниана распространить нормы табеллионата на все многообразие форм письменного частного акта в Восточной Римской империи, упорядочить практику составления частных актов, уподобить символеографов или номиков римским тебеллионам⁶¹.

Следует заметить, что на территории бывшей Западной Римской империи реформы Юстиниана могли затронуть лишь ограниченные владения Византии в Италии, отчасти в Испании. В обширных областях Южной Галлии и Испании, как и в королевстве Бургундов, для романизованного населения сохраняли силу лишь нормы более раннего римского законодательства, в частности конституция 316 г. Константина I, по которой письменному оформлению подлежали акты дарения, так что оформление документа стало играть конституирующую роль в самом акте дарения. Но, как будет показано в первой главе настоящего исследования, и в Южной Галлии периода Раннего Средневековья прослеживается тенденция распространить действие названной конституции на всю совокупность частных правовых актов.

Во введении к монографии И. П. Медведев касается важной для нас темы форм письменной фиксации частных правовых договоров и упоминает два типа документов на греко-эллинистическом Востоке, о которых, как некотором прецеденте позднейших латинских форм документов, необходимо сказать несколько подробнее⁶². Первая из них, *συγγραφή ἑξαμάρτυρος*, представляла собой запись о договоре, заверенную подписями шести лиц, одному из которых поручалось дальнейшее хранение такого документа. Первоначально основной текст документа вносился в папирусный свиток дважды, при свертывании свитка часть свитка с одной из этих записей (*scriptura interior*; в книге ошибочно написано *inferior*, тогда как здесь скорее речь шла о записи, распо-

лагавшейся выше) ошнуровывалась, причем шнур скреплялся печатями, а часть свитка со второй записью (*scriptura exterior*) наворачивалась на первую и могла быть при желании легко прочитана. Однако известно, что уже с последней четверти II в. до н.э. запись во внутренней части свитка была предельно сокращена⁶³. Мы не будем здесь судить о том, насколько жизненным, пусть и в такой сжатой форме, оказался впоследствии сам этот тип греческого документа, как и известные его ближневосточные и римские аналоги, но отметим лишь то, что греческая синграфа не может рассматриваться в качестве прототипа рассматриваемой нами ниже формы документа с одинаковым текстом в двух экземплярах на одном листе пергамента, которая в Раннем Средневековье получила латинское обозначение *chirographum*.

В работе И. П. Медведева дана и краткая характеристика наиболее известного типа греческого документа с названием «хирограф» (по-гречески χειρόγραφον). Из этой характеристики, однако, отнюдь не вытекает, что написание текста в двух экземплярах на одной стороне свитка было типичным для документов этого типа, в отличие от средневековых западноевропейских документов с названием *chirographum*. Греческий хирограф составлялся от первого лица (в этом отношении хирограф сходен с западной *charta*) и скреплялся подписями заинтересованных сторон и свидетелей, а равно и подписью составителя документа. При этом, однако, как показывают и примеры, приведенные И. П. Медведевым, о предмете договора в хирографе сообщалось в форме перфекта или аориста, так что едва ли можно приписывать хирографу диспозитивный характер, как это склонен делать автор книги. К сказанному в книге Медведева необходимо добавить, что нередко хирограф писался в нескольких экземплярах, которые выдавались заинтересованным лицам, причем в особой клаузуле от имени должностного лица указывалось количество таких экземпляров. Однако соответствующая клаузула не была необходимой принадлежностью хирографа⁶⁴.

Говоря о формуляре частного акта в Византии, автор отмечает небезынтересную для нас деталь, которую можно сопоставить с наблюдениями, сделанными в настоящем исследовании. Речь идет об открывающей акт собственноручной помете (πρωταγή) лица, от которого исходил документ⁶⁵. Эта помета представляла собой или знак креста (σύμβολον), между ветвями которого писец записывал имя автора, если тот был неграмотен, или маленький крестик и собственноручную запись.

Что касается работ по истории русского документа, то мы не будем здесь их рассматривать, так как синхронное сопоставление в нашем случае исключено, а типологическое в настоящем исследовании, ограниченном определенным регионом, едва ли бы оправдало те усилия, которых требует глубокое изучение характерных особенностей древнерусских письменных частных актов.

* * *

Поставленная в настоящем исследовании задача систематического изучения документов определенных типов возникла в ходе описания небольшого, но уникального для нашей страны собрания южнофранцузских грамот XII – начала XIV в., хранящихся в Научно-историческом архиве СПБНИИ РАН (Западноевропейская секция, карт. 326, 327, 328, 332). Для этого были привлечены сравнительный материал, представляющий массив из тысяч опубликованных грамот, однако в работе специально рассматриваются или приводятся в качестве показательных примеров лишь около 250 документов, а отчасти и памятников другого рода, которые позволяют проследить интересующие нас линии развития документальной письменности X–XII вв. в Южной Франции.

Все документы, которые специально рассматриваются или хотя бы упоминаются в настоящем исследовании, происходят из Южной Франции, из областей, расположенных к югу или западу от Луары. Мы сознательно оставляем за рамками нашего исследования грамоты Бургундии и Франш-Конте как регионов, не относящихся непосредственно к Южной Франции и представляющих собой совершенно особое явление в истории документа. Частные акты, исследуемые в настоящем исследовании, происходят из следующих исторических провинций Южной Франции: Пуату (монастыри Сен-Жуньен-де-Нуайе, Сен-Мексен, Сен-Флоран, Сен-Николя, Сен-Совер-де-Шарру, Сент-Круа-де-Тальмон, Сен-Жуан-де-Марн, капитул Сен-Лаон-де-Туар и капитул церкви Сен-Илер в Пуатье), Сентонж (монастырь Сен-Жан д'Анжели), Гиень (аббатство Сент-Фуа-де-Конк), Лангедок (аббатство Девы Марии в Лаграссе, капитулы церкви Свв. Назария и Цельсия в Безье и церкви Св. Стефана в Агде), Руссильон (так называемый «Картулярный Руссильона»), Прованс (монастырь Сен-Виктор-де-Марсель), Овернь (капитул церкви Сен-Жюльен-де-Бриуд и монастырь Свв. Петра и Павла в Соянже). Однако объем документального наследия отдельных регионов различается значительно,

и решительно по своему богатству и характерным особенностям выделяются документы из Пуату вместе с тесно связанным с ним Сентонжем и документы из Лангедока.

Лишь малая часть южнофранцузских документов X–XII вв. рассматриваемых в настоящем исследовании типов дошла до нас в их подлинном виде, еще меньше доступно в цифровых копиях, представленных на сайте «Подлинные грамоты, хранящиеся во Франции, ранее 1121 г.»⁶⁶ Последним в работе уделено пристальное внимание, ведь благодаря таким копиям удастся выявить существенные детали в документальном удостоверении правовых актов. Так обстоит, например, дело с копиями семи оригиналов из Лангедока, которым посвящен отдельный параграф. К сожалению, при подготовке настоящей публикации пришлось столкнуться с важными ограничениями в подборе материала. Не удалось познакомиться с подлинниками, хранящимися в различных архивах Франции. Среди документов, хранящихся в СПБ ИИ РАН, только два представляют примеры документов рассматриваемых в работе типов. Тем не менее непосредственное обращение к оригиналам дало редкую возможность восстановить последовательность действий в ходе письменного оформления договоров в Пуату начала XII в. (гл. I, ч. 2, наст. изд.).

Большую часть использованного в настоящем исследовании материала составляют опубликованные в XIX–XX вв. картулярии, иначе говоря, средневековые копийные книги (иногда и их копии) и сборники документов. Публикации подлинных грамот составили примерно одну треть использованного в работе материала, сопоставление этих публикаций с новейшими электронными копиями показало их достаточную надежность. В работе учтена и новейшая литература о картуляриях южнофранцузского происхождения⁶⁷.

Что касается историко-правового содержания рассматриваемых в настоящем исследовании документов, то во всех них так или иначе речь идет о передаче имущественных прав в форме благочестивого дарения или купли-продажи, залога, завещания.

Наряду с документами, отразившими договоры частногоправового характера, среди использованных в работе источников необходимо отметить и правотворческие акты – Кодекс Феодосия, Бревиарий Алариха, римский закон бургундов и пособия для составителей документов: Формулярий Маркульфа, Турский формулярий, Буржский формулярий и «Салические формулы Линденбруха».

Глава 1

ДОКУМЕНТЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВПЛОТЬ ДО НАЧАЛА XII в. И ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ

Суждения о значении письменного документа в преамбулах раннесредневековых грамот Южной Франции

В настоящей главе рассматриваются преамбулы юридического характера, содержащие суждения о важности составления письменного документа. Хорошо известно провозглашавшееся средневековой церковью положение о том, что она живет по римскому праву — *ecclesia vivit lege Romana*. Но в какой форме и в какой степени преемственность внутренних установлений церкви в отношении римского наследия сказалась на представлениях о роли письменного документа? Несмотря на предшествовавшие исследования, не сложилось отчетливой картины настоящей правовой образованности ученых клириков, составлявших документы с элементами юридических норм римского права, как и о том, насколько сознательно подходили они к правовому наследию античности. Тем не менее наиболее творческая часть составителей документов весьма умело находила в памятниках римского права необходимую аргументацию в пользу письменного оформления правовых актов. Кроме того, они были весьма заинтересованы в увековечении памяти о благочестивых пожертвованиях, совершенных в пользу их обитателей и церквей.

Еще А. Жири относил преамбулы юридического характера, которые наиболее часто встречаются в документах IX — конца XI в., к числу наиболее любопытных¹. Однако он отмечал, что многие преамбулы по своему содержанию повторяют одна другую, и сомневался в том, всегда ли составители грамот понимали то, о чем они пишут. Свидетельством пренебрежительного отношения к сведениям, заключенным в преамбулах, является обыкновение

некоторых издателей средневековых документов вообще опускать преамбулы, так как, по их мнению, они не несут никакой смысловой нагрузки².

Однако и в тех случаях, когда исследователи не избегали специального анализа формул, заключенных в преамбулах, их выводы были большей частью полны скептицизма. Ярким примером такого подхода является статья Ж. Флака, посвященная следам римского права во французских грамотах IX–XI вв.³ Размышляя о судьбе позднеантичного наследия, автор приходит к выводу, что на юге Франции победу одержало обычное право, так что считать эту часть страны областью права письменного ошибочно⁴. По словам Флака, цитаты из текстов римского права и ссылки на эти тексты в грамотах представляют собой явление спорадическое, а само римское право выступает в них в мумифицированном виде⁵.

Стуф, напротив, увидел в характерных формулах традиции римского права, которые в смешении с германским правом составили живое обычное право эпохи, в них же он усмотрел и конституирующую роль письменного документа в правовых договорах того времени⁶. Следует отметить, что Стуф посвятил специальную общую работу формулам римского права в Раннее Средневековье⁷ и в отдельной статье подверг разбору средневековые формулы, восходящие к толкованиям на статьи Бrevиария Алариха⁸. Но и этот исследователь пришел к заключению, что составители грамот были мало образованны, хотя умели извлечь свою выгоду из манипулирования цитатами, с помощью которых они убеждали своих клиентов в необходимости составления письменных документов. Но то, что у них называлось римским правом, оказывается лишь внешней и весьма жалкой формой официального права и вульгарного права поздней античности⁹.

Разумеется, отдельные составители грамот могли бездумно заимствовать старые формулы, стремясь придать письменному документу более внушительный вид. Но многочисленные отсылки к памятникам римского права, которыми так богаты документы Южной Франции и где мы найдем примеры развитой аргументации, обнаруживающей живую мысль их авторов, заслуживают все нового обращения к ним исследователей. Попробуем заново показать, к каким именно нормам римского права восходили соответствующие формулы, как проявила себя в отношении их живая мысль средневековых клириков, как приспособляли они

нормы старого римского права к реальным обстоятельствам своей эпохи.

Говоря об источниках римского права, которые могли быть известны ученым клирикам Южной Франции, мы имеем в виду, прежде всего, основанный во многом на Кодексе Феодосия «Римский закон вестготов» (Бревиарий Алариха), обнародованный в 506 г. и вплоть до возрождения систематического изучения римского права в Западной Европе являвшийся основным его источником¹⁰. Более сложным является вопрос, в какой именно степени средневековые составители грамот были знакомы с самим этим памятником. Следует помнить, в частности, о том, что существовало семь эпитом самого Бревиария (самая ранняя – эпитама Эгидия – датируется началом VIII в.). Помимо этого, составители документов могли пользоваться формуляриями, которые начали составляться с середины VII в. (самый ранний – Формулярый Маркульфа¹¹).

Эдикт Константина Великого в обоснование необходимости письменного удостоверения дарения

Как известно, в документальном наследии Раннего Средневековья, от которого до нас дошли главным образом остатки монастырских архивов, особое место принадлежит актам дарения. Ряд документов X–XI вв. из монастыря Сен-Виктор в Марселе содержит восходящую к императорским эдиктам формулу, которая прямо указывает на то, что дарение, не подтвержденное письменным документом, не имеет силы¹². Так, в начале документа 984 г., которым засвидетельствован дар различных земель епископом Марселя виконту Гильому I, сказано:

Ante tempus legi<s> istius donationis (= donationes) etiam sine gestorum testificatione valeba<n>t. Nunc vero post hanc legem, nec nuptialis nec quelibet donatio valere potest, si gestibus non fuerit alligata. (До времени этого закона имели силу дарения, [совершенные] даже без засвидетельствования в актах муниципия. Теперь же после этого закона ни дарение по случаю помолвки, ни какое другое не может иметь силы, если оно не было заявлено для записи в актах муниципия¹³).

Это высказывание есть не что иное, как дословное повторение содержавшегося в Кодексе Феодосия толкования на эдикт 319 г. императора Константина об обязательном удостоверении даре-

ния по случаю помолвки путем записи в актах муниципия, как это ранее было установлено его отцом, Констанцием Хлором, в отношении других даров (C. Th. 3.5.1)¹⁴. Заметное отличие от названного толкования состоит лишь в том, что составитель документа опустил два не столь существенных уточнения, содержащихся в нем (в цитируемом ниже тексте они отмечены курсивом):

Ante tempus legis istius donationes etiam sine gestorum testificatione valebant. Nunc vero post hanc legem nec nuptialis nec quaelibet alia inter quascumque personas donatio, de quibuscumque rebus, valere potest, si gestis non fuerit allegata).

След более полной формулы обнаруживается в документе 1035 г. из того же монастыря: *Ante tempus legi<s> istius, donationis etiam sine gestorum testificatione valebant; nunc vero, post hanc legem, nec nuptiali<s> nec qua<e>libet inter quascumque <personas> donatio valere potest, si gestibus non fuisset alligata*¹⁵. Вероятно, в документе или формулярии, который послужил образцом для составителей обоих документов, формула была воспроизведена в более полном виде. Похоже, однако, что тот, кто написал этот общий образец, записал формулу под диктовку, так что у него слились слова *legis* и *istius*, вследствие чего выпало конечное *s* первого из них. В живом произношении тех столетий слабо различались на слух гласные [e] и [i], автор образца разрешил свое затруднение в пользу последней гласной, очевидно, мало задумываясь над смыслом примененной им глагольной формы. Похоже, однако, что и писец, написавший документ 1035 г., тоже опирался на слуховое восприятие привычных латинских слов, по этой причине в соответствии со свойствами нового романского произношения у него выпала конечная *s* в слове *nuptialis*. Любопытно, что кто-то решил заменить абстрактное субстантивированное причастие *gesta* (в ед. ч. *gestum*, т.е. «совершенное»), которое только и было возможно в строгом юридическом тексте, на более привычное существительное четвертого склонения *gestus*, которое обозначало жест.

Эдикт Константина и толкование к нему дошли в составе Бревиария Алариха¹⁶. Несомненно, именно из него и был заимствован приведенный в документе текст. Здесь стоит привести и сам текст эдикта, который, несомненно, был знаком составителю документа или тому, кто написал более ранний документ, послуживший образцом для нашего автора. Текст эдикта хорошо показывает, как следует понимать сведения об удостоверении актов дарения, сообщаемые в документе:

Pater noster nullam voluit liberalitatem valere, si actis inserta non esset. Nos etiam inter sponso ac sponsas omnesque personas eam solam donationem ex promulgatae legis tempore valere sancimus, quam testificatio actorum secuta est. (Отец наш выразил волю, чтобы никакое дарение, как проявление щедрости, не получало силы, если оно не включено в акты муниципия. Мы в свою очередь уставнавливаем, чтобы, считая со времени обнаружения названного закона, между помолвленными, как и лицами, находящимися в любых иных отношениях, только то дарение имело силу, за которым последовало его публичное удостоверение в актах муниципия).

Ряд традиционных правовых актов был издревле обставлен строгими обрядами, и к таковому, в первую очередь, относилась помолвка. По этой причине, очевидно, римские граждане не спешили подчиняться новым правилам единообразного удостоверения подобных правовых действий, тем более что, в отличие от императора Константина Констанций никогда не имел власти над всей Римской империей. В рассматриваемых правовых установлениях речь шла о муниципальных регистрах (*gesta municipalia*) в канцелярии куриалов, куда заносилось содержание частных актов¹⁷. Стороны договора должны были предстать перед магистратом, в присутствии которого зачитывался составленный ими до этого документ (эта процедура носила название *professio* или *recitatio*), затем текст предоставленного документа полностью заносился в регистры — в этих двух процедурах и заключалось то, что обозначено как *gestis alligatio* или *testificatio gestorum*¹⁸. Толкование на титул Брeвиария, касающийся дарения, свидетельствует, что эта процедура должна была осуществляться перед судьей или курией: *Gesta vero donationum aut apud iudicem aut apud curiam alleganda sunt*¹⁹.

Ввиду характерного для взаимоотношений с монастырями того времени обычая тех, кто уступал им свое имущество, представлять не только вынужденную уступку, но и продажу имущества как благочестивое дарение, которое могло служить к спасению души, в другой грамоте XI в. монастыря Сен-Виктор приведенная выше формула толкования императорского эдикта, но теперь в свободном переложении, применена для обоснования неколебимости удостоверяемой письменным документом купли-продажи:

Ante tempus legis istius, donationes queque valuerunt, si gestibus non fuerint colligatę. Postea enim quam leges esse ceperunt, sancti Dei institutores sancxerunt ut venditio firma et stabilis sit omni tempore. (Ранее времени того

закона, всякие дарения имели силу, <и> если они не были включены в акты муниципия. Но когда начали устанавливаться законы, святые Божии устроители положили, чтобы <удостоверенная грамотой> продажа была тверда и неколебима во всякое время²⁰).

Совершенно очевидно, что формула, заимствованная из правового свода начала VI в., в Марселе X–XI вв. уже утратила свое настоящее значение и служила лишь чисто формальным доводом в пользу составления документов о дарении или купле-продаже. Еще одну позднюю реминисценцию на эту формулу мы встречаем в документе начала X в. из аквитанского монастыря Св. Юниана в Нуайе, располагавшегося примерно в 11 км к юго-юго-востоку от Пуатье (ныне Saint-Junien de Nouaillé-Maupertuis):

Presentem vero donacionem nequaquam a curialium vilitate gesti<s> municipalibus alligari curavimus. (Отнюдь не по побуждению от куриалов с малыми полномочиями мы сами приложили заботу к тому, чтобы настоящее дарение было включено в муниципальные акты²¹).

Отметим здесь созвучие *curialium* – *curavimus*. Если принять без исправлений чтение оригинала, следовало бы предположить и выбор вместо субстантивированного причастия *gesta* его паронима *gesti*, являющегося настоящим причастием и характеризующего состояние самих действующих лиц. Но, скорее, здесь следует внести конъектуру: *gesti<s>*.

Латинское понятие *scriptura* служило общим обозначением документальной записи частноправового характера независимо от того, было ли ее содержание уже внесено в муниципальные акты, или нет. С угасанием практики ведения муниципальных регистров к началу VIII в. само понятие *gesta* применялось все реже, и смысл его искажался, как мы вновь увидим в параграфе о формулах уступки имущества. В ряде случаев его заменяет понятие *scriptura* в сочетании с другими понятиями. Вместе с тем глагол *allegare* (в документах обычно в форме *alligare*), обозначающий приведение доводов в доказательство подлинности фактов, излагаемых перед представителями судебной власти, продолжал применяться в документах, но все чаще в сочетании с другими понятиями. Примеры нового применения понятия *scriptura* и термина *alligare* будут приведены в каждом из следующих параграфов.

От римского дарения между супругами к имущественным договорам между монастырями

В формулярии Маркульфа, датируемом концом VII в., в разделе, посвященном дарениям между супругами (*Carta interdonationes inter viro et faemina de eorum res (sic!)*), содержится следующая формула:

Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate, manente caritate, pro amorem (amore?) dilectionis invicem condonare placuerit, scripturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum vel a quemcumque (sic!) posset convelli. (Ведь, что бы ни было угодно между супругами подарить друг другу из собственного имущества ради любви к сердечному избраннику, при сохранении <такового> расположения необходимо, чтобы это было удостоверено публично письменными документами, дабы в будущем не могло быть расстроено их наследниками или кем бы то ни было²²).

Другая версия этой формулы содержится в Турском формулярии, который принято датировать серединой VIII в. Хотя исследователи считают этот формулярный, таким образом, не столь ранним, как Формулярный Маркульфа, следует отметить, что оба текста дошли преимущественно в списках IX в., и списки более раннего времени неизвестны. В том, что касается приведенной здесь формулы, необходимо даже признать, что версия Турского формулярия стоит ближе к исходной, чем дошедшая до нас версия Формулярия Маркульфа. Рассматриваемая формула здесь представлена тоже в титуле, посвященном дарению между мужем и женой (*Donatio inter virum et uxorem, tamen gestis sit alligata*). Начало ее почти полностью совпадает с текстом Маркульфа:

Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate ob amorem dilectionis invicem condonare placuerit, scripturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum posse<t> convelli.

В то время как в Формулярии Маркульфа оборот *ablativus absolutus* «manente caritate» производит впечатление чего-то излишнего, в Турском формулярии этот оборот в исходной форме «manente coniugio» выступает частью дальнейшей цитаты из труда, приписываемого выдающемуся римскому легисту рубежа II–III вв. Юлию Павлу: «...quia secundum legem, “si manente coniugio vir uxori vel uxor marito aliquid donaverit, si is cui donatum est prior mortuus

fuerit, apud donatorem ea quae donate fuerant remanebunt» (так как, согласно закону, «если, находясь в браке, муж жене или жена мужу что-либо подарит, если тот, кому сделано дарение, первым умрет, вещи, которые были дарованы, останутся у дарителя»)²³.

Примененное в формуле выражение *scripturarum titulus alligari* можно с некоторыми оговорками поставить в параллель с выражением *gestis alligari*. В римском праве понятия *tituli* и *gesta* могли обозначать совершенно различные вещи. Примером может служить эдикт императоров Гонория и Феодосия II от 26 апреля 409 г. относительно сбора денег для закупки зерновых запасов, дальнейшая продажа которых снизила бы цену на зерно в обстановке угрозы голода (С. Th. 14. 16.1). Термином *titulus* здесь назван письменный документ, в котором должны были быть зафиксированы все сделанные закупки. Этот документ (*titulus emptionis*) надлежало обнародовать в судебных присутствиях, находившихся в ведении константинопольского претора, и внести в регистры: *quidquid super frumentaria comparatione titulus emptionis invenerit, in tribunalibus praefecturae urbanae sub gestorum testificatione pandatur*.

Не лишено значения то обстоятельство, что и в приведенных выше определениях из раннесредневековых формуляриев, и в названном императорском эдикте один и тот же глагол *convellere* применен для обозначения того возможного нарушения устанавливаемого порядка, предотвращению которого должно было служить в первом случае письменно удостоверенное публичное заявление частного лица, а во втором — оглашение произведенных доверенными лицами закупок и внесение соответствующей записи в регистры. Устанавливая обязательность письменного удостоверения дарения между супругами, ссылаясь на выраженную в «Сентенциях» Павла норму в отношении таких дарений, раннесредневековый правовед, очевидно, припомнил и некоторые, как ему казалось, подходящие выражения из Кодекса Феодосия²⁴.

Несомненно, он думал о публичном заявлении дарителя и о таком письменном удостоверении воли дарителя, которое должно было послужить средством возможной защиты в суде вновь установленного права владения вещью. Но, по всей вероятности, он намеренно избегнул прямого указания на внесение соответствующей записи в муниципальные регистры и лишь указал на публичное удостоверение воли дарителя с помощью тем или иным образом оформленных письменных документов. Неопределенность его слов можно объяснить исчезновением самой традиции

внесения записей о частноправовых актах в муниципальные регистры и тем хорошо известным обстоятельством, что императорское законодательство не приветствовало дары между супругами, поскольку не исключало возможности принуждения.

Примеры смелого творческого применения образцов, содержащихся в формуляриях, мы находим в грамотах IX–X вв. из Пуату. Норма, выраженная в формуляриях в отношении дара между супругами, в документах перенесена на имущественные права, которые устанавливали между собой монастыри. Документ, составленный в 827 г., засвидетельствовавший соглашение между капитулом церкви Св. Илария в Пуатье и находившимся ранее в зависимости от него монастырем Св. Юниана в Нуайе относительно прав последнего, начинается словами:

Quicquid inter servorum Dei concorditer de rebus ecclesiae sibi creditis, manente varietate, pro dilectionis amore invicem consentire placuerit, *scripturarum necesse est titulis alligari*, ne in posterum a senioribus vel a quocumque possit convelli. (К какому бы взаимному согласию в отношении доверенных им имуществ Церкви ни было угодно прийти в полном единодушии между божьими слугами по любви друг к другу, если остается возможность изменений, необходимо, чтобы это было публично удостоверено имеющими правовую силу документами, с тем чтобы в последующем это не могло быть порушено начальниками или кем-либо другим²⁵).

В грамоте 991 г. от имени герцога Аквитанского Гильома IV, составленной в пользу монастыря Св. Юниана и вновь регулирующей его имущественные отношения с монастырем Св. Илария, применена та же формула, но с некоторыми характерными изменениями:

Quicquid enim inter servorum Dei concorditer de rebus ecclesiis (sic!) sibi creditis, manente *largitate*, pro amore dilectionis invicem consentire placuerit, scripturarum necesse est titulis *conligari*, ne in posterum a senioribus vel *a potestate seculari* possit coinquinari²⁶.

Выражение *manente varietate*, обозначавшее допустимость самих изменений, сменяется здесь выражением *manente largitate*, что прямо предполагало возможность предоставления новых, дополнительных, прав. Помимо этого указано, что достигнутое согласие может быть осквернено вмешательством не только церковного начальства, но и светской власти. Но наиболее интересное для нас изменение состоит в замене глагола *alligari* глаголом *conligari*,

позволяющей думать, что составитель документа предполагал лишь механическое «присоединение» нового документа к связке старых грамот, хранившихся в монастыре.

Series scripturarum (chartarum) как обозначение документов о передаче имущества свободными людьми

Термины *series scripturarum* и *series cartarum* применяются в утверждении о необходимости удостоверения передачи имущества путем составления документа в надлежащем порядке. На деле речь идет о самых разных видах правовых актов: о даре жениха по случаю бракосочетания (*donatio propter nuptias*)²⁷, об отдаче земли в держание для устройства там солеварни²⁸ или для других целей²⁹, о продаже участка монастырю для устройства на нем мельницы³⁰, о благочестивых дарениях монастырю³¹. Неизменным в соответствующих формулах остается ссылка на авторитет законодателей (*legali sancitur auctoritate, latores legum sanxerunt*), либо на решение высшего совещательного органа (*consultum est*), но ссылка эта во всех случаях остается слишком общей, и напрасно здесь искать определенный источник среди памятников римского права.

Есть тем не менее причины думать, что исходной сферой применения формул рассматриваемого типа были благочестивые дарения монастырям, в правовом отношении близкие позднеантичному завещанию. Со временем в монастырях составители документов стали применять привычную для них формулу и к другим формам передачи имущества. Понятие *series* нередко применяется в законоположениях, собранных в Кодексе Феодосия. В эдикте императоров Аркадия и Гонория им обозначено непосредственно письменное завещание, которое следовало прочитать свидетелям перед тем, как они подпишут его (С. Th. 4.4.3.1). Этот эдикт был воспроизведен и в Бревиарии Алариха (р. 104: 4.4.3.1). Каково бы ни было конкретное значение понятия *series* в применении к завещанию, оно подходило ему уже потому, что имущественные распоряжения в пользу наследника дополнялись поручениями наследнику относительно наделения других лиц имуществом, оставляемым завещателем.

Бревиарий Алариха сохранил особое толкование к эдикту императоров Грациана, Валентиниана III и Феодосия I об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа (LRV. 3.8.2. Interpr.). Там мы встречаем то самое выражение

conferre voluerit, которое мы неоднократно обнаруживаем в формулах рассматриваемого типа. Там же для обозначения имущественных прав применено характерное выражение *progrgiae facultates*, которое мы обнаруживаем и в самой ранней из рассматриваемых формул, содержащейся в Буржском формулярии (*Formulae Bituricensis*). В примере под № 15 представлены извлечения из составленного в области Буржа документа о даре (весьма щедром!) супруга супруге, причем супруг выступает в статусе отпущенника, характерном для галло-римского магната во Франкской Галлии:

Hoc consultum est, ut, quicumque liberta persona de rebus propriis facultatis suae aliquid *conferre voluerit*, hoc per seriem scripturarum laudabiliter debeat esse *adlegatum* adque (sic!) subter firmatum, qui hac conditione et iurae (sic!) postulat praetorium et *gestis* requirit *municipalibus*. (<Властью Сената> установлено, что, кто бы в статусе отпущенника ни пожелал передать (кому-либо) что-либо из собственного имущества, находящегося в его распоряжении, эта передача имущества должна быть публично объявлена путем оформления документов в принятом порядке и эти документы должны быть скреплены подписью. При соблюдении этого условия такой человек по праву обращается в суд претора и заявляет требование, опираясь на муниципальные акты)³².

К значительно более позднему времени, но вместе с тем к области с более стойкими культурными традициями относится документ, составленный от имени графа Пуатье Гильома III в 929 г. и оказавшийся затем в архиве монастыря Св. Максенция (примерно в 55 км к юго-западу от Пуатье), так что можно предположить как заинтересованность монастыря в составлении этого документа, так и прямое участие ученых монахов этой обители в его оформлении. Речь идет об отдаче в держание участка земли для устройства солеварни. Здесь уже не идет речь о необходимости внесения записи в муниципальные акты, но есть указание на тот самый статус свободного гражданина, подлежащего вместе со своим имуществом общей переписи (*census*), который, заметим, выдвинут в качестве необходимого условия для внесения акта передачи имущества (*traditio*) в муниципальные регистры в известном эдикте императоров Гонория и Феодосия II от 15 марта 415 г. (C. Th. 8.12.8.1):

Legalis sancitur auctoritate inlustriumque virorum roboratur confirmacione ut quæ quid legitime potestates vel persone *sub censu legitimo* voluerint adipisci,

scripturarum seriæ *alligetur*, ut quod rationabiliter factum fuerit, nullatenus in relicum (sic!) possit divelli. (Властью законодателей установлено и подтверждено собранием сенаторов, чтобы всякий законный представитель власти или лицо, включенное в ценз, кто пожелает что-либо приобрести, подлежал процедуре публичного удостоверения (своего приобретения) путем оформления надлежащих документов, с тем чтобы то, что будет сделано в установленном порядке, в будущем никоим образом не могло быть разрушено)³³.

В четырех несколько более поздних документах (992–1091 гг.) из монастыря Св. Юниана в Нуайе повторяется одна и та же формула, где вновь всплывает понятие *gesta*. Здесь мы встречаем опять выражение *conferre voluerit*, восходящее еще к статье Бreviария Алариха об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа. Характерно и определение *progrium* к понятию *ius* — это определение имеется и в названной статье. Более строгое понятие *scriptura*, обозначавшее письменное удостоверение правового акта, здесь, однако, сменяется понятием *charta*, которым в памятниках римского права обычно означали письменные прошения и всякого рода списки. Выражение *per seriem cartarum* сливается в единое целое с выражением *gestis alligetur*. Вот пример из грамоты, датируемой издателем 994 г.:

Latores legum sancxerunt ut qui de iure proprio aliquid alicui conferre voluerit, hoc sub presentia virorum nobilium per seriem cartarum gestis alligetur, quatinus hoc quod pie factum est diuturnis temporibus maneat incon vulsum... (Законодатели положили непреложным, чтобы, кто бы ни пожелал кому-либо передать что-либо из имущества, в отношении которого пользуется полнотой прав, эта передача имущества была объявлена в присутствии знатных мужей и включена в муниципальные акты путем совершения надлежащих записей, благодаря чему то, что сделано по благочестию, на долгие времена да останется нерушимым)³⁴.

Любопытно, что в более ранних, относящихся еще к IX в., но выполненных в германских землях, списках, так называемых Салических формулах Линденбруха (*Formulae Salicae Lindenbrogianae* — по имени первого издателя, носившего имя Friedrich Lindenbruch, 1573–1648)³⁵, та же формула подвергнута характерному изменению, свидетельствующему о том, что авторам дошедших до нас списков этого памятника уже был непонятен смысл глагола *allegare* (*alligari*), как и смысл понятия *gesta*. Первый здесь заменен глаголом *obligari*, обозначавшим принятие обяза-

тельств всякого рода, а понятие *gesta* вообще упразднено. Однако же вместо слова *carta* здесь вновь употреблено слово *scriptura*. Не исключено, что и в прототипе формулы документов из Нуайе содержалось именно это слово, но кто-то сознательно заменил его на слово *carta*:

Latores legum sanxerunt, ut, qui de iure proprio alicui aliquid tradere voluerit, hoc coram plures testibus *per scripturarum seriem firmiter faciat obligari*, ut in evum inconvulsum valeat permanere³⁶.

Эта формула дословно повторена в грамоте 875 г. из северо-французского города Камбрэ³⁷.

Эдикт Феодосия I о публичном удостоверении уступки имущества в раннесредневековой традиции

Заслуживает нашего внимания и часто встречающаяся в раннесредневековых документах формула, определяющая порядок уступки имущества в вынужденных обстоятельствах (*cessio*). Формула восходит к позднеантичному источнику, и различные ее версии позволяют судить как о древнейших способах письменного удостоверения такого рода актов, так и о собственных представлениях составителей средневековых документов о роли письменного документа. В документах Пуату, Оверни, Прованса и того региона, который до территориальной реформы 2014 г. был известен как Юг-Пиренеи, мы встречаем более двух десятков примеров этой формулы. Древнейший пример (781 г.) содержится в картулярии марсельского монастыря Сен-Виктор. К сожалению, латинский текст документа с его нагромождением синонимических понятий сверх всякой меры и смысловыми повторами плохо поддается буквальному переводу:

Licet in universis strumentis solempnes muniones antiquitus veneranda constituunt, ut undecumque contractus instituta firmitate muniatur; in cessionibus vero, seu et *professionibus*, sola voluntate jusserunt principes manere auctoritate. (Хотя публичные меры защиты, которые следует соблюдать для подтверждения любых правовых актов, требуют, чтобы договор подтверждался во всех отношениях установленным способом, в случаях уступки имущества, однако, или, иначе говоря, «публично-го объявления», государи повелели, чтобы они держались одной волей (заявленной уступающим имуществом лицом)).

Составитель документа продолжает:

...ut quicumque aliquid alteri cesserit, profiteatur, sed tamen rem cessisset, id est aut scripturis, aut gestis, aut testibus, et sola voluntati professio pro omni firmitate illius sufficiat in augmentum. (...так чтобы всякий, кто уступит другому (имущество), объявил о том – но только <если> он уже уступил имущество, – а само по себе объявление воли (т.е. посредством записи частного характера, или путем включения в муниципальные акты, или с помощью собрания свидетелей) да будет предостаточным для крепости (совершенного))³⁸.

Эта формула восходит к двум постановлениям Кодекса Феодосия (опубликован в 438 г.), которые касались *cessio bonorum* – уступки имущества несостоятельным должником своему кредитору. Согласно приписываемому Юлию Цезарю закону (*Lex Julia de cessione bonorum*), при уступке должник должен был произнести вполне определенные слова. Но эдиктами Феодосия I (римский император с 379 по 395 г.) должник освобождался от этого формализма, и ему достаточно было просто выразить свою волю. Так, в консульство Гонория и Эводия (387 г.) Феодосий постановил: «...in omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola professio» (При любой уступке имущества следует требовать лишь публичного объявления о ней; при любой уступке имущества достаточно одного публичного объявления воли) (С. Th. 4.20.3)³⁹.

По свидетельству, содержащемуся в известном своде римских правовых норм, составленном в королевстве Бургундов в начале VI в., *Lex Romana Burgundionum*, в том же 20-м титуле Кодекса Феодосия, где представлены эти законоположения, было приведено и суждение одного из римских правоведов на тот же предмет (С. Th. 4.20.4). В бургундском своде оно несет следы позднейшей его переработки:

Cessionis ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est, ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur. (Так сохраняется крепость уступки имущества, если уступка какой-либо вещи будет сочтена добровольной и очевидной в силу добровольного и открытого объявления, т.е. такого, чтобы запись об уступке какой-либо вещи была скреплена добровольным заявлением уступающего имущество и подписью)⁴⁰.

В списках А3 и А4 названного раннесредневекового свода римского права весь его текст по ошибке приписан Папиниану, прославленному римскому правоведу (казнен императором Каракаллой в 212 г.), хотя нельзя исключать наличие в этом правовом своде и некоторых извлечений из Папиниана⁴¹. Первый титул в списке А3 начинается цитированием принадлежащего, возможно, именно Папиниану суждения о том, что полюбовные соглашения заключаются не только посредством определенных слов, но выражением настоящей воли сторон: *Pacta non solum verbis, sed ex voluntate contrahentium constituuntur*. Оценивая приведенные здесь положения из Кодекса Феодосия, следует принять во внимание, что римские правоведы противопоставляли понятие «воля» скорее точному воспроизведению традиционных словесных формул, нежели непосредственно письменной ее фиксации.

Составители Бревиария Алариха (506 г.) привели упомянутый нами выше эдикт Феодосия I без того дополнения, которое отмечено в бургундском своде римского права. Вместе с тем положения эдикта (*in omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola professio*) снабжены здесь следующим толкованием (*interpretatio*):

Quaecumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cecisse vel causam, hoc est aut gestis aut scriptura aut testibus, et sola voluntatis illius professio pro omni firmitate sufficiat. (Какие только вещи кто-либо другому лицу ни уступит, пусть только объявит публично, что он уступил имущество или бывшие предметом спора права — т.е. либо включением специальной записи в муниципальные акты, либо записью, оформленной в частном порядке, либо путем призвания свидетелей (в принятом порядке), — и само объявление его воли да будет достаточно для полной крепости совершенного)⁴².

Нет сомнений в том, что для галло-римского населения германских королевств в начале VI в. было в обычае составлять письменный документ того или иного рода в удостоверение акта передачи имущества путем его добровольной уступки. Но Бревиарий Алариха не исключал удостоверение такого акта и путем лишь призвания свидетелей, хотя, разумеется, и в особом порядке. Кроме того, там было проведено различие между письменным документом, оформленным в частном порядке, и документом, включенным в публичные акты муниципия. Как бы то ни было, предметом заботы законодателей была, прежде всего, доброволь-

ность уступки и возможность установления настоящей воли лица, уступавшего свое имущество.

Любопытно, что в сокращенном изложении статей Бревиария, известном как *Эпитома* Эгидия, указание на документ, составленный в частном порядке, опущено: *In omni cessione professio sola quaerenda est, hoc est aut gestis aut testibus, et tunc sola voluntas pro omni firmitate sufficiat*⁴³.

Документ 781 г. из марсельского монастыря Сен-Виктор, выдержки из которого мы привели в начале параграфа, представляет самый ранний из известных нам примеров применения формулы из толкования к названному императорскому эдикту в Бревиарии Алариха. Но еще ранее, не позднее середины VIII в., часть той же формулы была использована в так называемом Турском формулярии, служившем пособием для составителей документов:

Latores legum sanxerunt, ut, quicquid unusquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse vel concedi, et sola voluntas illius aut scriptura aut testibus comprobata pro omni firmitate sufficiat. (Законодатели положили неизменным, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, что он имущество уступил, или что оно уступается, и для полной крепости совершенного будет достаточно одной его воли, подтвержденной документальной записью или свидетелями)⁴⁴.

На этот раз, как мы видим, было удалено указание на традицию включения документальной записи в особые акты муниципия. Однако представляется очевидным, что в первоначальном варианте этого формулярия содержалось и указание на эту традицию. Даже в более поздних (936 г., 1140–1178 гг.) документах монастыря Св. Юниана в Нуайе, одного из культурных центров Аквитании, хранивших память о древнейших правовых традициях, сходная формула снабжена и указанием на акты муниципия:

Latores legum sanxerunt ut quicumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse, id est testis aut gestis aut scriptura, et sola illius voluntate pro omni firmitate perficiat. (Законодатели положили неизменным, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, то ли с призванием свидетелей, то ли путем включения в муниципальные акты, то ли путем документальной записи частного характера, что он уступил имущество, и одной своей волей (заявленной таким образом) наделял этот акт полной силой)⁴⁵.

Многочисленные примеры последующей переработки основного положения об удостоверении уступки имущества показывают в основном достаточно осознанный подход к делу у составителей документов, их стремление привести начальное законоположение в соответствие с новыми условиями общественной жизни. Так, в грамоте 925 г. из аббатства Св. Максенция мы читаем:

Antiqua legum sanxit auctoritas, et ratio juris exposcit, ut <si> inter qua<e>cumque strumenda cartarum concessio invenitur, [solum] tantum (*scriptor correxit dictione prima non deleta*) professio (*in ms. processio*) voluntatis agnoscatur. (Древняя сила законов сделала непреложным – и того требует само начало права, – чтобы в случае, если среди каких-либо письменных свидетельств, имеющих силу в суде, оказывается «уступка», признавалось бы лишь публичное объявление)⁴⁶.

Мы видим, что здесь исключительное значение придано письменному документу как важнейшему свидетельству о правовом акте, но внимание составителя документа смещается с момента публичного удостоверения правового акта к возможному его рассмотрению в суде, на случай благополучного исхода которого, собственно, и составлялся любой документ. Богатый монастырь Св. Максенция славился своими культурными традициями. Неслучайным было оригинальное переосмысление традиционной формулы в одном из его документов, хотя нет сомнений, что тема разбора материала письменных свидетельств в процессе имущественных споров была подсказана более ранними документами того же монастыря или тех церковных и культурных центров, с которыми он был связан.

Сходную формулу мы находим в несколько более раннем документе (899 или 901 г.) упомянутого уже монастыря Св. Юниана в Нуайе. Понятно, что братия этого монастыря через посредство своей материнской обители, капитула церкви Св. Илария, испытала сильнейшее воздействие традиций главного культурного центра той области – Пуатье. Но, очевидно, сами монахи монастыря Св. Юниана не отличались образованностью. Как и в упомянутом документе 936 г. того же монастыря, составитель этого более раннего документа следовал в основном букве отраженного в Бревиарии Алариха и в Турском Формулярии положения о том, что в случае уступки имущества достаточно выражения воли в свободной форме. В рассматриваемом документе отражено вместе

с тем и содержащееся в более древнем образце представление о коренном значении письменного удостоверения этой воли для доказательства вновь установленных имущественных отношений в суде. Вместе с тем, несомненно, уже в образце объявлялось излишним включать такое письменное удостоверение в муниципальные акты, так как эта норма сознавалась уже как не отвечающая новому укладу жизни.

К сожалению, составитель документа не сумел передать строгую мысль предшественника, сбился при написании документа и не стал исправлять свою ошибку, как это мы часто наблюдаем в средневековых документах не только Раннего Средневековья, но и более позднего времени. Похоже, что составитель документа когда-то запомнил формулу на слух:

Sanxit octoritas ut cessio inter quas cum quod (=quascumque <personas, si>) estrumenta kartarum inventa fuerint<,> sine gestorum ablegacionem (sic!) plenissimam obtinea[n]t firmitatem. (Авторитет [законов] сделал непреложным, чтобы акт уступки имущества получал полнейшую силу без включения в муниципальные акты, если окажутся письменные свидетельства о нем, которые признает суд)⁴⁷.

По-видимому, идеи такого рода побудили автора Турского Формулярия удалить из формулы всякое упоминание о включении письменного удостоверения уступки имущества в муниципальные акты. Прототип документа из Нуайе следует датировать временем ранее середины VIII в., к которому принято относить создание названного формулярия. Сходные мысли с теми же выражениями и с явной привязкой к содержащейся в Бrevиарии Алариха норме, но уже без прямого указания на письменный документ, содержатся в документе 924 г. из аббатства Св. Фидес (Sainte-Foy) в Конке. Расположенное примерно в 86 км к северо-западу от Тулузы, оно тяготело уже к Средиземноморью и Пиренеям. Следует отметить более свободную и вместе с тем грамматически не столь корявую форму документа из Конка:

Antiqua ratio deposcit et lex (=legis) auctoritas declarat ut qualis conque homo res suas in alteriis (sic!) personas transferre voluerit profiteatur rem tantum cessione, quare cessio sola sufficit sine gestorum alegatione in omnibus obtineat firmitatem. (Древние доводы разума требуют, и авторитет закона провозглашает, чтобы каждый человек, кто пожелает передать свое имущество другим лицам, лишь публично объявил, что он уступил имущество, благодаря чему достаточно будет самой уступки без включения в муниципальные акты, и она получит силу во всех отношениях)⁴⁸.

Мы наблюдаем, таким образом, как творчески перерабатывалась в самых разных местах правовая норма, некогда включенная в Бревиарий Алариха. Будет нелишним отметить, что рассматриваемые формулы применялись и в живой речи, следы которой они несут и на письме. Так, в документе 945 г. из того же монастыря Св. Фидес приведенная формула предстает в предельно усеченном виде, так что даже предлог *sine* одиноко повис без существенного *allegatione*, которое он вводил, причем написание слова *gestorum* отразило реальное его произношение, где латинский согласный [g] перед мягкой гласной превращался в [j]: *Cessio sola sufficit sine <...> jessorum, tamen in omnibus plenissima obtineat firmitatem* (Сама уступка достаточна без *муниципальных актов*, но пусть имеет полнейшую силу во всем)⁴⁹.

Новая интерпретация позднеантичного законоположения относительно уступки имущества, которую якобы было излишне удостоверять в форме муниципальных актов, породила в умах составителей документов бывшего аббатства Св. Иулиана в Бриуде (ныне капитул) совершенно неожиданные представления об исключительном месте «уступки» в сфере письменного оформления правовых актов. Составители все новых документов этого аббатства, располагавшегося в центре Южной Франции, примерно в 70 км на юго-восток от Клермона, не переставали повторять с небольшими вариациями две близкие по смыслу формулы:

Legum decrevit autoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola obtineat tantummodo cessio gestarum firmitatem. (Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка» получала крепость публично удостоверенных актов)⁵⁰.

По сути дела та же мысль выражена и в положении, где утверждается, что и без включения в муниципальные акты «уступка» получала полную силу. Стоит, однако, отметить, что автор новой формулы уже не понимал настоящего значения слова *alligatio* и заменил его на более привычное *obligatio*:

Legum decrevit autoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestarum obligatione in perpetuum plenissimam obtineat firmitatem. (Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка», минуя требования включения в *gesta*, навечно получала полную силу)⁵¹.

В обеих формулах специальный юридический термин *gestum* заменен на форму, которая подразумевает просто запись о памятных делах: *gesta* (ср.: *res gestae*). Любопытно, что обе формулы содержатся и в копии картулярия монастыря Св. Петра (*sanctus Petrus Celsiniensis*) в Соянже (*Sauxillanges*), располагавшегося на полпути от Бриуда к Клермону⁵².

К сожалению, названные документы из Оверни плохо поддаются датировке⁵³. Как бы то ни было, можно предполагать, что содержащиеся в них формулы, которые мы здесь привели, восходят ко времени не позднее IX в. До некоторой степени об этом позволяют судить точно датированные и сохранившиеся в подлинниках документы из кафедрального собора города Родез, который относится примерно к тому же географическому и культурному региону, что и упомянутое выше аббатство Св. Фидес в Конке (последнее располагалось примерно в 30 км севернее Родеза). Документы соборной церкви города, близкого к культурным центрам средиземноморской Франции, демонстрируют уже в первой половине X в. следующий шаг в деградации юридического содержания рассмотренных нами формул. В документе 936 г. от имени епископа Деуследита и в документе 943 г. от имени супругов Евы и Аббона содержится первая из наших овернских формул. Однако обычай запоминать формулы на слух привел составителей документов уже к полному искажению коренного смысла исходной нормы, так что слово *gestorum* (т.е. *актов, того, что было совершено*) в них заменено уже на слово *justorum* (т.е. *справедливых людей*):

Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) justorum (sic!) in perpetuum plenissime obtineat firmitatem⁵⁴.

Legum decrevit auctoritas (sic!) et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio justorum (sic!) in perpetuum plenissime obtineat firmitatem⁵⁵.

При виде таких искажений исходной формулы нетрудно объяснить, как в целом ряде документов на месте требуемого латинского номинатива *cessio* оказался мнимый латинский аблатив *cessione*, ведь, как известно, система падежей в живой речи к тому времени была утрачена и всеобщее применение получили формы слов, произведенные от латинского аккузатива или аблатива в зависимости от региона. Относительно двух последних примеров, однако, можно уже утверждать, что в них бесполезно искать про-

явление осознанного отношения к формулам, унаследованным от прошлого. Здесь мы имеем пример господства канцелярской рутины.

В заключение еще раз отметим, что примеры деградации формул, основанных на нормах римского права, не отменяют того факта, что примерно до середины VIII в. составители документов обладали не только определенным знанием норм римского права, но имели представление о самих правовых институтах поздней античности. И в то время, и в дальнейшем использование, пусть часто и в превратном виде, норм римского права служило делу насаждения культуры письменного документа.

Порядок оформления документов в монастырях Пуату на рубеже XI–XII вв. (на примере подлинных грамот 1114 г. из собрания СПбИИ РАН)

Среди средневековых южнофранцузских грамот, хранящихся в Западноевропейской секции Научного архива Санкт-Петербургского института истории, наиболее ранними являются два документа 1114 г., происходящие из аббатства Св. Максенция. Первый из них, карт. 326, № 3, удостоверяет дар монастырю от Иземберта, сеньора Шателайон. Второй, карт. 326, № 3а, удостоверяет дар монастырю от Петра Айральда, о котором мы знаем лишь то, что он был соседом по тому самому владению Иземберта, которое последний отчуждал в пользу монастыря, согласно первой из названных грамот. Как будет показано ниже, текст этих документов был опубликован ранее того времени, когда они оказались в России, но их содержание никогда не становилось предметом специального анализа.

Но еще более важно то обстоятельство, что после их приобретения Н. П. Лихачевым (1862–1936), создателем коллекции западноевропейских документов, в которую они ныне входят, документы выпали из научного оборота вследствие бурных событий российской истории в XX в., осталась неисследованной и неопищенной их внешняя форма. Между тем область Аквитании, из которой они происходят, предоставляет интереснейшие примеры сохранения древних традиций — как в оформлении документа, так и в его применении участниками правоотношений. Чтобы стала более понятна ценность материала, который представляют

две грамоты из петербургского собрания, достаточно отметить, что во всех французских собраниях средневековых документов на сегодняшний день исследователями отмечено не более 4380 оригиналов документов, составленных не позднее 1114 г.⁵⁶

В настоящей главе мы сосредоточимся на форме документов и на порядке их составления, а вместе с тем попробуем сделать некоторые выводы относительно роли письменного документа в исследуемом регионе в начале XII в. Основные сведения археографического характера о наших документах сообщим далее. Но прежде укажем столь важные для идентификации подлинника размеры каждого из документов: карт. 326, № 3 — 390/385 × 275/280 мм, карт. 326, № 3а — 280/273 × 395/390 мм.

Судьба рассматриваемых грамот, история того, как они попали в руки Н. П. Лихачева, не лишена драматизма и загадочности. Первый очень серьезный урон монастырскому архиву, в составе которого находились наши документы, был нанесен в период Религиозных войн: в 1562 г. он был разграблен протестантами, и картулярий (который содержал копии обоих интересующих нас документов) попал к некоему протестанту по имени Форьян; впоследствии он был возвращен в монастырь, но к тому времени был изъеден крысами и плесенью⁵⁷. В 1805 г. картулярий, а с ним и многие другие документы погибли при пожаре в Ниоре, куда они были переправлены после Великой Французской революции. К счастью, некоторая часть грамот находилась в руках графа д'Орфей, который в начале XIX в. предпринял попытку написания истории провинции, и потому уцелела. Впоследствии некоторые из этих документов поступили в архив департамента Де-Севр, другие оказались в Муниципальной библиотеке Пуатье, в библиотеке Общества антикваров Запада и в частной коллекции Б. Фильона⁵⁸. Нам не удалось полностью выяснить историю оказавшихся в Петербурге документов, достоверно известно, однако, что в 1854 г. один из них находился в архиве департамента Де-Севр⁵⁹, а в 1886 г. оба входили в коллекцию умершего в 1881 г. Б. Фильона. После смерти знаменитого антиквара распродажей этой коллекции занимался Э. Шаравэ⁶⁰, и, судя по всему, именно при его посредничестве или при посредничестве его наследников два редких документа поступили в собрание Н. П. Лихачева⁶¹.

Два связанных по содержанию и происхождению документа публиковались несколько раз. В XVIII в. Л. Арсер привел текст второго документа в своем труде, посвященном исторической

области Они⁶². В 1854 г. Л. Файе опубликовал первый документ, основываясь на копии с оригинала, которую выполнил Боше-Филло⁶³, через несколько лет уже оба документа были опубликованы И. Раваном⁶⁴, наконец в 1886 г. А. Ришар опубликовал обе грамоты в составе общей публикации документов монастыря Св. Максенция⁶⁵.

Для лучшего понимания содержания документов предварим их анализ некоторыми общими сведениями о географии и истории мест, где они некогда были составлены.

Основные события, получившие отражение в наших грамотах, разворачивались на территории между реками Севр-Ниортез и Шаранта в ее нижнем течении. Значительная часть этой местности относится к исторической области Они, главным центром которой был замок Шателайон, располагавшийся на берегу океана к северу от Рошфора и к югу от того места, где впоследствии вырос город Ла Рошель (с течением времени замок и расположившийся под его защитой город были разрушены главным образом силой морских приливов). Другой своей частью названная местность входила в область Сентонж с центром в городе Сент. Низинная часть описываемой области вдоль морского побережья и в долинах рек регулярно затапливалась во время морских приливов, обширные территории были заболочены. Там была налажена добыча соли путем постепенного выпаривания морской воды в системе водоемов. Добыча соли стала важнейшей частью хозяйственной деятельности и одним из источников богатства местных монастырей и прежде всего монастыря Св. Максенция.

Со временем у стен монастыря Св. Максенция вырос небольшой город, который ныне носит название Сен-Мексен Л'Эколь (департамент Де-Севр). Другим крупным духовным учреждением в этой области был бенедиктинский монастырь Иоанна Крестителя в Анжели (галло-римск. *Angeliacum*) – Сен-Жан д'Анжели. Как и монастырь Св. Максенция, он располагался на знаменитом паломническом пути к св. Якову Компостельскому. Значительная часть доходов обоих монастырей поступала и от виноделия.

Петербургские грамоты освещают весьма важный момент истории монастыря Св. Максенция – одного из древнейших и могущественнейших монастырей Пуату⁶⁶. В начале XII столетия, когда были составлены рассматриваемые грамоты, монастырь, основанный около 459 г., переживал настоящий расцвет, упрочивая свое материальное положение и округляя свои земельные

владения. На конец XI — начало XII в. приходится масштабное строительство — в 1093 г. начинает заново возводиться монастырская церковь (в отстроенной на старом фундаменте в XVII в. церкви аббатства о периоде строительства романской церкви напоминает, в частности, деамбулаторий)⁶⁷.

Благосостояние монастыря во многом зависело от отношения к нему могущественных герцогов Аквитании, то наделявших его новым имуществом, то под разными предложениями отбиравших прежние дарения. Так, Гвидон-Готфрид (1058—1086)⁶⁸ отказывался признавать предыдущие дарения, совершенные в пользу монастыря Св. Максенция его матерью — Агнессой. Свои действия герцог оправдывал тем, что он не давал на них личного согласия. На деле его основные имущественные притязания к монастырю были связаны с тем, что он должен был вознаградить своих вассалов, вернувшись в 1063 г. из похода на Пиренейский полуостров после победы над сарацинами под Барбастро. Оспаривая законность новых приобретений монастыря, герцог отнял у монахов все владения, которые монастырь приобрел во время правления аббата Аркамбальта (1040—1059)⁶⁹, ставленника Агнессы.

Успехи аббатства в рассматриваемый период во многом были обеспечены личными усилиями аббата Гауфреда (1107—1134), сумевшего оградить обитель от новых притязаний светских князей⁷⁰. По инициативе именно этого аббата составляются хроника и картулярий аббатства, призванные доказать законность имущественных прав и притязаний монастыря⁷¹. Гауфред отправился в Италию к папе римскому с просьбой взять монастырь под непосредственное покровительство папского престола. В 1110 г. Пасхалий II (1099—1118) издал буллу, согласно которой за монастырем Св. Максенция признавались права на 45 церквей, девять обширных земельных владений (*terre*), четыре соляных рудника (*saline*), лес и т.д.⁷² Затем папа обязал епископов Пуатье и Сента воздействовать на светских сеньоров, Гуго де Лузиньяна, Иземберта — владельца Шателайон, и Иоанна д'Ангума, с целью заставить их уважать имущественные права монастыря, перечисленные в булле от 27 апреля 1110 г.⁷³ Отметим, что Пасхалий II находился в довольно слабом положении, ведя борьбу с германским императором Генрихом V и антипапой Сильвестром IV; ища поддержки, Пасхалий II в 1107 г. совершил поездку во Францию. Нельзя, таким образом, исключать и более раннюю встречу с ним аббата Гауфреда, хотя нам о ней ничего не известно⁷⁴.

Грамоты, хранящиеся в Петербурге, отразили эпизод взаимоотношений между монастырем и представителями дома Шателайон. К началу XII в. эти сеньоры были самыми могущественными феодалами в области *Они*, центром которой, как было уже отмечено, являлся замок Шателайон, им тогда принадлежавший, и в известном смысле соперничали с графами Пуату⁷⁵. Формально, однако, они были зависимы от графов Пуату, которые некогда основали замок Шателайон для защиты побережья Они от набегов норманнов и поставили тех, кто им командовал, во главе образованного в X в. виконтства. В конце X — начале XI в. между двумя родами даже установились родственные связи: супруга герцога Аквитании Гильома IV (963—993) Эмма называла Эблеса, владельца замка Шателайон, своим «родственником» (*propinquus*)⁷⁶. Однако в XI в. зависимость виконтов от герцогов Аквитании становится все более и более условной, а их отношения приобретают характер соперничества.

Расширяя свои земельные владения, сеньоры Шателайон нередко вступали в борьбу и с монастырями. Так, отец Иземберта, сеньора Шателайон, от имени которого составлена одна из наших грамот, Эблес (действовавший в 1080—1090 гг.) присвоил принадлежавшее монастырю Св. Максенция «болото» (*mariscus*) Ла Фонделэ (*Fons Lois*)⁷⁷, располагавшееся неподалеку от местности Мульпье⁷⁸. В самом конце своего правления герцог Гвидон-Готфрид отнял это болото у Эблеса и вернул его монахам. Однако после его смерти (1086) Эблес тут же силой вернул себе болото Ла Фонделэ⁷⁹. Не теряя времени и пользуясь малолетством нового герцога — Гильома Ююши, он отнял у монастыря Св. Максенция и часть местности Мульпье.

В 1101 г. сеньором Шателайон становится Иземберт, сын Эблеса. С его именем связана история первого нашего документа. На благочестивую картину дарения, получившего отражение в нашей грамоте, отбрасывает, можно сказать, зловещую тень то, что мы знаем о дальнейшей судьбе Иземберта, вступившего в непримиримый конфликт с герцогом Аквитании, так что на Иземберте пресекается и род сеньоров Шателайон. Под конец жизни Иземберт был предан своими вассалами, которые воспользовались сомнительным предлогом, чтобы отдать его владения в руки герцога Аквитании. Дело в том, что Аэлина, жена Иземберта, почему-то пользовалась у части современников дурной славой: ее упрекали в супружеской неверности и даже называли «дочерью Белиала».

Некоторые из баронов открыто заявляли, что никогда не станут подчиняться детям, родившимся в результате прелюбодеяния; наконец в 1130 г. они открыто восстали против своего сеньора, призвав на помощь герцога Аквитании Гильома X, которого давно привлекали богатые владения своего соседа (сеньоры Шателайон владели прекрасными портами и получали большие доходы от торговли вином и солью). В этот момент лишь сенешаль Гильом Нормандец (свидетель в одной из петербургских грамот) вступил в схватку с захватчиками и предателями, но не смог спасти положение.

Прежде чем перейти к описанию и анализу двух грамот 1114 г., обратим внимание на две традиции, отразившиеся в документах рассматриваемого периода и уже ранее затрагивавшиеся исследователями. Сеем думать, что оригиналы двух документов могут тут сказать нам нечто новое.

Известно, что в Средние века в оформлении правовых актов широкое применение получили различные символические предметы, посредством которых совершалась передача имущественных прав: ножи, кожаные ремни, куски дерева и т.д.⁸⁰ Среди документов, происходящих из области Пуатье, грамоты, содержащие упоминания о подобных предметах, встречаются с начала XI в.⁸¹ Можно предположить, что подобная практика уходит в глубь веков, однако свое отражение в письменных документах она получила лишь тогда, когда значительно возросла роль рыцарства, для которого были характерны такие обычаи.

Рассматриваемый период в истории документа отмечен разнообразными формами слияния документальной записи и удостоверения правового акта с помощью символов. Так, было в обычае прикреплять символический предмет к грамоте⁸². Эрудиты-дипломатисты давно подметили символическую функцию передачи и принятия документа (*traditio cartae, levatio cartae*)⁸³. Дюма указывал, что под «грамотой» зачастую подразумевался чистый пергаменный лист, еще подлежащий заполнению текстом, который являлся таким же символом, как и другие предметы⁸⁴. Мысль эта представляется верной, но наши грамоты хорошо показывают, что в области Пуату рассматриваемого периода такого рода символическое действие могло быть лишь началом оформления документа, которое в то время еще не перестало быть одним из конституирующих элементов правового акта.

В крупных монастырях сохраняли старые, идущие еще от античности традиции письменного удостоверения правовых актов. Как мы увидим далее, в Пуату рассматриваемого периода сохранялись и идущие от поздней античности традиции подтверждения подлинности документа заинтересованными лицами.

Выдающийся исследователь истории французского документа Жири отмечал, что в течение VI–VII вв. оттиск кольца с личной печаткой постепенно сменился собственноручно начертываемым крестом, но этот знак подтверждения документа заинтересованной стороной продолжали называть словом *signum*, как и прежний оттиск, ведь и на печатке в поздней античности изображали крест⁸⁵. В сознании составителей документов VII–VIII вв. собственноручный знак в виде креста стал мыслиться и как нечто тождественное прежней подписи⁸⁶. Хотя в церковном кругу традиция личной подписи дожила до начала XII в., все же с середины X в. особое значение стали получать крупные знаки креста в нижней части грамоты, которые собственноручно выписывали те, от лица кого была составлена грамота, и другие заинтересованные лица. В то же время он отмечает, что прежние «знаки» в основном тексте превратились в проформу и выписывались уже рукой того же писца, который писал основной текст⁸⁷. Как показывают наши документы, дублирование формального упоминания знаков реальными знаками было связано с тем, что последние в действительности начертывались ранее того времени, когда писался основной текст. Жири не заметил этого обстоятельства и оставил без объяснения отмеченное им явление. Новый обычай, несомненно, был связан с тем, что в документах все чаще стали выступать лица, которые сами не могли проверить правильность составления документа и потому считали для себя излишним присутствовать при его написании и окончательном оформлении.

Грамота от лица Иземберта, сеньора Шателайон

Первый документ, как было сказано, составлен от лица Иземберта, сеньора Шателайон. Согласно этому документу, Иземберт возвращает монастырю Св. Максенция половину усадьбы Мульпье с плотиной (*exclusa*), которая, возможно, и служила границей описываемого владения, с рентой от стоящих там домов (*revestitucione domorum*), садами и огородами (*ortis*), лугами (*pratis*), пахотной землей и необрабатываемыми участками (*cultis*

et incultis), а также с повинностями (obsequiis). Наряду с этим он возвращает все болото «начиная от луга, если иметь в виду противоположный нам склон, а по нашему склону от проселочной дороги, называемой Мундеа, вплоть до роши Аймерика Кларембальда» (a prato prima ut ex illa ripa et ex n(ost)ra rippa | a Calmundeas usq(ue) ad silvulam Aimerici Clerembaudi).

К сожалению, грамота не содержит подробных сведений о способах эксплуатации уступленного имущества. В местности, где располагалось болото Мульпье, действие морских приливов было весьма слабым, о добыче соли здесь не было и речи. Но крупные монастыри умели, очевидно, и на таких болотах организовать эффективное хозяйство, ставя запруды, делая более пригодными для использования участки, поросшие травой или лесом. Не говоря уже о том, что из болота доставлялся камыш, который широко использовался для кровель, здесь можно было успешно заниматься овцеводством. Удобрять и скрепляя зыбкую почву, овцы одновременно помогали, как об этом издавна известно, успешному освоению новых участков земли. В нашем распоряжении есть грамота, разрешающая спор между владельцами Шателайона и монастырем Сен-Жан д'Анжели по поводу права выпаса скота в болотистой местности⁸⁸.

В грамоте представлены два разных этапа единого акта передачи имущества монастырю, собственно дарение на месте и последующее его подтверждение в монастыре, причем рассматриваются как два самостоятельных акта дарения: *primum donum* и *secundum donum*. Сначала сообщается о том, как, по собственному решению и держа совет с матерью, женой и приближенными, Иземберт вернул монастырю Св. Максенция (*reddidi ad ipsum locum*) права и имущество в пределах своих владений, которые его отец несправедливо забрал у монастыря вопреки возражениям аббата и монахов. Передаваемые права и имущества, вероятно, были дополнены новыми в связи с четким определением самих прав и их пространственных пределов, так что далее Иземберт мог уже с полным основанием сказать, что он передал все это в руку аббата (*in manu domni Goffredi abbatis*) как дар святому, аббату и тем, кто служил Богу в монастыре, ради искупления грехов своего отца и спасения собственной души и души матери, жены и всех родственников. Далее от лица Иземберта сообщается, что дарение было засвидетельствовано — причем так, что каждый высказал свое мнение о нем — следующими лицами (*videntibus*

et placitantibus testibus istis): матерью Иземберта Юлитой, Гильомом Нормандцем⁸⁹, Аймериком⁹⁰, приором Экса (prior de Ajas)⁹¹ Угоном, Гауфредом Аудемандом⁹² и «многими другими». Все названные свидетели выступают, таким образом, и как заинтересованные лица, причем, по всей вероятности, исключительно со стороны Иземберта.

Затем следуют сведения, которые должны служить надежным подтверждением подлинности совершенного дарения и соблюдения всех правил. Сообщается, что Иземберт и его мать совершили передачу имущественных прав в своем владении Ла Фонделэ (ad Fontem Lois)⁹³, а жена Иземберта в ее общей с Изембертом опочивальне (in camera nostra). Заметим, что опочивальня у человека такого ранга, как Иземберт, могла служить и сокровищницей, и местом принятия важных решений, ведь с римских времен она была самым защищенным местом с каменным перекрытием.

Все так же от лица Иземберта сообщается далее, что дарители использовали в акте дарения тот самый пергамен, который видит перед собой читатель грамоты (cum hoc pergamento), и собственноручным начертанием знаков креста на пергамене скрепили [свое обязательство] защищать заключенный договор от любых людей и хранить его: et cum crucibus n(ost)ris manibus firmavimus convenienciam ab omnibus hominibus garire et servare. Нетрудно представить, как при символической передаче даруемых прав и имущества аббату Иземберт держал в своей руке лист пергамена (правда, в свернутом виде, как мы увидим ниже). Но его мать и жена, скорее всего, ограничились тем, что в нижней части развернутого листа пергамена поставили крест в удостоверение своего волеизъявления, как это прежде сделал Иземберт, когда пергамен оказался у аббата. Аббат мог развернуть перед каждым из них лист пергамена, не выпуская его из своих рук, Иземберт же, а затем его мать и позднее жена начертили кресты у нижней его кромки слева, как это мы видим и ныне. Вся церемония была завершена поцелуем в знак добрых намерений и твердого взаимного доверия. Не сказано, однако, как поцеловал Иземберт аббата: в щеку или все ограничилось поцелуем руки; скорее всего, имело место первое, но составитель грамоты считал более приличествующим делу поцелуй руки и потому не стал указывать, каким он был.

От лица Иземберта сообщается и о повторной церемонии дарения. Иземберт явился в собрание капитула монастыря, где

присутствовали все монахи и многие миряне, и сделал все то же, как сказано в грамоте, что он прежде делал: подтвердил незыблемость договора и совершил передачу имущества в дар монастырю: *sicut feceram et firmaveram et donaveram prius, feci*. Затем в присутствии свидетелей он положил «саму грамоту» (*ipsam cartam*) своей рукой на главный алтарь. Здесь заканчивается и прямая речь Иземберта, за которой непосредственно следует указание на знак (*signum*) каждого лица, которое вписало знак креста: *S(ignum) Isemberti, s(ignum) Julite matris ejus, s(ignum) Guillelmi Normanni, s(ignum) Goffredi Audemant, s(ignum) Aeiline (...), s(ignum) Guillelmi de Partiniaco*⁹⁴.

К знаку Аэлины, жены Изембера, сделано пояснение: «когда начертала крест в своей опочивальне» (*quando in camera sua fecit cruce[m]*). Совершенно очевидно, что кресты ставились во время первого акта дарения, во время второго акта Иземберт лишь признал свой крест, как и кресты, поставленные другими лицами. Под крестами в нашей грамоте написаны имена тех, кто их поставил. Письмо, которым они написаны, не отличается от письма основного текста. Как мы увидим ниже, писцом грамоты и человеком, написавшим имена под крестами, мог быть библиотекарь аббатства Св. Максенция Угон (*Ugo armarius*). По своим графическим особенностям подписи отличаются от основного текста лишь тем, что сделаны они были плохо очиненным пером, предназначенным для тех, кто начертывал кресты; но имена *Aelina* и *Audemaut* написаны более мелким и легким письмом, для которого использовалось, возможно, лучше очиненное перо.

О знаке Гильома, сеньора Партене, сказано, что он был начертан, когда Иземберт явился в капитул. Любопытно, что мы не находим в грамоте креста с именем этого второго Гильома и в то же время обнаруживаем крест с именем Аймерика, упомянутого в приведенном нами выше перечне свидетелей со стороны Иземберта, но не упомянутого в перечне лиц, оставивших свои знаки. Очевидно, была договоренность о том, что сеньор Партене тоже явится в капитул, и по этому случаю уже был заготовлен предварительный текст грамоты. Но он не явился к положенному сроку. Выход был найден в том, чтобы приписать знак Аймерика Гильому, сеньору Партене, а Аймерика, человека не столь значительного, не упоминать в перечне лиц, оставивших свои знаки. Текст грамоты обычно оглашался в собрании, могли быть показаны крупные знаки, которые в ней содержались, но внимательное

индивидуальное ее чтение и изучение отнюдь не составляло главное предназначение грамоты.

Заметим, что вольность в отношении несуществующего знака поручителя Гильома де Партиниако была допущена там, где, как было отмечено, уже закончилась прямая речь Иземберта и о действующих лицах говорится в третьем лице. В этой части представлен и список свидетелей второго акта: Симон Эсперунс, Гаутер Эсперонс, Симон де Майревент⁹⁵, Бокардус де Вольвент⁹⁶, сын Гильома Нормандца, Радульф Бизарт, Иоанн Гальтериус, Констанций Боррель, Петр Гарнальд, Аркамбалът Ауфрет и его брат Иоанн, Петр Леусельс и его брат Райнальд, Райнульф Котинус, Аймерик Когуль, Данегий⁹⁷.

Еще не заполненная настоящим текстом, но уже содержавшая кресты дарителей и заинтересованных лиц, грамота была сложена впятеро по горизонтали. Об этом можно судить по двум пробелам в тексте грамоты там, где некогда лист пергамена был согнут. Совершенно очевидно, что пергамен был сложен так не просто для лучшей его сохранности в целом, но прежде всего для того, чтобы уберечь подготовленную для письма «мясную» сторону листа от прикасаний рук разных людей; к тому же на ней уже были начертаны кресты и под ними сделаны подписи. Оставшиеся от прежних сгибов параллельные складки видны в четырех местах. Все четыре сгиба были сделаны в одно и то же время: сначала были загнуты верхняя и нижняя часть грамоты, но в середине внутренняя сторона листа осталась неприкрытой. Чтобы она была прикрыта и здесь, лист сложили «гармошкой». Позднее, когда пергамен был заполнен текстом, лист был согнут еще и по вертикали.

За пробелом в середине документа идет текст, написанный той же рукой, но содержащий совсем иные списки свидетелей и первого, и второго актов. Пропуск сделан в том месте, где лист пергамена был сложен пополам, но едва ли значительные размеры свободного пространства, разделяющего обе части текста грамоты, можно свести к этой технической детали. Относительно повторного списка свидетелей первого акта напрашивается мысль, что он был составлен на основе некоторой черновой записи, сделанной на месте событий, для которой, очевидно, была использована восковая табличка.

Перечень свидетелей «первого дарения» теперь стал страннее, в обоих повторных перечнях особенно заметно присутствие свидетелей-клириков. В то же время мы видим, что из

перечня свидетелей «первого дарения» исключены те персонажи, от лица которых наряду с самим Изембертом был совершен акт дарения, как и вообще все заинтересованные лица, принимавшие участие в обсуждении дела, вероятно, со стороны Иземберта и представленные в начальном списке свидетелей первого акта. В качестве свидетелей первого акта теперь названы: монах Ротберт, Угон, приор монастыря Экс, Райнальд Иверн, Стефан Бекет, управлявший тогда церковным приходом Ла Фонделэ, его викарий Гальтерий Chauman (кириллическая транслитерация здесь затруднительна), библиотекарь Угон; из мирян оруженосец Фулькальд, Гвиральд де Пампро, Гаутерий Бони, Иоанн Бони, Гаутерий Гибо, Бенедикт, Райнальд Таламунт, его брат Гильом и отец последних Гвиральд: *Primum donum ad Fontem Lois in manu Goffredi abbatis videntibus (Rotberto m(onach)o, Ugone tunc priore de Ajas, | Rainaldo Ivern, Stephano Bechet tunc obedienciaro Fonte Lois, Galterio Chauman socio suo, Ugone armario. Laicis quoq(ue): | Fulcaldo cliente, Guiraldo de Pa(m)pro, Gauterio Boni, Joanne Boni, Gauterio Gibo, Benedicto, Rainaudo Talamunt | et Guillelmo fr(atr)e ejus cum patre eorum Giraldo).*

За одним исключением, которое заслуживает особого рассмотрения, перед нами предстают теперь, как мы видим, совсем другие лица: шесть клириков и монахов и миряне. Перечень открывается именем монаха Ротберта, возможно, игравшего роль одного из важных посредников между монастырем Св. Максенция, с одной стороны, и Изембертом, его семьей и приближенными — с другой.

Среди перечисленных лиц особый интерес вызывает Угон, приор Экса — единственный свидетель, упоминающийся как в основном тексте документа, так и в повторном списке. Во втором случае перед его саном стоит слово *tunc*, которое указывает на то, что ко времени написания окончательного текста грамоты этот человек либо получил новое назначение, либо его уже не было в живых⁹⁸. Приорат Сен-Мартен, расположенный на небольшом острове Экс, был основан монахами Ключни после того, как этот остров был подарен им дедом Иземберта в 1067 г., и именно там располагалась усыпальница рода Шателайон, что и обусловило близкие связи приора с нашим Изембертом, которому тоже было суждено упокоиться в церкви этого приората.

В повторном списке свидетелей второго акта перечисляются имена семи монахов: Райнальд де Болоза, Унберт, Фульк,

Титбальд, Иоанн, Гоффред и библиотекарь Угон (Rainaldus de Bolosa, Unbertus, Fulco, Titbaudus, Joannes, Goffredus et Ugo armagius). Собственно, во втором повторном списке названы лишь представители монастыря, которых мы не видим в первоначальном перечне, а что касается мирян, то здесь дана лишь отсылка к первоначальному списку: *omnes testes laici superius scripti*.

В повторных списках, очевидно, присутствуют и представители Иземберта, но значительно более полно представлена сторона монастыря. Бросается в глаза, что библиотекарь Угон упомянут в качестве свидетеля как первого, так и второго акта дарения. Естественно предположить, что именно на основе его записей, сделанных, скорее всего, на восковых табличках, были составлены два повторных списка свидетелей.

Грамота от лица Петра Айральда

Главным действующим лицом второй грамоты (карт. 326, № 3а) выступает не могущественный сеньор, каким был Иземберт, глава дома Шателайон, а некий Петр Айральд, его сосед по владениям в области болота Мульпье⁹⁹. Он дарит свою часть болота или некоторые права на пользование им. В грамоте сообщаются редкие сведения о происхождении этих прав, а именно указание на то, из чьих рук и при каких обстоятельствах Петр Айральд получил часть прав на болото Мульпье: Петр Айральд отчуждает в пользу обитателя «все то, что он имел в болоте Мульпье (*totum hoc, quod habebam in marisco de Mullepe*), а именно, что дал ему граф Пуатье Гвидон (*consul Pictavorum Wido*)¹⁰⁰ в минувшие годы (*preteritis annis*), когда отнял это болото у Иземберта де Шателайон и опустошил его замок и всю его другую землю» (*quando abstulit illud mariscum Isemberto de | Castro Alione et vastavit illud castrum et totam suam aliam terram*). Отметим, что Петр в это время должен был быть уже в преклонном возрасте: Иземберт правил лишь до конца 1070-х годов, после чего власть перешла к его сыну Эблесу — таким образом, между передачей Гвидоном земли Петру Айральду и дарением 1114 г. прошло по меньшей мере 35 лет.

Включение этих довольно подробных сведений в сравнительно краткий текст документа можно объяснить следующим образом. Во-первых, указание на опустошение, имевшее место в прошлом, могло являться твердым датирующим признаком, важным в качестве доказательства неоспоримости передаваемых монасты-

рю прав. Вместе с тем в выгодном свете оказалось представлено и само дарение Петра, в отношении которого были сняты всякие подозрения в вынужденном его характере, в том, что дарение явилось способом разрешения былых споров с аббатством, как это было в случае с даром Иземберта, засвидетельствованным первой грамотой. Таким образом, упрочивались вновь обретенные права монастыря. Не исключено, что и готовность Петра Айральда совершить свой, по всем внешним признакам, бескорыстный дар монастырю была обусловлена некоторым вознаграждением со стороны монастыря, округлявшего тогда свои владения в Мультпе в желании организовать настоящее хозяйство на полученных от Иземберта землях. О подлинно полюбовном характере договора о дарении Петра Айральда монастырю свидетельствует отсутствие в тексте документа столь характерного для других документов обязательства дарителя уважать права нового обладателя и формул, обязывающих его защищать от третьих лиц неприкосновенность переданных им прав.

В деле передачи прав владения от Петра Айральда монастырю оказались излишними специальные действия на месте, где было расположено даруемое владение. Петр сам явился в монастырь Св. Максенция в период собрания капитула (*in capitulo apud sanctum Maxentium*). Как явствует из описания самого акта дарения, скорее всего, это произошло в престольный для аббатства праздник Успения Богородицы, т.е. 15 августа по новому стилю. Акт дарения был совершен по правилам, принятым в церковных учреждениях. Символом дарения и на этот раз служил сложенный многократно лист пергамена, но ничего не сказано о передаче его из одних рук в другие. По всей видимости, первая часть запечатленного в тексте грамоты правового действия состояла лишь в устном волеизъявлении Петра. Нет сомнений в том, что речь Петра была внесена в протокол в виде черновой записи. Далее последовало возложение пергамена на алтарь. Устами Петра в грамоте сказано: «Этот дар я совершил посредством этой малой грамоты и собственной рукой возложил ее на алтарь св. Марии» (*Hoc donum feci ego cum | cartula ista et manu mea super altare sancte Marie posui*).

Точнее употребленное Петром латинское слово *cartula* можно было бы передать русским *грамотка*. Действительно, в сложенном виде лист пергамена казался совсем небольшим, и в этом виде он, несомненно, и был возложен на алтарь. В развернутом

же виде лист пергамена, содержащий текст документа, выглядит весьма внушительно (280/273 × 395/390 мм). Размеры грамоты схожи с размерами уже рассмотренной грамоты от имени Иземберта (390/385 × 275/280 мм). Как о том свидетельствуют пробелы в тексте грамоты на местах былых сгибов и сами следы этих сгибов, еще до того, как «мясная» сторона пергамена была заполнена текстом, а точнее, до его возложения на алтарь, пергамен был сложен пять раз.

Как и в случае с грамотой от имени Иземберта, пергамен был сложен главным образом с той целью, чтобы прикрыть предназначенную для записи текста сторону листа с целью защиты ее от прикосновений рук, особенно во время символической передачи владельческих прав с помощью пергамена, в который должен был быть внесен текст договора. О защите «мясной» стороны пергамена во время транспортировки в случае с грамотой Петра Айральда речи, похоже, не было. Несомненно, положив лист на твердую поверхность «мясной» стороной кверху, сначала загнули только верхнюю и нижнюю части листа, очевидно, в соответствии с обычаем прикрывать в первую очередь начертанные дарителями и другими важнейшими действующими лицами знаки креста у нижнего края грамоты: так ведь было и в случае с грамотой от имени Иземберта. Далее пергамен был один раз согнут в середине по вертикали (справа налево), а затем снова по горизонтали в самой середине (сверху вниз). Наконец, в том же положении, но уже на весу, или же все на той же твердой поверхности, но предварительно перевернув его на другую сторону, лист согнули еще раз (можно было бы сказать: «концами вниз»). Примечательно, что вертикальные следы сгиба по краям грамоты не столь выражены, поскольку они появились в результате последнего складывания листа, когда он уже был довольно «пухлым».

Алтарь Девы Марии, на который возлагался пергамен, занимал одно из главных мест в системе алтарей монастырской церкви Св. Максенция. К сожалению, мы не располагаем точными данными, касающимися деталей плана монастырских построек конца XI – начала XII в. Согласно плану церкви, составленному в 1718 г., алтарь Девы Марии располагался в самом центре деамбулатория (всего же в церкви находилось восемь алтарей)¹⁰¹. Возможно, именно там он располагался в 1114 г., и именно около него происходило собрание капитула, на которое прибыл Петр Айральд, чтобы совершить свое благочестивое дарение¹⁰².

Как и в предыдущем случае, документ скреплялся начертанием креста. Из текста буквально следует, что знак креста был начертан после возложения на алтарь: *cum cartula ista et manu mea super altare sancte Marie posui et signum crucis, quod inferius est, inpressi* ([дар свой] посредством этой небольшой грамоты возложил на алтарь св. Марии и поставил знак креста, который расположен внизу)¹⁰³. Правда, реальный порядок действий мог быть искажен в его письменном изложении, как это можно видеть в представленной выше грамоте Иземберта, где при повторном описании акта дарения, совершенного в Ла Фонделэ, сначала упоминается скрепление листа пергамента знаком креста, а затем сам дар: *sicut feceram et firmaveram et donaveram prius, feci*. Но целый ряд других примеров заставляет нас рассматривать как подлинный именно тот порядок действий, который изображен в грамоте, т.е. когда возложение пергамента на алтарь предшествует начертанию креста¹⁰⁴.

То обстоятельство, что внизу документа стоит лишь один крест, можно объяснить следующим образом: естественно представить пред алтарем лишь одного дарителя в окружении помогавших ему монахов во время возложения грамоты на алтарь, хотя нельзя исключать и того, что дарители в случае необходимости могли подходить к алтарю и по очереди¹⁰⁵. Но, вероятно, только тогда, когда лист пергамента был снят с алтаря, около креста убористым почерком были написаны имена дарителей и близких им людей, права которых могли быть затронуты дарением: Петра Айральда, его супруги Эммы, его сына Гвиллельма Гислеберта, Гвиллельма де Бролио¹⁰⁶, Гоффреда Ротберта, Рамнульфа Акарта и Гоффреда Константина.

По сравнению с первым документом список свидетелей второй грамоты более скромнен. Открывается список свидетелей заявлением Петра о том, что таких-то лиц из числа присутствующих он желает назвать поименно (*plurimis testib(us), de quib(us) istos nominatim volo*); Петр выражает волю, чтобы они были ему свидетелями навечно (*volo, ut sint m(ihi) testes in p(er)petuum*). Важно отметить, что имена первых четырех свидетелей из приведенного перечня мы встречаем и возле креста, начертанного Петром у нижнего края грамоты. Нет сомнений, что эти имена присутствовали там с того момента, когда Петр начертил крест и рядом было написано его имя, как и имя жены и сына, т.е. еще до написания основного текста грамоты. Писец, писавший этот

текст, несомненно, принимал во внимание запись в нижней части грамоты.

Итак, список свидетелей в основном тексте грамоты открывается уже знакомыми нам по записям у креста именами Гвильгельма де Бролио, Рамнульфа Акарда, Гоффреда Константина и Гоффреда Ротберта: *Guill(el)m(us) de Brolio, Ra(m)nulfus Acard(us), Goffred(us) Costantin(us), Goffred(us) Rotb(er)t*. За этими лицами следуют Тетбальд Альверник (*Tetbaud(us) Auvernic(us)*) и Аймерик (*Aimeric(us)*) Когуль (второе имя этого лица в форме *Cogus* надписано сверху во время правки документа, осуществленной уже после чистовой записи). К сожалению, звание и общественное положение этих двух лиц, как и большинства других свидетелей, пока не удастся определить. Далее следуют свидетели духовного звания: аббат монастыря Св. Троицы в Вандоме Гвильгельм (на самом деле речь должна идти о Гауфреде — будущем выдающемся теологе, кардинале, чье имя было сокращено в предварительной записи и неверно раскрыто впоследствии)¹⁰⁷, монах Гоффред, библиотекарь Угон и монах Кристиан: *Guill(el)m(us) abbas Vindocine(n)sis, Goffred(us) m(onachus), Ugo m(onachus) armari(us), Chr(ist)ian(us) m(onachus)*.

Лица, имена которых писец поставил рядом с крестом, наравне с именами дарителя и членов его семьи, мы вправе рассматривать как представителей стороны Петра Айральда, а монахов Гоффреда, Кристиана и уже известного нам библиотекаря Угона — как партию монастыря. Тетбальд Альверник мог представлять сторону Петра, но по непонятным нам причинам составитель грамоты не записал его имя рядом с нижестоящим крестом. Аймерик Когуль уже встречался нам среди свидетелей повторного акта дарения, о котором идет речь в первой нашей грамоте; не исключено, что в обоих случаях он был привлечен как свидетель со стороны монастыря. Что касается аббата Гауфреда, то нам неизвестна его действительная роль, не исключено, что он попал в список свидетелей как почетный гость монастыря Св. Максенция: монастырь Св. Троицы располагался в городе Вандом, на значительном удалении от Пуату, однако в Пуату ему принадлежал приорат Св. Георга, находившийся на острове Олерон¹⁰⁸.

Вслед за прямой речью Петра Айральда, сообщающего основные сведения о совершенном им акте дарения, слово берут его жена Эмма и сын Гвильгельм Гислеберт. Их волеизъявление выражено кратко по единой формуле: *concedo et confirmo donum, quod*

maritus meus dedit sancto Maxencio (уступаю и подтверждаю дарованные права, которые муж мой передал св. Максенцию), concedo et confirmo quod pater meus et mater mea donaverunt (уступаю и подтверждаю права, которые отец мой и мать моя передали в качестве дара). Любопытно, что в последнем случае писец не стал затруднять себя лишним указанием на то, о даре в чью собственно пользу говорил сын дарителей. Но его имя возле креста, несомненно, должно было воспрепятствовать дальнейшему возможному сужничеству с его стороны.

Писец, заполнивший лист пергамена законченным текстом, был мастером своего дела. В отличие от грамоты Иземберта, написанной обычным убористым книжным письмом, длинные выносные элементы букв в грамоте от имени Петра Айральда создают впечатление, условно говоря, канцелярского письма. Еще более это впечатление усиливают удлиненные и суженные по горизонтали унциальные буквы в подробном указании на время составления документа. К этому надо добавить и его особое словоупотребление, свидетельствующее о знакомстве с вековыми традициями документальной письменности, а именно, употребленный им глагол *impressi*, которым он обозначил начертание креста рукой дарителя.

Однако, в отличие от библиотекаря Угона, который, скорее всего, сам целиком оформил грамоту от имени Иземберта, писец второй грамоты недостаточно знал суть дела, которое он отразил в документе. После того как он закончил работу, кто-то проверил написанный им текст, и в этот текст была внесены существенные добавления. Написаны они его же рукой, но, вероятно, под диктовку. Именно тогда над именем Аймерика была надписана его вторая часть — *Sogus* (кто-то, однако, перепутал буквы «s» и «l», читая запись на восковой табличке), над именами Гоффреда и библиотекаря Угона были добавлены буквы «m» с надписной *o*, указывающие на то, что эти лица являлись монахами. Наконец, над именем сына дарителя — Гвиллельма Гислеберта — было надписано «их сын» (т.е. «сын Петра и Эммы»). Заметим, что в подписи, стоящей около креста, имя наследника дарителя сопровождается припиской «его сын», так как важно было подчеркнуть его родственные отношения именно с тем человеком, который скрепил документ своим крестом. Но из приписки, сделанной во время правки, следует, что тому, кто вносил дополнения в текст, было известно, что Гвиллельм приходится родным сыном как Петру, так и Эмме.

Осталось, однако, неисправленным имя настоятеля аббатства Св. Троицы в Вандоме. Вероятно, в записи на восковой табличке, как мы предположили, оно было обозначено лишь одной буквой G. Знаменитое впоследствии имя этого человека тогда еще, очевидно, не было окружено ореолом славы. Ошибку не стали исправлять, чтобы не портить вид грамоты и тем самым не вызывать недоверие к ее тексту в целом.

Итак, проведенное нами исследование подлинных документов 1114 г. из аббатства Св. Максенция в области Пуату позволяет сделать следующие выводы.

Следуя традиции, идущей от поздней античности, крупные монастырские центры в этой области продолжали отводить письменному документу конституирующую роль в оформлении правового акта. Оформлявшаяся публично грамота скреплялась собственноручным знаком главных действующих лиц, который начертывался непосредственно на листе пергамента, являвшегося материальным носителем основной документальной записи. Знаком верификации являлся крест, возле которого указывалось имя поставившего его лица. Сакральный характер обязательств дарителя соблюдать дарение, совершенное в пользу духовного учреждения, усиливался тем, что документ возлагался на алтарь, тем самым дар совершался не только в пользу нового владельца, но при свидетельстве Бога или одного из святых.

Рассмотренные документы показывают, что на всех этапах правового акта представитель монастыря вел запись происходящего, записывал имена участников и свидетелей правового акта. Наиболее ярко об этом свидетельствуют повторные списки свидетелей, которые мы наблюдаем в грамоте, составленной от лица Иземберта. Основная часть текста выглядит как запись его устной речи, и неудивительно, что среди лиц, названных им в качестве свидетелей, мы встречаем исключительно представителей его стороны.

Пусть и знатные, но не владевшие литературной латынью, миряне доверяли монахам непростую процедуру записи каллиграфическим письмом окончательного текста документа, так что начертание знака верификации предшествовало написанию основного текста документа. Это стало общепринятой практикой, как о том свидетельствует обычай располагать знаки у самого края листа пергамента — налицо такое стремление к экономии места, которое свидетельствует о неведении ставившего свой

знак и наблюдавших за ним лиц относительно того, какое место на листе пергамента должен был занять основной текст документа. Мы можем лишь предполагать, что при редактировании окончательного текста присутствовало лицо, возможно, из числа монастырской братии, которое в той или иной мере, хотя бы в силу родственной связи, представляло интересы светского дарителя. О такой редакции говорят следы правки, включавшей дополнения и исправления, в грамоте от имени Петра Айральда.

Глава 2

ПРЕДМЕТЫ-СИМВОЛЫ И ПИСЬМЕННЫЙ ДОКУМЕНТ В УДОСТОВЕРЕНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПУАТУ И СЕНТОНЖЕ XI–XII вв.

Символы универсальные и условные

Наряду с некоторыми представлениями о нормах римского права, требовавших в определенных случаях составления письменного документа, Раннее Средневековье унаследовало от поздней античности и способы его оформления, важнейшей особенностью которого являлись собственноручная подпись или собственный знак действующего лица, обозначавшийся латинским словом *signum*. Выдающийся исследователь истории французского документа Артюр Жири попытался развить мысль, что в VI–VII вв. это обозначение было перенесено на письменный знак в форме креста, так как он повторял обычный для поздней античности оттиск печати¹. Но едва ли оправдано такое возведение раннесредневековой грамоты непосредственно к римским диптихам или свиткам, документальные записи на внутренней стороне которых надежно скрывались от постороннего глаза с помощью ленты или шнура, скрепленных печатью из особой глины или воска. Как мы еще увидим в следующей главе, примеры равеннских папирусов скорее позволяют говорить о постепенном вытеснении подписи знаком в сфере самих письменных документов. Пожалуй, надо принять тот общий тезис Жири, что в сознании составителей документов VII–VIII вв. собственноручный знак в виде креста стал мыслиться и как нечто тождественное прежней подписи².

Обычай скреплять документ собственноручным знаком дожил до начала XII в., но с середины X в. здесь можно наблюдать важное нововведение. Особое значение получили крупные знаки креста в нижней (или, изредка, верхней) части грамоты, которые собственноручно выписывали те, от лица кого был составлен

письменный документ, а с ними и другие заинтересованные лица. Эти знаки не были непосредственно связаны с текстом грамоты. Как отмечает Жири, прежние «знаки» в основном тексте превратились в проформу, и выписывались уже рукой того же писца, который писал основной текст³. Но формальное указание в тексте грамоты на знаки определенных лиц теперь дублировалось реальными знаками тех же и иных лиц. Как показывает исследование подлинных документов, представленное во второй части предыдущей главы, это было связано с тем, что последние в действительности начертывались ранее того времени, когда писался основной текст.

Как бы то ни было, уже к VIII в. в документах Пуату и других областей Южной Франции основные правовые нормы античности, касающиеся оформления письменного документа, в значительной мере лишились своего первоначального содержания. Тем не менее норма собственноручного знака сохраняла свою силу, и письменный документ по-прежнему применялся для удостоверения правовых актов и подтверждения существующих правоотношений, когда одной из сторон договора выступало церковное учреждение⁴. Однако с XI в. и по середину XII в. в тех же монастырских картуляриях получает отражение совершенно новая практика оформления и удостоверения правовых актов: речь идет о передаче имущественных прав с помощью символических предметов. Составление самого письменного документа нередко лишь сопровождает символический обряд, который играет настоящую конституирующую роль в установлении новых правоотношений. Очевидно, отныне церковные учреждения должны были считаться с возросшей социальной функцией рыцарства и, как следствие, отчасти принимать характерные для него символические формы бесписьменного оформления договоров. Далее мы приведем свои доводы в пользу этого предположения. Отметим, кроме того, что церковь располагала своими традиционными символами, использовавшимися при инвеституре. Активное внедрение в сферу документов символов, используемых в правовой практике мирян, очевидно, способствовало и более активному применению в этой сфере традиционных символов церкви.

Мы должны сразу же оговориться, что все рассматриваемые нами примеры оформления правовых актов с помощью символов отражены в письменных документах и в таком виде вошли в монастырские картулярии. Не забудем и того, что в наших случаях

одной из сторон всегда выступало церковное учреждение. Правовые акты, совершенные между мирянами, могли вообще не сопровождаться записью, что, однако, получило отражение в иного рода источниках, например, хрониках, которые мы здесь не рассматриваем. Ниже мы рассмотрим, какие символические предметы называются в документах избранной нами исторической области, что именно обуславливало выбор символов и — это главное для нас — в каком отношении могли находиться символический предмет и письменный документ, как при осуществлении самого правового акта, так и в деле сохранения памяти о нем. Такова основная задача настоящей главы.

Символы передачи имущественных прав неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Стоит упомянуть обширный список символов, приведенный Дю Канжем в статье, посвященной инвеституре⁵. Значительная литература посвящена, к примеру, символу, обозначавшемуся в памятниках германского права словом *festuca*⁶. Но, пожалуй, лишь специальный раздел в труде Жири по истории средневекового документа⁷ и те части общего труда де Боюара, где говорится о символических предметах, прикрепленных к документам, как о свидетельстве деградации письменного документа в Раннее Средневековье⁸, имеют непосредственное отношение к дипломатике. Можно сказать, что в общем описании Жири так или иначе представил все символы, о которых пойдет речь в настоящей главе, и что он отметил основные варианты взаимной роли символического предмета и письменного документа в деле удостоверения передачи имущественных прав. По его наблюдениям, приложенный к грамоте символ либо подкреплял заключенное в ней свидетельство, либо сам являлся главным свидетельством совершенного правового акта, а документальная запись служила лишь некоторым дополнением к нему. Другую альтернативу, согласно Жири, составляли те случаи, когда либо сама грамота выступала в роли символического предмета, либо, напротив, дело не ограничивалось применением одного символа, но соединялись вместе несколько символов. Однако Жири ничего не говорит о возможной сфере применения отдельных символов и о соотношении символа и документа в зависимости от применяемого символа. Этим двум темам мы уделим особое внимание в этой главе.

Что касается де Боюара, то он отмечает, что с XI в. множатся документы с пришитыми (*cousu*) к ним символическими пред-

метами, посредством которых совершалась передача имущества⁹, так что порою можно думать, что письменный документ служил лишь сопроводительной записью¹⁰. Среди примеров, которые приводит де Боюар, нет, однако, того богатого материала, который представляют рассматриваемые в настоящем исследовании документы Аквитании, символы никак не классифицированы, и лишь указано в общей форме на некоторое отличие символов, которые характерны для чисто церковных актов¹¹. Не убеждает нас и общая оценка приведенных де Боюаром примеров с символическими предметами как свидетельства одной лишь деградации письменного документа, а не значительного расширения общественного слоя, от которого исходил запрос на письменный документ в той или иной его форме.

Отметим, что предметы-символы и их взаимосвязь с письменным документом в деле удостоверения правовых актов оказываются вне сферы внимания как видного исследователя истории документа Дюма¹², так и авторов коллективного труда «Средневековая дипломатика»¹³. Равным образом эта тема не затрагивается и в общих работах по истории права, посвященных Южной Франции¹⁴. Единственное приметное исключение составляет специальная работа о символике полос кожи, завязанных узлами, которая построена на примерах из картулярия аббатства Сов-Мажер в Жиронде¹⁵. Другое исключение, правда, лишь в отношении истории английского документа, составляет хорошо известная широкой публике книга М. Т. Клэнчи «From Memory to Written Record», где, в частности, рассмотрены некоторые примеры применения меча и ножа при вводе во владение¹⁶.

На юге средневековой Франции в наибольшем разнообразии и особенно часто символические предметы упоминаются в документах из Пуату и Сентонжа — исторических областей, где, с одной стороны, крупнейшие религиозные учреждения выступали верными хранителями старых письменных традиций, а с другой стороны, процветали феодально-рыцарские вольности, в противоположность, к примеру, областям, лежавшим восточнее этого региона, где рано утвердилась власть епископов. Это обстоятельство, а равно и значительное число сохранившихся до нашего времени картуляриев, происходящих из указанных исторических областей, обусловили наше внимание именно к этому региону.

Назовем наиболее важные центры, в документах которых в той или иной форме получила отражение практика примене-

ния предметов-символов при заключении договоров. Выделяется в этом отношении монастырь Сен-Жан д'Анжели (Angeriacum) к северо-востоку от Сента — одно из наиболее значительных аббатств юго-запада Франции¹⁷. Заметное место в этом ряду занимают аббатство Тальмон (Talemundum) в диоцезе Люсона (было посвящено Святому Кресту)¹⁸ и древняя обитель Св. Максенция к юго-западу от Пуатье¹⁹. Упомянем, кроме того, капитул церкви Св. Илария (Sanctus Hilarius) и приорат Сен-Никола, располагавшиеся в самом городе Пуатье²⁰. Отдельные интересные примеры мы встречаем в документах из монастырей Сен-Лаон (Sanctus Launus Thoarcensis)²¹, Сен-Жуан (Sanctus Jovinus de Marnis)²² и Сен-Совер в Шарру (Carrofum)²³. Помимо этого, новая практика частично нашла свое отражение в документах соседних с Пуату и Сентонжем областей: Лимузена (аббатство Тюль (Tutelensis)²⁴) и Анжу (Сен-Флорен (Sanctus Florentius Salmuriensis)²⁵). Заметим, что подборка материала, подвергнутая рассмотрению в настоящей главе, явилась результатом внимательного прочтения тысяч грамот, которые входят в состав всех опубликованных на настоящий момент картуляриев Пуату, Сентонжа, Они и Ангума.

Итак, рассмотрим, какие именно предметы могли выступать в качестве символов передачи имущественных прав в названных исторических областях. Попробуем установить, что стояло за выбором того или иного символа: зависел ли он от устойчивой традиции определенного культурного центра, определялся ли отчуждаемым имуществом либо статусом дарителя, не был ли он чисто условным, осуществленным по договоренности сторон.

Несомненно, древнейшим и универсальным символом передачи имущественных прав служила полоска кожи (corigia), завязанная тремя узлами²⁶. Жири отметил, что этот способ удостоверения правового акта был характерен именно для юго-запада Франции²⁷. Отметим, между прочим, что и в Тулузене, а именно в картулярии монастыря Леза (Lezatum)²⁸, мы обнаруживаем семь примеров с полоской кожи, но это число не идет ни в какое сравнение с теми многочисленными примерами, которые содержатся в аквитанских картуляриях. Больше всего примеров передачи имущественных прав с помощью полоски кожи содержится в документах монастырей, расположенных в округе Бордо²⁹; анализу материала наиболее богатого такими примерами картулярия аббатства Сов-Мажер (Silva Major)³⁰ посвящена специальная статья А. Игуне³¹. Материал Пуату и Сентонжа, исторических областей,

лежащих к северу от Борделэ, остался, однако, вне поля зрения исследовательницы, хотя Игуне отмечает следы той же традиции в других картуляриях области Бордо и даже отдельные примеры из аббатства Леза. Между тем обращение к документам Пуату и Сентонжа позволяет говорить о действии в этих областях все той же традиции.

Полоска кожи, о которой идет речь, всегда имела, как отмечает Игуне, три узла. Упоминаются и люди, их завязывавшие, — *podatores* (при этом главное действующее лицо первым завязывало средний, наиболее важный, узел)³². Весьма вероятно, что за тремя узлами на полоске кожи стояли определенные магические представления о связывании воли, изъявленной главными действующими лицами. Документы из Пуату и Сентонжа, между тем, хорошо показывают, кто именно мог выступать в качестве лиц, завязавших узлы.

Так, в грамоте из картулярия монастыря Сен-Жан д'Анжели (ок. 1078 г.), где описывается дарение аллода (*alaudium*), которое совершила некая Арсендис, прямо указывается, кто завязал каждый из трех узлов. В знак совершенного ею дарения дарительница завязала узел на полоске кожи, приложенной к грамоте: *Et ideo fecit (sic!) nodum meum in corrigia quæ est huic carta (читай: carte) adherens*³³. Второй узел завязал Виллельм Рамнульф, давший свое согласие на это дарение: *Vuillelmus Ramnulfus fecit etiam alterum nodum in ipsa corrigia, annuens modum (читай: donum) præfatum*. Наконец, третий узел завязал сын дарительницы Гаусселин по просьбе своего брата-клирика, определенного в грамоте словом *dominus*, в знак своего согласия и в знак дарения своих прав на аллод: *Deinde Gausselinus, filius meus, deprecatus a suo fratre domino Gumbaldo, fecit tertium nodum ani mems (читай: annuens), et ipse pariterque donans*.

Документом, составленным ок. 1100 г., удостоверяется, что Геральд де Туда, рыцарь из замка Монморо (*Geraldus de Tuda, quidam miles Montis Aurelii*), отправляясь в Иерусалим, в качестве *donatio post mortem* передал монастырю Сен-Жан д'Анжели участок земли (*borderia*), а два его брата, Итерий де Туда (*Iterius de Tuda*) и Геральд де Туда (*Geraldus de Tuda*), подтвердили это дарение и передали монастырю в залог (*in vadimonium*) два других участка. В грамоте указывается, что каждый из них подтвердил передачу имущества, завязав свой собственный узел на «этой» полоске кожи: *et suum unusquisque nodum faciendo, affirmarunt*³⁴. Одна

из грамот аббатства Св. Максенция (1109 г.) сообщает о передаче трех соляных болот (*campi salinarum*), которую по требованию аббата (*hos campos querebat nobis abbas Goffredus, ut daremus sibi in helemosinam*) совершили Петр Элиас де Нобилиако (*Petrus Helias de Nobiliaco*) и Гвидон Барабин (*Guido Barabinus*), который вместе со своими братьями держал эти болота от Петра. Отчуждение имущества (за вычетом права взимать десятину) было оформлено завязыванием трех узлов на полоске кожи, хотя в грамоте не указывается, кому именно принадлежали эти узлы: *dedimus ... hoc cum corrigia quadam quam tenebamus in manu, in qua tres nodi sunt facti ad signum; que corrigia adhuc servatur*³⁵.

Уже эти примеры заставляют думать, что такой древний и, очевидно, универсальный символ, как полоска кожи, завязанная определенным числом узлов, служил не только делу скрепления волеизъявления обладателей имущественных прав при их передаче другому лицу, но и памяти о совершенном акте, т.е. символ сам по себе играл роль документа. В первой из названных грамот прямо сказано, что таковой был приложен к самой грамоте, а в третьей грамоте указано, что полоска кожи с тремя узлами сохранялась на момент написания самой грамоты. Последнее замечание можно понять, впрочем, и как позднейшее добавление к тексту грамоты, которое было сделано при переписывании ее текста в картулярий.

Примеры из Пуату и Сентонжа полны уточняющих опеределений к полоске кожи в значении символа, что с несомненностью свидетельствует о ее функции документа. Так мы узнаем, что герцог Аквитании Гильом IX (документ 1100–1107 гг.), возвращая монастырю Девы Марии Сентской (*Beata Maria Santonensis*) землю, которой незаконно владел Бернард Бардет, оформил эту передачу владельческих прав возложением на алтарь Богоматери полоски оленьей кожи с обернутым ею ножом: *reddidit conventui Beate Marie terram quam injuste Bernardus Bardeth possederat, faciens donum super altare Beate Marie, cum corrigia cervi cultellum continente*³⁶. В этом примере интересна, разумеется, и комбинация двух предметов-символов, но о втором символе, ноже, мы будем говорить ниже. Особенно достойно внимания то обстоятельство, что указания на конкретную – «эту вот» (*per hanc corrigiam*) – полоску кожи, с помощью которой была совершена передача имущественных прав, встречаются в наших грамотах много чаще, чем такие указания на иные предметы-символы³⁷.

В уточняющих указаниях на полоску кожи как на символ можно отметить и дань древнейшим, вероятно, магическим представлениям о связи символа с личностью того, кто передавал новому владельцу свои имущественные права. Так, кожа, служившая символом, могла быть отрезана от сапога дарителя (*corrigha calceamenti*)³⁸, она могла прежде служить ему ремешком для волос (*corrigha que pelles stringebat ad collum*)³⁹, наконец, кожа могла быть отделена от его поясного ремня: о «коже от пояса» трижды говорится в документах капитула церкви Св. Илария (дважды в форме *corrigha cincturæ*⁴⁰ и один раз – *corrigha bautei*⁴¹). Тут можно вспомнить, что со времен поздней античности пояс, к которому крепился меч, являлся признаком человека, стоящего на высокой ступени в государственной иерархии (*accinctus*), и это представление унаследовали Средние века.

Но полоска кожи, служившая символом, могла быть заимствована и у других лиц и являться частью совсем иных предметов. Так, Альдуин Вирга (*Alduinus Virga*), совершая дарение десятины и четвертой части виноградника в пользу монастыря Сен-Жан д'Анжели (ок. 1094 г.), совершил символический акт с помощью кожи от переплета литургической книги (*una corrigha breviarum*)⁴². В другом случае (1111 г.) Петр де Нобилиако оформил свое отчуждение соляного болота (*salina*) в пользу аббатства Св. Максенция посредством передачи полоски кожи, отрезанной от седла аббата, причем это было сделано, когда Петр и аббат находились в пути, предположительно, по дороге от замка Ле Шэ (современная коммуна *Cheix-en-Retz*, недалеко от Нанта): *dedi perpetualiter per manus Goffredi abbatis, et feci ei donum cum parte corrighie, que abscisa fuit de sella ejusdem abbatis. Hoc feci in via, quando veniebamus simul de castro Chesiac*⁴³.

Древний способ удостоверения договоров оказывался сакрализован в тех случаях, когда полоска кожи возлагалась на алтарь⁴⁴. Такой случай представляет упомянутая выше грамота герцога Аквитанского Гильома IX, где сообщается о полоске кожи с обернутым ею ножом, которые были возложены на алтарь. Любопытно отметить, что в большинстве такого рода примеров лицо, передающее свои имущественные права (хотя бы даже только заявленные) монастырю, оказывается так или иначе лично связанным с монастырем или капитулом, например, вместе с ним или от его имени мог выступать монах либо каноник. Так, согласно грамоте, составленной ок. 1077 г., Альбоин, сеньор Тоннэ (*Alboinus de*

Talniaco, в настоящее время Tonny-Charente) и его супруга Эмма совершили дарение «виллы» (villa) в пользу монастыря Сен-Жан д'Анжели на том условии, что, пока жива Эмма, она будет получать узуфрукт. Дарение оформляется «этой полоской кожи», которую монах Рикард из Конак (Ricardus de Cosnaco), родственник (cognatus) Эммы, возложил на алтарь по ее воле и просьбе: Factum est autem istud donum, per hanc corrigiam, quam Ricardus, monachus de Cosnaco, cognatus jam sæpe nominatæ Emmæ, jubentis atque deprecantis, super altare posuit⁴⁵.

Согласно грамоте, составленной ок. 1092 г., Уго из Люше (Hugo de Lucchiaco, Lucchiacum, ныне Luché-Touarsais, dép. Deux-Sèvres) отказался от спорных прав на мельницу перед приорами и канониками в капитуле Св. Илария, передав в руки декана Стефана полоску кожи от своего ремня, которую он и его сын, каноник той же церкви, возложили на алтарь вместе с грамотой: Dimissionem vero calumpnię hujus molendini feci ego in capitulo beati Hylarii coram prioribus et canonicis in manu Stephani decani cum corrigia mei bautei, et eam ego et Petrus filius meus canonicus super altare sepulchri beati Hylarii posuimus, et cartam cum eadem corrigia⁴⁶. В этом примере, однако, передача церкви самой грамоты служила таким же конституирующим элементом договора, как и традиционная передача полоски кожи, несомненно, тоже завязанной узлами.

Подобным же образом оформляется и договор 1102 г. между Рорго, судьей из Руйе (Rorgo, iudex de Rotliaco ныне Rouillé, dép. Vienne), и его господами — канониками капитула Св. Илария (concordiam quę inter me dominosque meos canonicos sancti ac domini mei contigit Hylarii): Рорго признает незаконность своих имущественных притязаний, каноники же, со своей стороны, приняв во внимание его смирение (humilitatem meam in satisfactione videntes), обещают выдавать ему ежегодно 12 сетье ржи и восемь сетье пшеницы. Соглашение оформляется возложением на алтарь полоски кожи с завязанными на ней узлами (corrigia nodatum): Quod sic a me devote factum devoteque tenendum ostendens, in corrigia quadam nodatum (sic!) ad sancti sepulchrum deportans, positum super altare reliqui...⁴⁷ В последних трех примерах возложение рассматриваемого символа на алтарь, несомненно, связано с тем, что всюду участвует лицо, связанное с духовенством: в первом случае, это монах, родственник дарительницы, во втором — каноник, сын дарителя, в третьем — судья, не относящийся к духовенству, но тем не менее зависящий от капитула Св. Илария.

О полоске кожи, завязанной узлами, применяемой при символическом скреплении воли того, кто отчуждал свои имущественные права, следует еще сказать, что наряду с лицами относительно скромного положения ее использовали в своих правовых актах и знатные персоны: Бозон, виконт Шательэро⁴⁸, отправляющийся в Иерусалим рыцарь Геральд де Туда⁴⁹, герцог Аквитании Гильом IX, епископ Перигора Райнальд⁵⁰.

Как это мы отметили и в отношении завязанной узлами полоски кожи, универсальное применение получала палочка любой формы, обозначавшаяся словом *lignum*. Символическое действие с «палочкой» имело конституирующее значение для правового акта, но, в отличие от вышерассмотренного символа, «палочка» лишь в особых случаях получала значение документа. Судя по свидетельствам наших документов, ее активное применение было ограничено территориально. Все 13 обнаруженных нами примеров ее применения (первый из них датируется временем ок. 1068 г., последний – ок. 1104 г.) содержатся в картулярии монастыря Сен-Жан д'Анжели. Сходный пример мы, однако, находим и за пределами Пуату и Сентонжа, а именно в документальном наследии монастыря Сен-Флоран, располагавшегося на левом берегу Луары вблизи стен Сомюра. В последнем случае речь идет о записи в панкарте, сообщающей о передаче имущественных прав, осуществленной виконтом Кадело⁵¹. В этой группе грамот права церковного и светского характера, передача которых совершалась с помощью «палочки», находятся примерно в равном соотношении. Так, с одной стороны, мы видим передачу аллодов⁵², половины дома⁵³, соляного рудника⁵⁴; с другой – передачу церковью⁵⁵ и десятины⁵⁶. Иными словами, «палочка» в наших примерах выступает как нейтральный символ, не имеющий четкой привязки к характеру отчуждаемого имущества. Возможно, выбор этого символа обуславливался традициями конкретной местности Сентонж. Названный символ в одном случае применил один из самых видных сеньоров в этой области – Эблес де Шателайон⁵⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в большинстве документов говорится неопределенно о некотором деревянном предмете (*per quoddam lignum*), символизирующим передачу имущества и служащим, таким образом, необходимым элементом правового акта. Указывая на способ его осуществления, составитель грамоты сообщал лишь то, что все было совершено по

правилам, но собственно памяти об установленных имущественных отношениях служил в таких случаях письменный документ.

Лишь в двух документах говорится о том деревянном предмете, который может видеть читатель грамоты: составитель письменного документа, очевидно, предполагал, что символ будет храниться вместе с грамотой и будет служить, по меньшей мере, таким же подтверждением подлинности совершенного акта, как сама грамота. Согласно одному из этих документов (1090–1103 гг.) Морин, внук (nepos) Сениората, даровал монастырю Сен-Жан д'Анжели половину своего дома возле монастырских ворот посредством «этой палочки» (*per istud lignum*), передав ее в руку приора Анскульфа⁵⁸. Во второй грамоте (ок. 1098 г.) сообщается, что Итерий Роберт, его жена и дети отказались в пользу монастыря Св. Иоанна от оспариваемых ими прав владения в отношении десятины посредством «этой палочки» (*per hoc lignum*), вручив ее пресвитеру Адаймару, которого послал для этого дела аббат Анскульф⁵⁹.

К этим двум документам можно присоединить и третий, составленный ок. 1085 г., в котором сообщается, что сыновья Эммы де Мастазиако Гофред Кристиан и Аймерик передали монастырю Сен-Жан д'Анжели часть аллода, в помещении капитула возложив на алтарь св. Иоанна пергамен с заранее начертанными знаками креста⁶⁰. Затем сама Эмма, применив в качестве символа «некую палочку» (*per quodam lignum*), в свою очередь, совершила передачу прав на аллод, причем в грамоте сообщается, что «палочка» в дальнейшем была прикреплена к листу пергамента, содержавшему текст документа (*dedit... per quodam lignum quod huic pergamento conjunctum est*). Наконец, оформление передачи имущественных прав завершилось тем, что третий сын Эммы — Мило — прибыл в капитул и возложил на алтарь пергамен с начертанным знаком креста и своим именем (*ubi signum ejus, simul cum nomine exprimitur*)⁶¹.

Грамота представляет, таким образом, пример смешения функций предмета-символа и настоящего письменного документа, когда, с одной стороны, предмет-символ служил памяти о совершенном правовом акте наряду с грамотой, а с другой стороны, сама грамота составляла конституирующий элемент правового акта наряду с предметом-символом. С последним примером можно сблизить три других, где тоже сама грамота использована в символическом действии наряду с «палочкой», хотя «палочка»

там и не играет роли документа. Во всех трех грамотах речь идет о передаче прав на церковь. Естественно предположить, что в столь важном акте в пользу духовного учреждения письменный документ получал особое значение. Так, в грамоте, составленной ок. 1081 г., содержащейся в картулярии монастыря Сен-Жан д'Анжели, сообщается, что, после того как Эблес де Шателайон и его супруга Ивета уступили монастырю Сен-Жан д'Анжели церковь де Вуольтрон (ecllesia de Vuoltron ныне Voutron) посредством передачи деревянного предмета (per quoddam lignum) аббату Оддона (factum est in manu domni Oddonnis, abbatis)⁶², оба супруга оформили и письменный документ. Сперва Эблес подтвердил (или признал) грамоту в капитуле, перед лицом все того же Оддона, затем оба супруга начертали знаки креста и возложили документ на алтарь св. Иоанна⁶³.

В другой грамоте из картулярия этого же монастыря, составленной ок. 1096 г., сообщается, что Саверик Меллус, его братья Кало Меллус и Виллельм, а также их сестра Ангелаис передали монастырю Сен-Жан д'Анжели четвертую часть доходов от церкви и кладбища⁶⁴. Сначала дарение было совершено путем передачи деревянного предмета монаху Угону Берарди⁶⁵, затем дарители прибыли в капитул, и в присутствии конвента дар был передан аббату Анскульфу посредством листа пергамента, который дарители, начертав на нем свои кресты, возложили на алтарь⁶⁶.

В третьей грамоте, датированной примерно 1104 г., действующие лица в качестве символа передаваемых ими прав на церковь используют ивовый прут, и «палочку», и саму грамоту. Согласно этой грамоте, Арнульф Тронеллус даровал свою половину прав на церковь в Сен-Пьер-де-л'Иль с помощью ивового прута (ozilium – ср. французское osier), передав его монаху Летарду – настоятелю (propositus) монастыря Св. Иоанна и келарю Гильберту. Символическая передача прав была совершена под старым вязом на кладбище⁶⁷. Затем монахи Летард и Андрей явились в другое место (apud Oenacum), и там с согласия своей матери Альдесоенды Фульк и его брат Гауфред уступили свою половину прав на церковь путем передачи «палочки»⁶⁸. После этого в день Рождества Иоанна Богослова все дарители прибыли в капитул Св. Иоанна, где, в присутствии конвента, был заключен договор о поминовении, после этого в особой комнате с каменным сводом, где находился аббат, монахи определили пункты договора, а затем

дарители, представ перед алтарем, совершили передачу своих прав посредством листа пергамена⁶⁹.

Несомненно, к группе примеров с палочкой можно отнести и такие случаи, когда в качестве символов, используемых при передаче имущества, бывают представлены «хворостина» (*buscha*) или «щепка» (*costellus*). Грамота монастыря Св. Максенция, составленная в период между 1108 и 1134 гг., удостоверяет дарение четверти луга, которое Аймерик де Понто совершил в пользу монастыря Св. Максенция ради ежегодного поминовения его самого и его родственников в принадлежащей монастырю приходской церкви в Веррюй (*Verruce*, франц. название *Verruye*). Сообщается, что Гарин по прозвищу Молодой, в феоде которого входил этот участок луга, в свою очередь передал права на него аббату Гоффреду в монастырском странноприимном доме с помощью «хворостины» (*cum buscha*)⁷⁰.

В грамоте аббатства Св. Креста в Тальмоне, составленной около 1100 г., сообщается о том, как Арберт, сын Тетмара, представитель каноников, проигравших спор с аббатством, передал аббату Александру с помощью щепки право взимания ежегодного ценза в два денье с участков луга и участка пахотной земли⁷¹. В грамоте аббатства Св. Максенция, составленной в 1110 г., Госцеллин, сеньор Лезе (*Lezaü*, деп. Де Севр), возвращает аббатству Св. Максенция в виде дара святому несправедливо присвоенное им себе владение Лале де Торинье (*Alodus de Torigne*, совр. *Laleu à Thorigné*), которое его отец и он сам держали от аббатства. Передача владельческих прав была осуществлена посредством щепки от сливового дерева (*cum cospello de grunerio*). Несомненно, указание на породу дерева должно было служить лучшей памяти свидетелей о совершенном акте. Возможно, щепка была отделена от дерева у них на глазах. Но едва ли такого рода символ мог служить документом наряду с самой грамотой. Ряд родственных примеров нигде не содержат указания, что подобный символ хранился вместе с грамотой⁷².

Особую группу составляют примеры, где символ назван латинским словом *ramus*, которое могло обозначать как ветвь, так и сук или палку. Во всех случаях указывается, к какой древесной породе принадлежит такая ветвь или палка. Так, грамотой 1092 г. аббатства Сен-Жуан (*Saint-Jouin-de-Marnes*, деп. Де Севр) удостоверяется благочестивое дарение Радульфа этому аббатству; в частности, он даровал шестую часть доходов с церковью в Брессюир

(*medietatem tercie partis omnium que ad ecclesias Berchorii pertinent*) и рощу при замке там же (*in eodem quoque castello virgultum meum*). Даруемые им владельческие права он передал путем возложения ветви можжевельника на алтарь Св. Иовина: *Nos donum pusui super altare sancti Jovini cum ramo savine*⁷³. С помощью такого же символа и таким же образом Бенедикт, рыцарь из Туар (*miles de Thoarcio*, совр. Сен-Жан-де-Туар) и его жена передали монастырю право на участок земли возле мельницы в Маранзе (*apud molendinum de Marouziaco*) и 12 солидов ценза с луга: *super altare sancti Johannis evangelistae cum ramo savine donum posuerunt*⁷⁴.

Упоминание сосновой ветки (*ramus de pinu*) мы встречаем в грамоте капитула церкви Св. Илария (1160 г.): Годфруа — судья земли, принадлежащей церкви Св. Илария — продает каноникам мельницу и луг, права на которые он прежде получил от них, с согласия брата, матери и жены: все четверо возложили сосновую ветвь на алтарь Св. Илария⁷⁵. В последнем случае мы встречаем упоминание и о письменном документе, который был составлен для большей крепости продажи: даритель скрепил документ знаком креста, то же сделали два его сына, дочь и три сестры⁷⁶.

В двух случаях речь идет об обрезке виноградной лозы — *ramus sarmenti*. Грамотой монастыря Св. Максенция, составленной в 1079 г., удостоверяется благочестивое пожертвование Стефаном монастырю Св. Максенция земли в Шапманье и Аснье (*terra de Campanola et de Asneriis*) и права на половину десятины в Вивье (*Viveriis*), которое Стефан совершил в замке Сивре (*apud Severiacum castrum*), вручив приору Райнальду обрезок виноградной лозы: *in manu Rainaldi prioris, cum ramulo sarmenti*. Сделал он это по совету племянника, монаха Стефана⁷⁷. Затем Стефан был доставлен в монастырь и в больничном покое подтвердил свое дарение, вручив грамоту представителям монашеской братии⁷⁸. Согласно грамоте аббатства Св. Креста в Тальмоне, составленной ок. 1125 г., сходным образом в два приема Бурсард, сеньор Кюрзон, передал этому аббатству права на три сектария земли из своего феода за упокой души убитого своего сына Аймерика. Сначала в герцогской части Кюрзон (*in burgo consulari*) он протянул руку с обрезком виноградной лозы монаху Ивону и поцеловал ему правую руку⁷⁹, а затем он вместе с сыном Симоном прибыл в церковь в Жоншье (*ecclesia Juncherie*, т.е. там, где монахи ловили рыбу садками) и подтвердил свой дар, как и передачу монахам иных владений, возложением освященной свечи на алтарь⁸⁰. Монахи

же в награду жертвователям подарили Симону коня, для пользы в настоящем и для памяти в будущие времена о совершенном дарении. Как мы видим, в отличие от предыдущей грамоты здесь сам письменный документ играл лишь вспомогательную роль⁸¹.

С такого рода примерами можно соотнести и упоминания о других частях деревьев и кустарников, которые служили символами при передаче владельческих прав. Точнейшее указание на свойства этих символов служило, несомненно, лучшей памяти о совершенном акте. Лица, передававшие свои права монастырю, применяли их там, где сами обычно находились; выбор символов определялся, очевидно, по соглашению сторон. В качестве символов называется лист орешника (*folium nucis*), посредством которого Уго Заика совершил дарение земельного участка (*alodum*) церкви Св. Илария, передав этот символический предмет в руки каноников⁸². Это и кора дуба (*escorcha de jarich*), которой некая Петронилла подтверждает дарение аббатству Св. Максенция десятины и церковных доходов (*decima et sanctuarium*), которыми она располагала в качестве приданого — до этого ее муж совершил дарение в церкви, используя нож в качестве символа передачи прав владения⁸³.

Непосредственно к группе примеров с «палочкой» можно, пожалуй, присоединить и не столь многочисленные примеры с тростинкой (*juncus, rosselum* — ср. французское *goseau*): всего нам известно четыре документа, в которых говорится об этом предмете-символе — по два из картуляриев монастырей Св. Креста в Тальмоне и Сен-Жан д'Анжели. Как и в предыдущих примерах, этот символ применялся при передаче прав как светского, так и церковного характера. Среди первых мы встречаем участок земли⁸⁴ и часть замка⁸⁵, среди вторых мы видим церковь⁸⁶ и половину десятины с прихода Вилариис (*Vilariis*)⁸⁷. В одном случае дарителем выступает лицо с высоким общественным статусом — граф Пуатье Гильом IX⁸⁸.

Два из этих четырех примеров представляют особый интерес. Это, прежде всего, документ из картулярия Св. Креста в Тальмоне (ок. 1100 г.), в котором сообщается о том, что монастырю Св. Креста в Тальмоне была дарована церковь в Ля Жоншер (*La Jonchère*), но права на нее оспорил аббат монастыря Св. Михаила Еремита (*Sanctus Michael in Eremo*), расположенного в диоцезе Люсона⁸⁹. Спор между монастырями в присутствии многих знатных свидетелей разрешил епископ Пуатье Петр, и он же совершил симво-

лическую передачу ее в руку монаха Госцелина с помощью тростинки, причем в грамоте особо отмечено, что выбор символа был определен названием церкви: *quam donationem episcopus concessit et cum junco, eo quod ecclesia vocata est de Junco, in manu Goscelini monachi fecit*⁹⁰. Затем, как сообщается в грамоте, сами дарители явились к церкви и с помощью веревок или жил с узлами-знаками инвестировали монахов правом владения церковью: *cum cordis signorum ipsos monachos investierunt...*

Документ из монастыря Сен-Жан д'Анжели, даримый временем ок. 1101 г., представляет еще одно прекрасное свидетельство того, как предмет-символ мог сам исполнять роль документа и каким именно образом он присоединялся к грамоте. В грамоте сообщается, что сапожник Моранн (*Morannus, sutor*) продал свою землю в Фосмань (*ante Fulcemagnam*) монастырю Сен-Жан д'Анжели за такую-то сумму. Затем он прибыл в собрание капитула и с согласия супруги и своих детей совершил символическую передачу проданной земли в руку аббата Анскульфа посредством той тростинки, которая вшита в край грамоты: *prædictam terram Santo Joanni cui vendiderat, ex toto reliquit, in manu domni Ansculphi, abbatis cum junco qui in ora cartulæ insuitur (insutus)*. Остается только пожалеть, что конец фразы в оригинале испорчен. То обстоятельство, что тростинка именно вшита, вероятно, служило лишним свидетельством того, что она происходила от продавца-сапожника. Не случайно, очевидно, и то, что сказуемое *insuitur* или *insutus* <est> в приведенной фразе перекликается со словом *sutor*, которым обозначена профессия продавца⁹¹.

Наконец, близким символом, именуемому *lignum*, следует считать «дубинку» (*fustis*). Этот символ встретился нам лишь однажды — тоже среди документов монастыря Сен-Жан д'Анжели, а именно в грамоте, составленной ок. 1081 г.: Эблес же Шателайон и его супруга Ивета передают монастырю Св. Иоанна посредством передачи дубинки монаху мельницу и всю связанную с ней усадьбу (*mosnarium, id est ram (читай: rem) molendinariam*), расположенные в болоте Ив (*in marisco de Hiva*)⁹².

Все отмеченное широкое и многообразное применение предметов-символов в качестве важного элемента в оформлении договоров и в то же время в качестве памятки, прилагаемой к письменному документу, в области Лангедока и Руссильона, однако, не наблюдается. Здесь мы всюду видим один единственный предмет — камешек (*lapillus*), который отбрасывался в знак отказа от

существовавших прежде прав феодального характера. В то же время примечательна настойчивость, с какой составители документов стараются обеспечить возможность идентифицировать тот самый камешек, который был применен при заключении договора.

Примечательно, что этот символ применяли даже монахи: в грамоте из картулярия Агда (документ составлен в 1098–1122 гг.) рассказывается о том, как при помощи камня (*cum uno lapide*) аббат Анианского монастыря Петр подтвердил свободу Петра Гауфреда, его жены и детей, которую раньше с его согласия (*cum consilio domini Petri abbatis*) даровал этим людям монах Петр Беренгарий⁹³. Вероятно, камень отбрасывался в сторону в знак отказа от своих прав лицом, отчуждавшим имущество, однако он сохранялся новым владельцем в качестве доказательства. Так, в грамоте, в которой говорится об отчуждении виноградника и манса, которое Петр Раймунд и его братья Барнерий и Далмакий совершили в пользу капитула Свв. Назария и Цельсия в Безье (1089 г.), упоминается «этот камень», что указывает на то, что грамота хранилась при нем: *Facta est autem hec supradicta guirpicio cum presenti lapillo*⁹⁴.

В других случаях мы видим параллельное сосуществование символа и письменного документа, которые имеют одинаковую силу. Ок. 1070–1090 гг. Петр Ростань де Марцилиано и его братья, передавая каноникам Св. Стефана ценз, или узус (*sensum vel usum*), которым они располагали по отношению к человеку и его мансу, оформили отчуждение прав «этим камнем» и «этой грамотой»: *Hec guirpicio fuit facta cum isto lapide et cum ista carta*⁹⁵. Примеры из капитула Безье говорят о том, что камень не просто хранился вместе с грамотой, но буквально «пришивался» к ней. Так, в документе 1077–1094 гг. говорится о том, что Петр Мальгаз (*Petrus Malgaz*) отчуждает десятину в пользу капитула Свв. Назария и Цельсия, сперва совершив манипуляцию с камнем, который был прикреплен к грамоте, затем — с самой грамотой, на которой был поставлен знак (*signum*) действующего лица: *Signum Petri Malgaz suprascripti, qui istam guirpitionem feci cum lapillo in ista carta consueto (consuto), et postea ipsa facta in manu Bernardi Moriceni, et Raimundi de Sigari et Elie archidiaconi, et Petri Itgerii sacriste, et Ermengaudi de Circio*⁹⁶. Эту же двойственную процедуру мы встречаем в документе (ок. 1095 г.), в котором описывается передача земельного участка (*honor*), совершаемая ризничим (*sacrista*) Бернардом и двумя его братьями в пользу капитула Безье. Сначала

дарители оформили совершенное отчуждение манипуляцией с камнем, который потом будет прикреплен к грамоте (*cum lapillo, in ista carta consuto*)⁹⁷, затем — подтвердили сам письменный документ в доме ризничего⁹⁸.

Наиболее полно сосуществование и слияние двух традиций: дарения посредством передачи символического предмета и традиции составления полноценного письменного документа, скрепленного подписью главного действующего лица, — представлено в документе конца XI в. (1093 г.), происходящем из капитула Безье. Некий Понс Ростагн (*Poncius Rostagnus*), его брат Стефан, двоюродный брат (*consubrinus*) Петр Ламберт и его жена Адалицис вместе с их детьми Беренгаром и Раймундой передают Господу Богу, Назарию и Цельсию — святым, которым посвящен капитул в Безье, и каноникам этого капитула часть своего имущества (*honor*), в которое входит церковь Св. Петра со всем, что ей принадлежит (*cum decimis, et primiciis, et oblationibus universis, vigiliis et cimiteriis, et cum toto presbiteratu, et cum toto suo alodio*). Сначала дарение было оформлено при помощи символа — камня, при этом особо отмечается его белый цвет, так как именно этот камень, «пришитый» к грамоте, должен впоследствии служить доказательством совершенного отчуждения имущества: *Hoc donum factum est cum ipso lapillo albo consuto in isto pergamine*⁹⁹. Но наряду с этим был составлен полноценный письменный документ (*carta donationis*), снабженный знаками главных действующих лиц (*signa*); затем, для придания договору сакральной силы, символ и грамота были возложены на алтарь св. Назария: *et postea cum ipsa ista carta super ipso altare Sancti Nazarii*. Таким образом, на этом примере мы видим параллельное использование рыцарского способа оформления договора посредством символа, античной традиции составления письменного документа, хранимой клириками, и, наконец, стремления церкви придать мирскому обряду сакральный смысл.

Таким образом, древний и универсальный символ, которым являлась полоска кожи с завязанной на ней узлами, не только служил установлению новых правоотношений, но и хранению памяти о них, выполняя функции документа. В отличие от нее другой универсальный символ — палочка — имел конституирующее значение для оформления акта, но лишь в редких случаях сам по себе служил памяти об установленных правоотношениях, и роль письменного документа здесь оказывалась более значительной.

Выбор конкретного символа мог быть обусловлен различными обстоятельствами. В одних случаях сказывалась устойчивая традиция конкретной местности, как это было с «палочкой» в монастыре Сен-Жан д'Анжели; символ мог быть и чисто условным, подобранным в силу простой ассоциации с названием места, упоминаемого в договоре, как о том свидетельствует один документ из картулярия аббатства Св. Креста в Тальмоне. Но все эти символы объединяет то, что они носили универсальный характер и могли применяться при передаче прав как светского, так и церковного происхождения.

Символы преимущественно церковного характера

Общее исследование предметов-символов, указания на которые встречаются в документах Пуату и Сентонжа XI–XII вв., позволило сделать определенные выводы относительно частоты их упоминаний, самого набора характерных для этих областей символов, критериев выбора символа определенного типа при оформлении правовых актов и в особенности относительно взаимной роли символа и документа применительно к каждому типу символов, как при осуществлении самого правового акта, так и в деле сохранения памяти о нем. В ходе исследования были выделены два основных класса символов. Большую их часть можно отнести к символам универсального характера, применявшимся при передаче владельческих прав самого разного характера, причем обычно их можно рассматривать в качестве общепринятых, но в некоторых случаях как примененные лишь к случаю по соглашению сторон. Наряду с символами этого класса можно указать на ряд символов, которые в большинстве случаев обнаруживают церковный характер, либо в отношении передаваемых владельческих прав, будь это права на церковную десятину, на часть доходов приходской церкви от треб и иного рода источников, либо в отношении особой религиозной связи, которая устанавливалась между дарителем и монастырем или капитулом. К такого рода примерам присоединяются и отдельные примеры возвращения церковному учреждению несправедливо отнятого у него имущества. Именно этот класс символов вместе с типами письменных документов, в которых они упомянуты, мы и рассмотрим в настоящей главе.

В отличие от ветви, обозначаемой словом *ramus*, ветвь, обозначаемая латинским словом *virga*, в двух различных примерах дополнена определением *pastoralis* («пастырская»), и в обоих случаях речь идет о передаче имущественных прав церковного происхождения. Согласно грамоте 1084 г. монастыря Св. Максенция, этому монастырю была передана половина доходов от церкви в Витрак, как и четверть доходов от предместья той же виллы и другие имущества. Сын же почившего уже дарителя, Фулькауда, сеньора Шабаннэ (*Fulcaudus de Castro Cabanneis*), Виллельм, вместе со своей матерью, женой и сыном, подтвердили прежнее дарение, передав аббату «пастырскую» ветвь на пороге своего дома в замке Шабаннэ: *redonavit domno Ansegisio abbati sancti Maxentii cum pastoralis virga, quod factum est in solio domus sue in supradicto castro*¹⁰⁰. С помощью этого же символа, согласно грамоте, составленной между 1092 и 1129 гг., Маэнгауд (*Maengaudus*) и его жена Эмма передали аббатству Св. Креста десятину с виноградников в местности, именуемой *Rechai*: *posuit donum illius decime in manu memorati abbatis cum virga pastoralis*¹⁰¹.

К примерам с *virga* следует отнести и случай употребления в качестве символа «веточки» (*virgula*), встретившийся нам в документах монастыря Сен-Жан д'Анжели (грамота 1108 г.). Гильом, граф Ангулема, передает Геральду, епископу Ангулема, церковь де Аент (*de Aent*) с десятиной и всем, что принадлежит этой церкви (*cum decima ipsius ecclesie et omnibus ad eandem ecclesiam pertinentibus*). Граф отказался от своих прав на имущество, передав веточку епископу¹⁰². Затем тот же самый обряд по велению графа совершил и его сын, который передал епископу ту же веточку «в присутствии графа и таким же образом»¹⁰³. Оформление правового акта завершилось тем, что даритель начертил знак креста на письменном документе¹⁰⁴.

Из примеров, в которых говорится о символе, обозначенном словом *baculum* (этот термин мы с известной осторожностью будем переводить как «посох»), больше половины происходит из картулярия аббатства Сен-Жан д'Анжели (шесть из девяти обнаруженных нами примеров). Связь посоха и передачи прав, имеющих церковное происхождение, наиболее наглядно показывает грамота, составленная ок. 1098–1099 гг.; в ней сообщается, что епископ Ангулема Адемар передал монастырю Сен-Жан д'Анжели обитель Св. Эпархия (монастырь Сен-Сибар), вручив пастырский посох (*pastorale baculum*) в руки аббата Анскульфа¹⁰⁵.

Мы не встречаем определения *pastorale* в других примерах, где посох упомянут в качестве символа передачи прав. Но в пяти из них, несомненно, речь идет о владельческих правах церковного характера. Так, в одном случае речь идет о *malae consuetudines*, под которыми подразумевалось пользование отторгнутыми от церкви десятинами: граф Пуатье Гвидон-Готфрид возвратил названные права посредством «этого посоха», вручив его аббату Оддону (*reliqui jam dictas consuetudines per hunc baculum, tradens illum domno Oddoni, abbati*)¹⁰⁶. В другом случае речь идет о церкви, права на которую Гвидон, сеньор Вокулер (*G. de Vadle Colorata*), некогда получил от сеньоров Партене, а ныне передал монахам Сен-Флоран во искупление своих прегрешений и прегрешений своих родителей¹⁰⁷. При этом нынешний сеньор Партене Гельдоин подтвердил уступку прав на церковь посредством «этого посоха»: *Et cum hoc baculo dominus Geldoinus donum istud concessit*. В третьей грамоте говорится о капелле в Ромилек и праве на взимание всех доходов с этого местечка, которые Родберт Боссель передал монахам Сен-Жан д'Анжели ради спасения своей души, душ своих родителей и жены Марии¹⁰⁸. Передача этих прав получила символическое оформление с помощью посоха из орешника (*per unum baculum de nugegio*). В двух грамотах из картулярия аббатства Св. Креста в Тальмоне представлены примеры передачи церковной десятины. По одной из этих грамот, Исдерий де Олона и его жена вернули названному монастырю отнятые прежде права на взимание десятины¹⁰⁹; передача прав была оформлена путем вручения посоха приору Константину: *Fecit de hoc donum Constantino priori cum quodam baculo Isderius*¹¹⁰. Согласно второй грамоте, Аймерик, сын Ангерия де Олона, передал монастырю Св. Креста две трети от той половины десятины с Тальмона, которую он взимал совместно с монахами этого монастыря¹¹¹. О способе передачи прав на десятину сказано, что Аймерик совершил свой дар в Олоне с помощью посоха Виллельма Рикарда, который в то время был сборщиком десятины: *De hoc fecit Aimericus donum in Olona Willelmi Richardi cum quodem baculo, qui illo tempore decimarius fuit*.

Согласно грамоте капитула церкви Св. Илария в Пуатье, составленной ок. 1130 г., Стефан Руф, судья (*judex*) местечка Асньер (*Asnières-en-Poitou*), посредством «этого посоха» передал субкандтору Арберту землю, расположенную между церковью Св. Медарда и двумя общественными дорогами: *dimisit et omnino exposuit cum isto baculo in manu Arberti subcantoris terram Trilię, quę est inter*

*ecclesiam sancti Medardi et duas publicas vias*¹¹². Текст грамоты составлен так, что можно лишь предположительно говорить о судье как лице, которому принадлежала земля, оставляя и возможность того, что он мог выступать лишь как наделенный публичными прерогативами посредник в судебном споре. Если верен первый вариант, посох мог принадлежать ему самому или его представителю, ведь речь шла о земле возле церкви, с которой она, как это в ту пору обычно бывало, составляла некий комплекс с особыми правами.

Имеются, однако, и примеры, где речь идет о возвращении владельческих прав, которые едва ли можно назвать церковными в прямом смысле слова, хотя они некогда и были отторгнуты или оспорены у монастырей и церкви. Так, согласно грамоте монастыря Сен-Жан д'Анжели, составленной около 1094 г., Вальтер Злюка (*Valterius Meschinus*), а с ним и его жена и сыновья оставили свои притязания (*calumniam*) на землю у замка Бенон, которая должна была принадлежать монастырю и которую Вальтер силой отнял у монастыря. В знак отказа от этих притязаний он и сыновья при одобрении жены Амелии положили некий посох на алтарь церкви Св. Петра в Беноне: *Deinde pater et filii, annuente uxore Amelia, posuerant (=posuerunt) quoddam baculum super altare Sancti Petri de Benone, in insignum guerpicionis*¹¹³. Подобным же образом Ротланд де Казиако отказался в силу полюбовного соглашения от своих притязаний на луг, которым владели монахи монастыря Виллерс-сюр-Шизе¹¹⁴. В ответ настоятель монастыря Радульф выплатил Ротланду пять солидов. Монахи получили право на владение лугом с выплатой ими 16 серебряных оболов ежегодно в качестве ценза (*possident... sensualiter sex decim nummos per singulos annos*). Свое согласие с принятым решением Ротланд подтвердил настоятелю с помощью некоего посоха, частица которого была затем заключена в грамоту: *Annuit hoc Rodulpho, Monaco, per quemdam baculum, cujus est in carta portiuncula inserta*.

Отметим, что среди лиц, которые пользовались посохом в качестве символа передачи прав, нередко встречаются персоны, занимавшие видное положение в феодальной иерархии: например, граф Пуатье Гвидон¹¹⁵, герцог Аквитании Гильом X¹¹⁶ и Гельдоин, сеньор (*dominus*) местечка Партене¹¹⁷.

В грамотах с упоминанием посоха мы нередко встречаем указания на хранение символа вместе с грамотой. Наиболее выразительный пример представляет только что рассмотренная грамота

монастыря Сен-Жан д'Анжели, где речь идет об отказе Ротланда де Казиако от заявленных им прав на луг в пользу монастыря Виллерс-сюр-Шизе, оформленном с помощью посоха, частица которого, как сказано в грамоте, была включена в саму грамоту (*cujus est in carta portiuncula inserta*). Ту же картину представляли, собственно говоря, и грамоты, в которых слово *baculum* употреблено с указательными местоимениями *hoc* или *istud* («вот этот»), где иными словами речь идет о посохе, который мог видеть средневековый читатель грамоты.

Согласно грамоте, составленной ок. 1082 г., граф Пуатье Гвидон, оставил за обителью Сен-Жан д'Анжели все то, что было от нее отторгнуто после смерти его отца братом Гильомом, матерью Агнессой или же им самим, передав в руки Оддона, аббата монастыря, «этот посох» (*per hunc baculum*)¹¹⁸. Подобное же выражение применено в известной нам уже грамоте, где Гельдоин, сеньор Партене, подтверждает дар церкви, совершенный Гвидоном, сеньором Вокулер, в пользу монастыря Сен-Флоран: «этим посохом» (*cum hoc baculo*)¹¹⁹. Как мы уже видели выше, об «этом посохе» как символе передачи имущественных прав говорится в составленной ок. 1130 г. грамоте о передаче участка земли (*terra*), которую совершил судья Стефан Руф, передав символический предмет субкантору Арберту¹²⁰.

Один раз (в грамоте, составленной ок. 1108 г.) мы встречаем упоминание о том, из какого именно материала был изготовлен посох, что должно было служить точным указанием на конкретный предмет: Родберт Боссель и его супруга Мария совершают дарение капеллы де Ромилек в пользу монастыря Сен-Жан д'Анжели. Сперва Родберт с согласия своей жены совершил дарение монаху Йосберту, передав виконту Аймерику и его брату Бозону посох из орешника (*baculum de nugerio*)¹²¹. Отметим, что помимо капеллы в дарение входил и небольшой участок земли (*arbergamentum*), чьи границы обозначены следующим образом: *arbergamentum sicut fuit percalcatum a Nugerio usque ad viam*¹²². Более чем вероятно, что *Nugerium* – не топоним, а указание на конкретный орешник, которым определялась одна из границ участка; таким образом, можно предположить, что дарение символизировал посох, материал для которого был взят из той же ореховой рощи. Далее Родберт прибыл в капитул Св. Иоанна и там, в присутствии конвента, возложил на алтарь св. Иоанна лист пергамента с собственноручно начертанным крестом¹²³.

В отличие от рассмотренных выше обычных символов, которые, как правило, возлагались на алтарь, в отношении рассматриваемых здесь символов следует отметить, что лишь в случае с известной нам уже грамотой, удостоверяющей отказ Вальтера Злюки в пользу монастыря Сен-Жан д'Анжели от спорных прав на землю у замка Бенон, содержится сообщение о том, что он вместе с сыновьями и с согласия жены возложил посох на алтарь церкви Св. Петра в Беноне.

В документах Пуату, Сентонжа, Они и Ангума, составленных в период между 1060-ми годами и 1135 г., мы находим девять примеров использования ножа (*cultellus*) в качестве символа, посредством которого имущественные права передаются от прежнего владельца к другому. Примечательно, что этот символический предмет встречается в нескольких центрах, однако не более двух раз в одном и том же: примеры его использования мы находим в картуляриях монастырей Сен-Жан д'Анжели, Св. Креста в Тальмоне, Сен-Флоран, Сен-Совер в Шарру, Сен-Лан, монастыря Св. Максенция и капитула церкви Св. Илария в Пуатье.

При помощи ножа-символа отчуждались имущественные права и светского (три примера), и церковного характера, но примеры с владельческими правами церковного характера в нашем материале преобладают (шесть примеров): среди первых мы встречаем участок земли (*terra*¹²⁴ или *masura terre*¹²⁵), хозяйственную усадьбу (*curtis*)¹²⁶, среди вторых – часовню Св. Петра де Луко (*capellania S. Petri de Lucio*)¹²⁷, церкви Св. Михаила¹²⁸ и Св. Лауна¹²⁹, право на взимание десятины¹³⁰.

В трех случаях из девяти указывается на высокое положение лиц, применивших нож в символической передаче имущественных прав. Такой статус особо подчеркнут в случае с сеньором Пригонрие в Дордони (*Gosfredus de Profundo Rivo*), названным в грамоте *miles clarissimus*, что можно понять как традиционное обозначение должностного лица с определением «светлейший»¹³¹. Дважды нож передает епископ Пуатье Петр¹³².

Наряду с упоминаниями о «некоем ноже» (*cum cultello quodam*¹³³, *cultello quodam*¹³⁴) или «одном ноже» (*per unum cultellum*¹³⁵) в ряде случаев мы обнаруживаем точные указания на то, кому он, собственно говоря, принадлежал. Так, в одном случае (ок. 1114 г.) нож принадлежал самому дарителю Гоффреду, сыну Ландрика (*Goffredus Landrici*), который уступил аббатству Сен-Лаон часть земли (*masura terre*) посредством возложения на алтарь своего

ножа (*cum cultello suo*): *Et hoc donum fecit Goffredus Landrici super altare cum cultello suo, et confirmavit imminente sibi morte*¹³⁶.

Среди примеров передачи владельческих прав с помощью ножа особого внимания заслуживает грамота, где мы встречаем копию — символ, использовавшийся во время церковной инвеституры. Этот символ мы находим среди документов монастыря Св. Максенция в грамоте, датированной 1078 г.: граф Пуатье Гвидон-Готфрид вместе с Фульком Нормандцем дарит монастырю церковь Св. Филиппа и Св. Якова и десятину. Затем, получив в руки литургический нож для гостей (аналогом которого в православной церкви является копия), граф подтверждает свой дар: *ipse comes cum cultro de officio mohachi, quod ipse in manu tenebat, confirmavit hoc donum beato Maxentio...*¹³⁷ Литургический нож (*culter eucharisticus*), который ныне используется на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого, некогда применялся и в римском обряде, при этом он мог служить символом церковной инвеституры (примечательно, что в приведенном нами примере речь идет о передаче церковей и десятины)¹³⁸. Возможно, применение копия как-то повлияло в рассматриваемой исторической области и на применение известного способа передачи имущественных прав с помощью ножа.

Тот, кто передавал свои имущественные права, пользуясь ножом как символом этих прав, мог заимствовать нож у другого лица, как это мы видели уже в предыдущем примере. В документе 1127 г. капитула церкви Св. Илария говорится о ноже, который принадлежал мирянину Петру Мануэлю (*cum cultello Petri Manuel*), чье имя некогда читалось и в нижней части грамоты, воспроизведенной в картулярии, а именно, при одном из собственноручных знаков мирян (*signa laicorum*) (в картулярии такие имена представлены единым списком)¹³⁹. В документе 1100 г. аббатства Сен-Совер в Шарру сообщается, что нож принадлежал Итерию, приору монастыря Шарру (*cum cultello Iterii tunc Karrofensis prioris*), в пользу которого Виллельм Фределанд (*Willelmus Fredelandus*) отказался от своей части прав на усадьбу в Вуарт (*in curte qui Voerta dicitur*) и которому передал право получения ежегодного ценза в виде двух поросят (*Karrofensi monasterio contulit, concessit atque dereliquit, duas videlicet frescenias quas annuatim de supradicta curte habuerat*)¹⁴⁰. Грамотой 1096 г. монастыря Сен-Флоран засвидетельствовано, как Петр, епископ Пуатье, передает монастырю Сен-Флоран церковь Св. Лаона (*dono igitur et concedo monasterio Sancti Florentii et*

fratribus in eo Deo servientibus ecclesiam Sancti Launi). Среди знаков свидетелей из числа монахов мы встречаем сигнум некого Петра, называемого Самуэль, монаха обители Сен-Жуан, чей нож с черной ручкой епископ вручил аббату Виллельму в знак инвеституры в отношении церкви: S(ignum) Petri cognomento Samuel monachi Sancti Jovini, cujus cultello nigri manubrii revestivit episcopus abbatem Willelmum de ecclesia Sancti Launi¹⁴¹.

Смысл известного обычая ломать лезвие ножа, выступавшего в качестве символа имущественных прав, раскрывается в грамоте из капитула Св. Илария (ок. 1090 г.): после того, как был исполнен символический обряд возложения ножа на алтарь, нож был не только оставлен у себя новыми владельцами в качестве свидетельства правового акта, но и сломан, чтобы он не мог быть унесен кем-либо, будучи годным для обычного использования, но служил знаком «усекновения неправого требования»: Quem, nequando forsitan aptus usui sublatus esset, ilico nos confrengimus atque ad resecaudum calumpnię filicem, si forte renasceretur, in testimonium precepimus¹⁴².

В грамотах, содержащих упоминания о символических действиях с ножом, обычно скупы сведения о том, в каком порядке была оформлена сама грамота. О составлении письменного документа по всем правилам говорится в случае с вышеупомянутой передачей прав на церковь Св. Лаона, которую совершил епископ Пуатье Петр (сама грамота начинается пространной преамбулой о необходимости документальной записи о совершенном правовом акте¹⁴³). В этом документе (1096 г.) способом верификации грамоты являлось начертание личного знака епископа и знаков свидетелей, при этом в отношении знака епископа употреблено существительное *impressio*, отсылающее нас к образу печати поздней античности: «Итак, это дарение, совершенное мной, как изложено, я пожелал записать и написанное скрепить оттиском моего знака и распорядился, чтобы оно было подписано свидетелями, которые присутствовали»¹⁴⁴. Однако составление документа, разумеется, не было частью инвеституры, о которой говорится в документе — инвеститура была совершена путем передачи ножа с черной ручкой¹⁴⁵.

Скрепление грамоты епископской печатью упомянуто в названном выше документе 1110 г. из монастыря Сен-Совер в Шарру, в котором говорится о передаче усадьбы, совершенной Виллельмом Фределандом в присутствии Петра, аббата монастыря

Шарру. О составлении письменного документа в грамоте не говорится, но ниже мы встречаем указание на личный знак и печать епископа Адемара, который, по всей видимости, ручался за своего друга Виллельма (передача имущественных прав была совершена по совету епископа и прочих «друзей и близких»: *consilio domni Ademari Engolismensis episcopi atque Willelmi comitis Incisorisferri et aliorum suorum amicorum ac procerum*): *Signum Ademari episcopi † qui etiam auctoritatis sue sigillum inseruit*¹⁴⁶. Свои знаки оставили в свое время, предположительно, в нижней части грамоты упомянутые выше мирянин Петр Мануэль и монах Петр Самуэль, у которых были заимствованы ножи, примененные в символическом действии. Можно думать, что и здесь грамоты были составлены в характерном для Пуату относительно строгом порядке.

С середины XI в. в рассматриваемых символических действиях широкое применение (особенно в монастырях Св. Креста в Тальмоне и Св. Максенция) получает книга (*liber*). Обычно речь идет о богослужбных книгах, в качестве которых выступают евангелия¹⁴⁷, миссал¹⁴⁸, breviарий¹⁴⁹, псалтырь¹⁵⁰, «книга гимнов» (*liber ymnarius*)¹⁵¹, под которой могла подразумеваться как одна из певческих книг — градуал или антифонарий, так и псалтырь; наряду с богослужбными книгами в символическом отчуждении имущественных прав могли применяться книги с текстом устава св. Бенедикта (*liber regule*)¹⁵². Несомненно, применение книги в качестве символа при передаче определенных прав являлось специфически церковным ответом на общую практику использования символических предметов в деле установления новых правоотношений. Едва ли, однако, можно предполагать христианскую сакрализацию этой практики в самом применении именно книги.

Использование книги в качестве символа при передаче разного рода прав было, как правило, подчинено цели лучшего запоминания совершенного акта его участниками и свидетелями. Сугубо выраженное назначение книги-символа выступает там, где в качестве символа использован монастырский картулярий. Примеры с картулярием представляют три документа монастыря Св. Максенция¹⁵³.

В первом из них (1106 г.) Гуго де Лузиньян, прозванный Старичком (*Vetulus*), и его сын Рорго скрепляют в капитуле монастыря с помощью, как сказано, «этой книги» (переданной, очевидно, аббату Гарнерию) полюбовное соглашение, которое они заключи-

ли с монастырем в предыдущий год: *Sequenti anno idem Vetulus et filius ejus Rorgo venientes in capitulo beati Maxentii, et cum isto libro placitum hoc firmaverunt in manu domni Garnerii abbatis*. Причем совершенно это было в присутствии самого епископа Пуатье Петра, некоего аббата Маркверия и 200 других лиц, как из духовного условия, так и мирян: *vidente ipso episcopo domno Petro et Marquerio abbate et ceteris ducentis aliis tam clericis quam laicis*¹⁵⁴. О том, что под выражением «этой книгой» (*cum isto libro*) подразумевается картулярий, свидетельствует дальнейшее указание: «о каковом деле кто больше пожелает узнать, пусть поищет в этой книге выше на этом же листе»: *quod qui plenius voluerit scire, in hoc libro superius in carta requirat*¹⁵⁵. Более чем вероятно, что последнее указание относится к другому или к другим документам, в которых речь идет о том же деле.

В это же время (ок. 1106 г.), согласно другому документу, Райнальд Рулевой (*Rainaldus Pilot*) вместе со своим братом Петром по прозвищу *Maindrus*, женой Айнорде и сестрой Иларией даровал монастырю Св. Максенция десятину со своей земли, и сделали они это, как сказано в документе, посредством «этой книги», и посредством ее же им было даровано от всего монастыря духовное благо псалмопений и месс: *cum hoc libro fecerunt donum, et eodem datum est eis beneficium tocius monasterii in salmis et missis*¹⁵⁶. Согласно третьей грамоте, между 1107 и 1134 г. Гвиллельм и его брат Арберт в капитуле в присутствии восседавших там монахов и многих мирян передали монастырю Св. Максенция дом монахов (*domus monachorum*) и сад (*viridarium*)¹⁵⁷. Свой дар, сказано в документе, они оба «возложили на алтарь посредством этой книги» и скрепили его собственноручно начертанными крестами: *Hoc donum concesserunt ambo, et cum hoc libro super altare posuerunt, et cruces istas manibus suis firmaverunt*¹⁵⁸. Очевидно, кресты были начертаны непосредственно в картулярии под текстом документа. Последний пример совершенно определенно свидетельствует, что символическое действие с картулярием в монастыре Св. Максенция могло быть неразрывно связано с составлением документа по всей форме, пусть и в составе картулярия.

С содержанием второго из представленных здесь документов отчасти перекликаются примеры принесения благочестивых даров посредством рукописи с текстом устава св. Бенедикта и заключения договора о поминовении монахами дарителей, равно как и их живых и покойных родственников, которые мы находим

среди документов монастыря Св. Креста в Тальмоне. Возможно, книги с уставом содержали поминальные списки, в которые тут же вносилось имя дарителя, что можно рассматривать как еще один особый род правового акта (правда, это замечание не имеет никакого отношения к составлению полноценного документа).

Так, в одном из таких документов (ок. 1129 г.) Бургунд сеньор Брана (*Burgundus de Branno feodo*), брат погибшего в битве рыцаря Виллельма, прибыл в капитул монастыря и передал в пользу обители десятину с принадлежавшей ему трети доходов от мельницы (*decimam tertie partis, quam in molendino de Nullet propriam habebat*). Дарение было оформлено при свидетелях возложением на алтарь книги с текстом устава св. Бенедикта (*Hoc autem super altare S. Marie cum libro regule concessit*)¹⁵⁹. Этим даром ознаменовалось заключение договора о поминовении его самого, его родителей и погибшего брата (*societatem nostram et beneficium sibi et parentibus suis fratricque occiso susceptit*), который пал в одном из местных вооруженных столкновений¹⁶⁰. В другом документе (ок. 1140 г.) сообщается о том, что некий Паган (*quidam Paganus, Morelluns cognomine*) оспаривал у монастыря Св. Креста третью часть десятины, взимаемой со скота (*decima minuta*) в селении Ля Пейрат (*Peugatte, деп. Де-Севр*) и с виноградников, расположенных за домом монахов, однако в конце концов отказался от своих притязаний. Он явился в капитул к аббату Гирауду и ко всей братии и, прося прощение за свой проступок, даровал спорное право на десятину посредством книги с монастырским уставом, которую передал в руку самого аббата, при этом смиренно испросил для себя и своей супруги (ее отцу и принадлежала прежде десятина, на треть которой притязал Паган) поминовения, что и получил: *cum libro regule in manu ipsius abbatis, nobis adstantibus, pro se et conjuge dedit, societatemque fratrum humiliter sibi et conjugi postulavit*)¹⁶¹.

Даже там, где применялась такая литургическая книга, как миссал, сам миссал особым образом характеризовался, так чтобы совершенный акт лучше закрепился в памяти людей. Например, четко указывалось, миссал какой именно церкви, находившийся при каком именно алтаре, был использован в символическом действии. В трех грамотах монастыря Св. Максенция речь идет об одном и том же миссале церкви Витрак. В одной грамоте, датированной 1088–1098 гг., и в двух грамотах, составленных ок. 1096 г., сообщается, как в церкви Витрак возложением миссала этой

церкви на алтарь монастырю Св. Максенция были переданы в одном случае права на две церкви¹⁶², в другом — оспариваемые у монастыря права на виноградники¹⁶³, в третьем — права на половину доходов от двух мельниц¹⁶⁴. Очевидно, в этих трех грамотах речь идет об одном и том же миссале. Подобное же указание на то, что миссал принадлежал именно той церкви, в которой был совершен обряд дарения, мы встречаем в панкарте из картулярия монастыря Св. Креста в Тальмоне (ок. 1092–1129 гг.). Некий Маэнгауд (Maengaudus) и его супруга Эмма даровали три мина-ты¹⁶⁵ от земли, где стоит дом Петра Романа, возложив на алтарь церкви Св. Леодегария миссал «этой же церкви»: *dedit... super altare S. Leodegarii cum missale ejusdem ecclesie*¹⁶⁶.

К этому ряду примеров можно было бы отнести и грамоту из картулярия аббатства Сен-Жуан, составленную около 1120 г., где речь идет о бревиарии, т.е. сокращенной версии миссала. В грамоте сообщается, что Фолькон Старик (Fulco senex), его жена Субрегаллардис, Фолькон Горемыка (Fulco Meschinus) и его жена уступили аббатству баналитет на печь и право ставить викария в случае смерти приходского священника¹⁶⁷. Это сообщение сопровождается целым рядом специальных указаний на то, как именно была совершена передача названных сеньориальных прав, назван не только алтарь, к которому относился миссал, но и сказано, кто в тот момент служил мессу на этом алтаре: *Hec vero dona posuerunt cum breviario quod super altare S. Jacobi, Andrea monacho eadem hora missam canente, Fulco senex et Subregaillardis uxor ejus et Fulco Meschinus et uxor sua*. Отметим, что передача права ставить приходского священника представляет род особых духовных уз, ведь речь идет о капелле или церкви во владениях лица, передавшего эти права.

Упоминая литургические книги, составители наших документов трижды указали на драгоценное оформление конкретной книги-символа. Так, одной из грамот монастыря Сен-Жан д'Анжели (ок. 1065 г.) удостоверяется, что путем вручения аббату Одону некой книги, написанной серебряными чернилами (*quidam textus argenteus*), надо думать, евангелиария¹⁶⁸, Угон, сеньор Сюржерес (Hugo de Surgeriis), передает монастырю Сен-Жан д'Анжели право назначать священника в капелле, принадлежавшей монастырю (*capellania ipsius monasterii*), десятину и луга¹⁶⁹.

Из грамоты монастыря Св. Креста в Тальмоне, составленной около 1135 г., мы узнаем, что аббат Гирард посредством еванге-

лиария, написанного серебряными чернилами, в ответ на просьбу Виллельма де Мота (Willelmus de Mota) выразил согласие заключить договор о поминовении его самого и его родителей (практика, уже отмеченная нами на примерах с картулярием и уставом св. Бенедикта): *fraternitatem abbatis tam sibi quam patri et matri devotissime petiit; argenteo Evangeliorum libro domnus Giraudus abbas utiliter sibi et suis parentibus convenit*¹⁷⁰. Посредством той же книги Виллельм сначала в капитуле, а затем на главном алтаре вновь даровал в вечное владение Богу и св. Кресту и монахам все то, что он прежде даровал, будучи больным: *Illo eodem quoque libro Willelmus prius illuc, scilicet in capitulo, ac deinde super dominicum altare, omne illud, quod primum infirmus dederat, dedit ac iterum concessit Deo et S. Cruci ac monachis sine fine habendum.*

Из документа 1178 г. капитула церкви Св. Илария мы узнаем о том, как некий Стефан де Фурниако (Stephanus de Furniaco) передал церкви Св. Илария полноту прав (*quictavit, in proprium habenda dimisit*) на все, чем он владел в селении и усадьбе Фронтиньяк (*quicquid habebat in territorio et in curte de Fronteniaco*), а равно и на все те приобретения, которые он мог в этой усадьбе сделать. Передачу имущества Стефан совершил путем инвеституры, возложив миссал в серебряном окладе на алтарь св. Илария: *et investituram horum omnium fecit cum misali argenteo super altare beati Ylarii*¹⁷¹. Как следует из дальнейшей части документа, речь шла о благочестивом даре и вкладе за наследника, рождение которого ожидалось и которого Стефан предназначал к монашескому служению.

Наконец, отметим те случаи, когда символическая передача имущественных прав совершалась с помощью книги, принадлежавшей тем лицам, которые передавали монастырю свои права, и когда к тому же символическое действие могло проходить отнюдь не в монастырской церкви или в капитуле, но во владениях названных лиц. Так, в одном из документов монастыря Сен-Лаон (ок. 1114 г.) говорится о дарении участка земли, совершенном неким Берлаиком, которое было оформлено при помощи псалтыри госпожи Орголозы, его жены: *Nos autem donum et concessio fuit factum cum psalterio domine Orgollose uxoris Berlaici*¹⁷². Возможно, о псалтыри идет речь и в одной грамоте монастыря Св. Максенция (1085 г.), которой удостоверяется дарение церкви Св. Мартина. Два брата, Петр и Госцеранн Петр, совершили дарение «около замка Сивриако, в своем доме посредством некой книги»: *apud castrum Sivriacum, in domo sua cum codam libro*¹⁷³.

Особенностью примеров с книгой является то, что, за исключением картулярия, передача имущественных прав, при которой символическим предметом являлась книга, не сопровождалась составлением полноценного письменного документа. Вероятно, объяснение этого явления заключается в том, что книга в качестве символа выступала в тех случаях, когда между благочестивыми мирянами, с одной стороны, и монастырем или капитулом — с другой, устанавливались особые духовные узы. Так, в четырех рассмотренных нами примерах речь идет о заключении договора о поминовении лиц, отчуждающих свои права в пользу духовного учреждения (пример с картулярием, два примера с уставом св. Бенедикта и один — с евангелиарием, написанным серебряными чернилами). Установление подобных духовных уз можно предположить и в отношении двух примеров, в которых речь идет о передаче монастырю права назначать приходского священника.

Таким образом, использование книги в качестве символа поднимало дарителя или лицо, отчуждающее свои права в пользу монастыря, до уровня, близкого к уровню клириков (не случайно и то, что в большинстве случаев речь идет о правах церковного характера). В подобных случаях, у стороны, отчуждавшей имущество, было больше заинтересованности в сохранении новых правоотношений, и составление письменного документа по строгим правилам могло быть неуместно.

Подводя общий итог, мы можем сказать, что рассмотренные предметы служили символами отчуждения имущественных прав и памятью о совершенных актах преимущественно тогда, когда речь шла о правах церковного происхождения. В таких случаях выбор предмета-символа определялся характером передаваемых прав и имущества, отражал тем самым стремление монахов и клириков подчеркнуть очевидность их принадлежности к церкви. В качестве общей черты, присущей этим символам, можно отметить, что в отличие от универсальных символов, которые нередко возлагались на алтарь, символы церковного происхождения чаще всего передавались в руки нового владельца.

Отношение символа и грамоты в оформлении и удостоверении правового акта различалось в зависимости от того, какой символ был применен. Так, за исключением примеров с картулярием, в примерах с книгой мы не встречаем упоминаний о составлении письменного документа, скрепленного собственноручной подписью главных действующих лиц, в то время как в случаях

с «веточкой» и посохом подобные документы составлялись. Указания на конкретный посох или конкретный нож, упоминание о том, кому прежде принадлежал предмет, послуживший символом передачи имущественных прав, очевидно, свидетельствуют о том, что символы должны были храниться вместе с грамотой либо иным образом служить делу сохранения памяти о совершенном акте. Яркий пример такого их назначения представляет пример с ножом, лезвие которого намеренно отламывалось, с тем, чтобы нож не мог быть использован по своему прямому назначению, а помогал хранить память о совершенном правовом акте.

Глава 3

ХИРОГРАФ КАК ТИП СРЕДНЕВЕКОВОГО ДОКУМЕНТА. ЕГО РАННИЕ ПРИМЕРЫ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ

Согласно установившемуся в дипломатике обычаю словом «хирограф» принято обозначать особую форму письменного документа, который составлялся в нескольких экземплярах на одном листе пергамента, в промежуток между которыми вписывался «девиз». Этот девиз (во французской традиции он может обозначаться и равнозначным понятием «легенда») представлял собой надпись, которая могла состоять из определенного слова, сочетания слов или даже рисунка. После составления документа лист пергамента разрезался по середине этого девиза, так что стороны договора получали экземпляры грамоты с частью надписи, и новое их сложение по месту разреза само по себе могло помочь установлению подлинности заключенного договора, если в будущем у заинтересованных сторон или их наследников возникли бы разногласия.

Отметим, что во французском и немецком языках помимо собственно термина *хирограф* для обозначения рассматриваемой формы документа существуют понятия, которые подчеркивают особенность его составления, а именно оформление нескольких экземпляров документа на одном листе пергамента и последующее их разделение особым образом — *charte-partie* и *Teilurkunde* соответственно. Английский термин *indenture* является даже еще более характерным, так как указывает не просто на составление нескольких экземпляров одного документа, но и на весьма специфичный способ разделения девиза.

Отдавая дань сложившейся традиции, мы будем использовать термин *хирограф* для обозначения названного типа средневекового документа, однако в античности это понятие не имело такого специального значения. В классическую эпоху понятием *хирограф* обозначалась наиболее характерная форма греческого

письменного акта. Отличительной особенностью античного хирографа было то, что он составлялся от первого лица и скреплялся подписями сторон договора и других заинтересованных лиц, как и подписью нотариуса. В случае неграмотности какого-либо заинтересованного лица тот вместо подписи оставлял в документе собственноручный знак, который сопровождался письменным пояснением нотариуса. Документ составлялся в форме прямой речи главного действующего лица, но о факте договора сообщалось в форме заявления или признания, а о его содержании в прошедшем времени или в форме аориста, так что остаются сомнения в отношении диспозитивной роли самого письменного документа, о которой нередко говорят исследователи¹. Не углубляясь в эту тему, отметим, что вводным формулам в греческих хирографах вполне соответствовала характерная для раннесредневековых грамот, удостоверяющих куплю-продажу, формула *Constat me vobis vendidisse*².

Важно иметь в виду, что наряду с *хирографами* еще в конце римской Республики получили широкое распространение *синграфы* (*syngrapha*), которые составлялись в двух экземплярах в присутствии свидетелей, чьими подписями они скреплялись наряду с подписями непосредственных участников договора³. Воля участников договора в них выражалась в форме третьего лица. Каждая из сторон получала свой экземпляр такого документа⁴.

Первые упоминания хирографа в раннесредневековой Ирландии и Англии

Родиной средневекового хирографа являются, несомненно, Британские острова, на что обратили внимание несколько видных исследователей⁵. Особенно богатый материал, а вместе с тем и интереснейшую реконструкцию первоначальной истории средневекового хирографа представил В. Трузен. Он отметил, в частности, что раннесредневековая Англия, в отличие от континентальной Европы, не знала форм документа, унаследованных от позднеантичных табеллионов, фиксировавших договоры частных лиц в особых регистрах, помимо этого, даже королевские дипломы первоначально не снабжались и печатями. В этих условиях важнейшим средством придания письменному документу силы подлинного удостоверения правового акта могли рассматриваться

собственноручные знаки действующих лиц. Пожалуй, излишне при этом Трузен настаивает на сакральном значении креста, как основе доказательной силы таких знаков. Но не эти общие, пусть и верные, суждения автора представляют для нас настоящий интерес.

Трузен приводит ряд ярких свидетельств того, что архиепископ Кентерберийский Феодор (668–690 гг.), происходивший из киликийского города Тарса в Малой Азии, и его сподвижник Адриан, тоже византийского происхождения, преподававший в соборной школе Кентербери, сыграли определяющую роль как в насаждении письменного документирования правовых актов в англосаксонской церкви и институтах королевской власти, а вместе с тем и во введении *chirographum* в широкий обиход англосаксонских клириков⁶. Трузен указывает многочисленные примеры документов времени после Феодора и Адриана, где употреблено понятие *chirographum*, отмечая, что обычно оно относится к документу в целом, но в некоторых случаях, полагает Трузен, применяется непосредственно в отношении подписей со знаком креста. Из последнего тезиса Трузен вывел гипотезу происхождения средневекового хирографа со словом *chirographum* в месте раздела двух экземпляров грамоты.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что исходный тезис, как и развитая на его основе теория, не имеют все же достаточных оснований в тех примерах, которые привел Трузен в своей работе. Самый важный для него пример представляет дошедший лишь в публикации 1722 г. англосаксонский вариант грамоты, исходный вариант которой был составлен на латинском языке в конце IX – начале X в.⁷ Хотя публикатор указал, что буквы слова *Cyrographum* были срезаны наполовину по нижнему краю грамоты (*Inferiori parte huius cartae sunt semilitterae huius vocis, videlicet Cyrographum*), по какой-то причине в своде англосаксонских грамот У. Берча слово это помещено перед перечнем подписей, которыми заключался латинский оригинал⁸. Трузен и сам отмечает это противоречие, и во всех других упомянутых им примерах подобных англосаксонских вариантов латинского оригинала варианты слова *chirographum* представлены именно в конце грамоты, уже после перечня подписей⁹. Тем не менее названный пример дал ему повод предположить, что слово *chirographum* относилось именно к подписям, заключало часть текста с подписями и потому в основном латинском варианте хи-

рографа оказывалось в том месте, где отрезался лист пергамена с англосаксонским вариантом.

Со временем, продолжал свою мысль Трузен, вошло в обычай писать слово *chirographum* на полоске пергамена, по которой проходила линия разреза двух экземпляров текста грамоты, написанных на одном листе пергамена, а новый способ подтверждения документальной записи получил широкое распространение¹⁰. Значительный вклад в утверждении новой формы документа, по мнению Трузена, внесли во второй половине IX в. епископы Вустера, особенно епископ Верферф (*Wærferth*) (872–907). С деятельностью последнего связан и наиболее ранний пример сохранившегося подлинного хирографа, который представляет собой экземпляр на древнеанглийском языке 904 г.: здесь у верхнего края читается нижняя часть слова *corographum*¹¹.

Можно согласиться с Трузеном в том, что подписи составляли неотъемлемый и притом важнейший элемент письменного документа, к которому применялось понятие *chirographum*. Но представляется излишним пытаться усмотреть указание именно на подписи в некоторых из собранных им примером. Даже если бы мы располагали надежным примером с этим словом, где бы оно помещалось непосредственно перед перечнем подписей в древнеанглийском варианте, то это слово могло, скорее, означать, что подлинные подписи можно видеть в латинском оригинале. А главное, есть причины думать, что начало средневекового хирографа следует искать в предшествующей ирландской традиции, которая сложилась не без участия важнейшей колонии ирландских монахов на континенте, монастыре Боббьо на севере Италии, где сохранялись элементы греко-латинской образованности. Средневековый хирограф, утвердился, вероятнее всего, как соединение, с одной стороны, характерного для Британских островов примитивного способа письменного удостоверения правового акта с помощью полоски кожи с краткой записью, которая разрезалась и делилась между участниками договора, а с другой, — полноценного письменного документа по образцу греческого хирографа. При таком соединении надпись на полоске между двумя вариантами документа могла, не теряя своего первоначального значения, служить указанием, что она, собственно, является частью грамоты, именуемой *хирограф*, а в некоторых случаях — упомянутым выше греческим термином *синграф*. В делопроизводстве англосаксонских клириков, находившихся под влиянием

как ирландцев, так и миссионеров, связанных с эллинистическим миром, такая связь стала еще более прочной и определенной.

На вероятное ирландское происхождение средневекового хирографа указал еще в 1955 г. Бернгард Бишофф в специальной статье¹². Впоследствии Кэтрин Лоу отметила статью Бишоффа как заслуживающую особого внимания¹³. Один из приведенных Бишоффом примеров содержится в латинском глоссарии *St. Gallen, Stiftsbibl., Cod. Sang. 912*, написанном в Боббио предположительно на рубеже VII–VIII вв., причем для глоссария были использованы листы рукописи V в. с выскобленным текстом¹⁴. В глоссарии дано определение хирографа как документального обеспечения, написанного собственноручно: *Chirografum (sic!) cautio prop<r>ia manu scripta*. Здесь можно было бы предполагать и простое повторение позднеантичного буквального толкования слова. Два других примера, однако, не оставляют сомнений в том, что подобные толкования отражали реальные представления самих ирландцев.

Бишофф обнаружил их в ирландских комментариях к евангельским текстам, содержащихся в мюнхенской рукописи середины IX в. *CLM 6235*, но восходящих к оригиналу, как считает Бишофф, первой половины VIII в.¹⁵ Поясняя слово *chirographum* в «Послании к Колоссянам» апостола Павла (2.14), ирландский экзегет приводит всем знакомый пример из повседневной жизни: *Moris enim est cum hominibus, omne debitum scribere ad lineam scriptam, dividere enim (autem?) inter duos debitores, ne augeatur aut minuatur (CLM 6235, f. 24vb, 12–14)¹⁶*. Из этого высказывания следует, что у ирландцев, воспринявших латинскую образованность раньше англосаксов, было принято записывать взаимные обязательства в одну строку на полоске писчего материала и делить эту надпись на две части, так чтобы каждая сторона получила свою часть.

Толкуя слово *cautio* в Евангелии от Луки (16.6), ирландский экзегет придает ему буквальное значение, которое оно получило у его грамотных соотечественников: *id est scriptionem liniae, quae scinditur et ideo cautio dicitur (CLM 6235, f. 61ra, 7–8)*. Иными словами, он привязывает значение слова непосредственно к полоске с записью в одну строку, которая делилась между сторонами и тем самым могла служить обеспечением (*cautio*) целостности договора. С развитием делопроизводства названная строка, не теряя своего исходного значения, могла обрасти сверху и снизу более или менее пространством сходного содержания, расположенного параллельно ей, либо перпендикулярно к ней.

Нет никаких сомнений в том, что в англосаксонских королевствах IX в. был широко распространен обычай передавать идентичные экземпляры грамот сторонам договора, о чем определенно свидетельствуют примеры, собранные Лоу¹⁷. Заслуживает самого пристального внимания и наблюдение Трузена, что со времени деятельности в Кентербери Феодора и Адриана у англосаксов довольно широко применялось понятие *syngrapha*. К сожалению, сам Трузен не представил сколько-нибудь детальный анализ собранных им примеров. Едва ли можно здесь удовлетвориться выражением простого сомнения Трузена в том, что за понятием *syngrapha* стояли реальные примеры документов, выполненных в двух идентичных экземплярах¹⁸.

Однако до нас дошло лишь одно свидетельство о написании слова *chirographum* на линии, по которой разделялись два экземпляра одной грамоты¹⁹. Возможно, и предположение Трузена о прямом отношении понятия *chirographum* к собственноручным подписям тоже может служить некоторым объяснением того, как и когда стали писать это слово на разделительной линии. Другое дело, что оно не может служить общим объяснением происхождения самого средневекового хирографа.

Распространение средневековой формы хирографа в Европе

На первоначальном этапе решающая роль в распространении новой формы документа в юридической практике континентальной Европы принадлежала высшим иерархам католической церкви тех областей, которые находились под сильным культурным англосаксонским влиянием. Первым примером является грамота Одберта, аббата монастыря Сен-Бертен, составленная в 944 г.²⁰ Второй пример новой формы документа происходит из диоцеза Трира – речь идет о прекарии, который был составлен в 967 г. от лица епископа Трира Викфрида в пользу соборного капитула²¹.

Что касается современной территории Франции, то, вероятно, наиболее ранними примерами средневекового хирографа здесь являются грамоты епископов Туля (931 г.)²² и Меца (967 г.)²³. Однако отсутствие вторых экземпляров и тот факт, что в этих документах нет специального девиза (линия разреза, если на самом деле перед нами хирографы, проходит по клаузулам, являющимся непосредственной частью текста), не позволяет причислить эти грамоты к хирографам с абсолютной уверенностью. Если же не

принимать во внимание будущую область Трех Епископств, чья территория до XVI в. не входила в состав Французского королевства, то, судя по всему, наиболее ранним примером средневекового хирографа, не вызывающим сомнения, так как сохранились оба экземпляра, является документ 1013 г. из аббатства Св. Юниана в Пуату²⁴.

В Италии средневековый хирограф не получил широкого распространения, однако и здесь он был известен: в XII столетии в генуэзских анналах дважды упоминаются *scripta per abecedarium divisa*, а в XIII в. упоминания о хирографах мы встречаем в Генуе, Пинероло, Сьене, Мессине, Палермо²⁵. Общее географическое распространение новой формы документа оказалось значительным — примеры средневековых хирографов мы встречаем даже в Норвегии и Венгрии²⁶.

Основные области распространения хирографа в Южной Франции

Образованные в культурных центрах Восточной Римской империи сподвижники Августина Кентерберийского (ум. ок. 604 г.), посланного Григорием Великим для христианизации Кента (597 г.), в Англии увидели полное отсутствие учреждений, которые могли бы удостоверить письменно оформленные правовые акты, и в их глазах единственным способом верификации письменных документов могли стать там, как уже было отмечено, лишь подписи, какие отличали позднеантичные хирографы. Выше мы попытались указать на следы раннего утверждения традиции составлять документы, именуемые хирографами, в двух экземплярах, выполненных на одном листе, который разрезался таким образом, что при сложении отдельных экземпляров можно было получить дополнительное подтверждение подлинности документа. Как бы то ни было, и на континенте первоначально характерной особенностью хирографов, пусть уже и в новом облике документов-дублетов, написанных на одном листе, оставалась подпись действующих лиц и тех, кто был привлечен ими в качестве поручителей и свидетелей. Правда, теперь она в основном получала вид буквы S, обозначающей начало слова *signum*, и являлась преимущественно лишь имитацией подписи, так как основной корпус этой буквы выполнялся к тому же рукой того писца, который составлял основной текст документа. Этот обычай тем не менее свидетельствует об известной

преимущества средневекового хирографа по отношению к хирографу эпохи эллинизма и поздней античности.

Наряду с имитацией этого рода мы встречаем и замену подписи простым знаком креста, начерченным, однако, рукой одного из основных действующих лиц, как в особых случаях практиковалось уже в поздней античности, если судить по равенским папирусам: подобная практика применялась тогда, когда лицо, которое должно было оставить свою подпись, не могло этого сделать в виду неграмотности или болезни²⁷. Но прежде чем обратиться к разбору конкретных примеров, скажем, на каком материале мы основываем свои наблюдения.

Первый комплекс рассматриваемых нами хирографов относится к Пуату и Сентонжу. Его составляют грамоты монастырей Сен-Жуньен-де-Нуайе, Сен-Флоран, Сен-Жан д'Анжели, Сен-Николя, Сен-Мексен, Сен-Совер-де-Шарру, Сен-Лаон и капитула церкви Сен-Илер в Пуатье. Несколько отличную группу, как по способу передачи исходного документального материала, так и по важным для нас структурным особенностям, составляют хирографы, относящиеся к историческим провинциям Лангедок и Руссильон. Эта вторая группа представлена цифровыми воспроизведениями семи оригиналов и ранее опубликованными документами капитула церкви Свв. Назария и Цельсия в Безье, капитула церкви Св. Стефана в Агде и теми документами, которые составляют так называемый «Картулярий Руссильона», на деле являющийся искусственным собранием из 90 грамот. Что же касается важнейших центров документальной письменности других областей Южной Франции, то доступные нам в виде публикаций картулярии и сборники документов не дали столь многочисленных и показательных в определенном отношении примеров хирографов, в особенности это касается раннего периода. Так, мы не обнаружили хирографы в Гиени, Тулузене, Альбизуа, Лимузене, Оверни и Провансе. Хотя и не исключая самого факта применения документов такого типа и в этих областях, мы поневоле ограничили наше исследование примерами Пуату, Сентонжа, Лангедока и Руссильона.

При работе с опубликованными источниками мы вынуждены учитывать как то, что в XIX в. принятые правила публикации были менее строги, так и то, что часть документов дошла до нас в составе картуляриев или даже копий с ныне утерянных картуляриев, и мы не всегда можем точно представить, как был оформлен

сам документ. Вместе с тем в отдельных случаях мы располагаем и цифровыми воспроизведениями дошедших в своем подлинном виде хирографов, и даже единичными доступными в наших отечественных хранилищах оригиналами XI–XII вв. Этот материал особенно ценен для нас. Цифровые воспроизведения и другого рода факсимиле подлинных хирографов, хранящихся во Франции, оказываются доступными исследователю благодаря общему сайту, на котором с той или иной степенью полноты представлены все документы, которые можно датировать временем ранее 1121 г.²⁸ Следует отметить, что там мы обнаруживаем четыре грамоты, относящиеся к аббатству Св. Юниана, и четыре — к капитулу церкви Св. Илария в Пуатье, известные нам и по печатным публикациям. К счастью, эти восемь цифровых воспроизведений убеждают в добротности обстоятельных описаний тех же документов в старых изданиях XIX столетия.

Что касается оригиналов, то отметим, что в Западноевропейской секции Научного архива Санкт-Петербургского института истории хранятся два южнофранцузских хирографа XII в., относящиеся к современному региону Окситания — документ 1180 г. (карт. 326, № 16) и документ 1198 г. (карт. 326, № 4). Однако оба этих документа не скреплены подписями, так как составлены относительно поздно и являют собой уже следующий этап эволюции средневекового хирографа, заслуживая, таким образом, рассмотрения лишь в рамках изучения дальнейшей эволюции хирографов. Хирографом является и один из двух древнейших французских документов, содержащихся в том же архиве, а именно — составленная в 1096 г. к северо-востоку от Парижа грамота епископа Мо (карт. 326, № 2). Снабженный подписями и печатью документ был опубликован в XVII в., а затем его текст был воспроизведен в издании 1912 г., когда во Франции оригинал уже считался утерянным²⁹. К Северной Франции относится и подлинный хирограф, составленный в 1163 г. в Пикардии (карт. 316, № 15).

Хирографы из Пуату и Сетонжа

Ранние примеры (XI в.)

Из обнаруженных нами 16 хирографов XI в., снабженных указаниями на приложение руки действующими лицами и поручителями, девять происходят из исторических областей Пуату и Сетонж.

Наиболее ранние документы, скрепленные указаниями на знаки, мы встречаем в собрании аббатства Св. Юниана. Примеры, которые относятся к этому монастырю, представляют для нас особый интерес, так как опубликованы их цифровые копии, что позволяет определеннее судить о знаках верификации, которыми они снабжены. Так, грамота, датируемая 1013 г.³⁰, дошла до нас в двух сохранившихся экземплярах, разделенных девизом † Signum †. В этом документе определены условия держания участков земли некой «знатнейшей дамой» Аделендис и ее сыном Порго (quedam nobilissima femina nomine Adelendis, et filius suus nomine Rorgo) от монастыря Св. Юниана. При этом сказано следующее: чтобы эта передача имела большую силу, аббат собственноручно подписал документ и передал его монахам для скрепления его их знаками (Ut autem haec manufirma plenior in Dei nomine obtineat firmitatem, manibus propriis subterfirmavimus et monachis ibidem Deo servientibus ad corroborandum tradidimus)³¹. Далее следует запись о скреплении документа знаками монахов. Первым в документе идет указание на знак аббата (S. Constantini, abbatis, qui hanc manufirma fieri rogavit), за ним следуют указания на знаки епископа Пуатье Гислеберта (S. Gisleberti, episcopi) и графа Пуату Гильома Великого (S. Willelmi, comitis), далее — указания на знаки 20 монахов.

Слово signum в указаниях сокращено до буквы S, которая всюду выписана одной и той же рукой. Но в этом и ряде других хирографов за каждой буквой S следует знак креста, который сливается с этой буквой так, что поперечная черта креста проходит на уровне строки. Это хорошо видно на воспроизведенном здесь фрагменте второго (нижнего) экземпляра хирографа, в отличие от первого (верхнего), исполненного более аккуратным почерком.

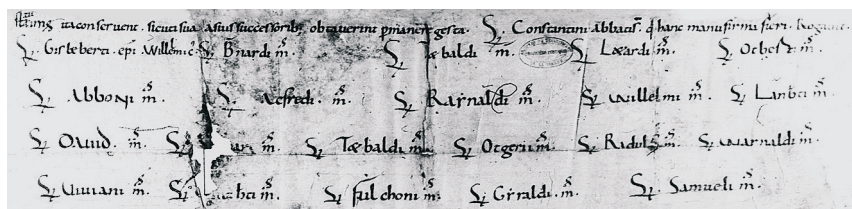

Рис. 1. Указания на знаки из нижнего экземпляра хирографа (грамота № 1189). Аббатство Св. Юниана. 1013 г.

Однако если сравнить этот экземпляр с другим, верхним, то мы заметим примечательное отличие не только в более беглом почерке, но и в том, что указания на знаки аббата и епископа лишены вертикальной черты, которая должна была составить знак креста, примыкающий к букве S. Это позволяет предположить, что писцом изначально выписывались буквы S с горизонтальными черточками, как и следующие за ними имена, тогда как добавление вертикальной черты свидетельствовало о настоящем «приложении» своей руки тем лицом, знак которого указан в документе.

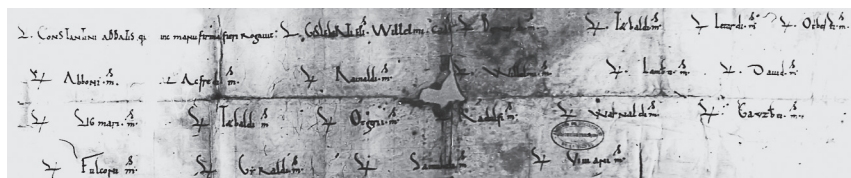

Рис. 2. Указания на знаки из верхней части хирографа (грамота № 1189).
Аббатство Св. Юниана. 1013 г.

Наличие двух экземпляров позволяет предполагать, что, возможно, второй экземпляр вернулся к монахам после смены держателей. Или же документ не был оформлен до конца, о чем может свидетельствовать отсутствие указаний на знаки самих держателей — Аделендис и Рорго. Уже подготовленный документ мог быть сохранен на тот случай, когда представители второй заинтересованной стороны, по тем или иным причинам не имевшие возможности скрепить документ, прибыли бы в монастырь. Помимо этого, была возможна и такая ситуация, при которой Аделендис и Рорго пожелали иметь свой экземпляр документа, который и был составлен, однако цена, заявленная представителями монастыря Св. Юниана, оказалась слишком высока.

Собственноручные знаки присутствуют и в следующем по времени хирографе из собрания Св. Юниана (составлен между 1040 и 1078 гг.)³². До нашего времени сохранился нижний экземпляр, девизом служила фраза *Concessum abbatibus Nobiliacensis Ademaro*. Примечательно, что, как и в предыдущем случае, в качестве одной из сторон договора выступает представитель феодальной аристократии, которого аббат Св. Юниана именует «возлюб-

ленный наш» Адемар, сеньор Шамбр (karissimus noster Ademar de Cameris). В документе речь идет о двух знаках. Первым стоит знак Петра, аббата монастыря Св. Юниана, причем объявление о собственноручном знаке составлено в форме первого лица: Ego Petrus abbas qui propria manu signum feci³³. Судя по письму, эту запись выполнил писец, составивший весь текст грамоты, аббат же начертил пентаграмму. Далее следует знак монаха Виллельма, живописца монастыря Св. Юниана. На этот раз запись сделана в третьем лице и завершается аккуратным знаком креста, начерченным, как мы полагаем, рукой самого монаха: Willelmi monachi pinctoris (sic!) †³⁴.

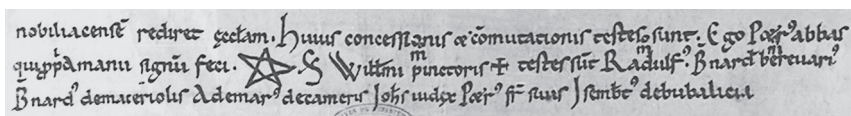

Рис. 3. Знаки из нижнего экземпляра хирографа (грамота № 1243).
Аббатство Св. Юниана. 1040–1078 г.

Собственноручный знак мы встречаем и в хирографе 1078 г. из того же аббатства³⁵. В грамоте сообщается о том, что Петр Самуэль по просьбе своего брата, Госцелина, сеньора Мортмер (Goscelinus de Mortemaro, совр. Mortemer), ушедшего в монастырь, уступил аббатству Св. Юниана участок земли в Феррабеф (terra de Faia Rathbodi, совр. Ferrabœuf). Подробно излагается, какие права Петр передал монастырю, а какие оставил за собой. Будучи, очевидно, важным служителем или покровителем монастыря, Петр оставил за собой право на получение половины церковной десятины с зерна (decima de annona) с вновь освоенной земли (terragium), как и от скота, который будет разводиться на подаренной земле. Оставил он за собой и половину от платежей и прав пользования, установленных обычаем в отношении названной земли, но полностью передал монахам монастыря право постоя, чтобы они получали ценз и другие символические платежи³⁶. Несмотря на неважное состояние грамоты, можно разобрать указание на то, что Петр скрепил ее своей подписью: ... manu mea firmavi. На правом поле грамоты, несколько ниже слов «Ego Petrus hanc cartulam... et manu mea firmavi...», мы видим знак креста, начерченный, очевидно, самим Петром Самуэлем. Все другие лица, имена которых называются далее, представлены лишь свидетелями обеих сторон договора.

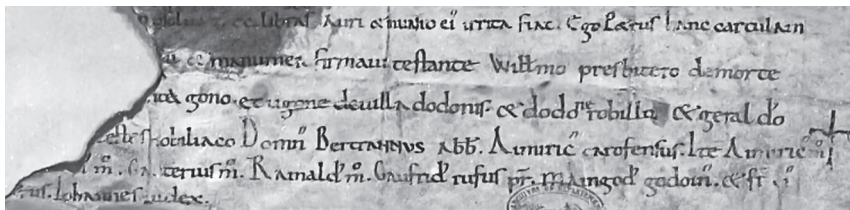

Рис. 4. Знак Петра Самуэля (?) из верхней части хирографа (грамота № 1237). Аббатство Св. Юниана. 1078 г.

Можно предположить, что монахи пожелали получить от крупного сеньора, являвшегося вассалом виконта Шательро, надежный знак верификации. Возможно, им не удалось, однако, указать неграмотному светскому сеньору точное место для его собственноручного знака.

Пожалуй, наиболее своеобразную картину представляет четвертый подлинный хирограф XI в. (датируется периодом между 1077 и 1091 гг.) из аббатства Св. Юниана. Девизом хирографа является фраза «Facta est hec carta mense febroario». Сохранились, подчеркнем, оба экземпляра документа³⁷. В грамоте сообщается, что некий Энгелельм, сеньор Мортемер (Engelelmus de Mortuo Mare), передает в пользу обители Св. Юниана часть владельческих прав и отказывается от несправедливых, хотя и установленных обычаем, платежей аббатства в его пользу (*injustas consuetudines*). Непосредственно от имени главного действующего лица в текст документа внесено заявление: чтобы договор оставался неизменным и твердым, он, Энгелельм, скрепил документ «своей рукой», а с ним и его супруга, Люция. Далее мы видим начало фразы о сыновьях Энгелельма, Энгелельме и Петре, которая, однако, осталась незаконченной: *Quod ut ratum et firmum maneret, ego Englelmus manu propria firmavi et Lucia uxor mea, filii vero mei Englelmus videlicet et Petrus*. Возможно, составитель грамоты не сумел найти нужные выражения для определения некоего обещания сыновей или обещания их отца за сыновей.

Вопреки заявлению, содержащемуся в ней, грамота не была скреплена рукой Энгелельма-отца и его жены Люции, нет в ней и собственноручных знаков трех свидетелей, названных далее³⁸. Вместо этого мы видим указания на знаки четырех поручителей, представленные в конце документа в виде перечеркнутых ко-

сой чертой прописных букв S: S. Gillelmi Ioscelini. S. Petri de Fan. S. Petri Abroti. S. Iterii de Torcaico.

Если статус первого и четвертого поручителей — Гиллельма и Итерия — остается для нас неясным, то относительно двух других можно сказать нечто более определенное. Так, в документе, составленном в период между 1077 и 1091 гг., которым удостоверяется передача Энгелельмом из Мортемер имущественных прав в пользу монастыря Св. Юниана, мы видим указание на серию знаков, среди которых встречаем знак опять-таки Петра из Фан (S. Petroni de Fau (sic!)) и знак Петра по прозвищу Горемыка (S. Petroni Abroti)³⁹. В той же роли Петр из Фан выступает и в грамоте, составленной в конце XI или начале XII в. Этот документ удостоверяет передачу прав на десятину и на семью сервов, которую осуществил некий Гислеберт по прозвищу Бюфеток (Gislebertus Bufefoc) в пользу того же монастыря⁴⁰. Среди лиц, которые скрепили документ, мы встречаем не только Петра из Фан (Petrus de Fan), но и Энгелельма из Мортемер (Ingelelmus de Mortemari), и допустимо думать, что в феодальной иерархии Петр из Фан занимал примерно столь же высокое положение, как и Энгелельм из Мортемер. Что касается Петра Горемыки, то он выступает среди свидетелей в еще одной грамоте, датируемой периодом между 1077 и 1091 гг.⁴¹

Примечательно, что второй экземпляр рассматриваемого нами хирографа содержит еще одну букву S, за которой не идет ничьего имени. Вероятно, в этом и кроется возможная причина того, что оба экземпляра дошли до нашего времени, — при оформлении документа отсутствовало какое-то лицо, указание на знак которого должно было следовать за знаками четырех лиц. Ввиду того что составление и написание документа по всем правилам требовало времени, нередко упускалась возможность личного его подтверждения всеми заинтересованными сторонами и свидетелями, о знаках которых сообщал составитель грамоты. Об этом свидетельствует немалое число грамот XII в. других типов, так и оставшихся не оформленными до конца⁴².

В отличие от хирографов аббатства Св. Юниана в двух хирографах церкви Св. Илария в Пуатье мы не находим явных следов руки тех лиц, о знаках которых говорится в тексте документов. Они содержат договоры этого видного церковного центра с другими духовными учреждениями, расположенными на большом расстоянии от Пуатье, к тому же посредниками в этих договорах

оказываются особы из других диоцезов. Понятно, что удостоверение подобных договоров по всем правилам было затруднено, и, как видно, в капитуле Св. Илария уже в XI в. утвердилась традиция ограничиваться формальным указанием на знаки действующих лиц и поручителей.

В обоих документах содержатся целые серии указаний на знаки, каждое из которых выполнено рукой составителя документа и заключается в слове *signum*, сокращенном до прописной буквы S, перечеркнутой характерным штрихом и сопровождаемой именем заинтересованного лица в родительном падеже. Первый документ, девизом которого является надпись XPS VINCIT: XPS REGNAT: XPS IMPERAT в верхней его части (т.е. сам он некогда представлял собой нижерасположенный экземпляр хирографа), составлен в 1080 г. и удостоверяет договор между канониками капитула Св. Илария и «некими» уставными канониками (*quidam fratres religiosius et communiter vivere volentes*), в пользу которых первые уступают права на бургундскую церковь Св. Лаврентия в Лонгре (*Longum Rete, Longrets*) и зависимые от нее земли⁴³. Документ не содержит каких-либо упоминаний о знаках второй стороны, зато включает указания на знаки двух поручителей, лиц более высокого ранга: епископа Пуатье Иземберта и герцога Аквитанского Гильома VIII (*S. Isemberti Pictavensis episcopi. S. Guillelmi Aquitanorum ducis*)⁴⁴. Далее, после особого вступления, идет указание на знак Госцелина, архиепископа Бордо (1060–1086), который одновременно сохранял за собой ранее полученное звание каноника и казначея капитула Св. Илария в Пуатье, и четырех других ведущих каноников той же церкви⁴⁵. Завершает текст грамоты список каноников-свидетелей, среди которых представлен и каноник, управляющий усадьбой (*curtis*), где находится церковь Св. Лаврентия. Относительно указаний на знаки высоких особ можно высказать предположение, что именно ввиду высокого их положения не было необходимости в особо надежном удостоверении грамоты; к тому же, как следует из ее текста, община каноников при церкви Св. Лаврентия получала статус приората того же капитула Св. Илария, а ее приор — звание каноника этого капитула.

Второй документ, составленный в 1092 г. (сохранившийся оригинал содержит верхнюю часть девиза *SANCTUS HILARIUS* и, соответственно, представляет собой экземпляр хирографа, располагавшийся выше), содержит договор между канониками

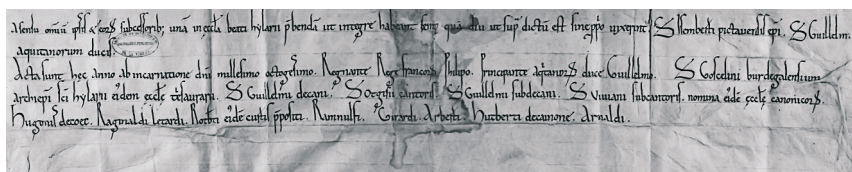

Рис. 5. Заключительная часть хирографа (грамота № 1253).
Капитул церкви Св. Илария в Пуатье. 1080 г.

капитула церкви Св. Илария и монахами прославленного турского монастыря Мармутье⁴⁶. В грамоте объявлено, что она была скреплена собственноручно казначеем Гвиллельмом и деканом капитула и их собратьями, с одной стороны, и аббатом Мармутье Бернардом с братьями — с другой, а затем они передали ее подчиненным им лицам, с тем чтобы те скрепили ее своими знаками: *nos et abbas prefatus et confratres nostri propriis manibus confirmavimus (institutionis paginam), confirmatam quoque personis subpositis ad confirmandum tradidimus*⁴⁷. Однако в дальнейшем поименном перечне знаков мы наблюдаем совсем иной порядок. Сначала названы упомянутые казначей и декан, затем другие каноники капитула Св. Илария, далее имена связанных с ними светских лиц, и лишь в последней части перечня представлен аббат Бернارد и его братья. Вероятно, вопреки заявленной строгой субординации составителю грамоты было удобнее объявить о знаках соответствующих лиц в соответствии с готовыми списками имен. Всего мы видим перечень из 20 знаков каноников, пяти знаков мирян и 13 знаков монахов, среди которых мы встречаем не только аббата, но и приора, субприора и некоего Хельгода, названного по неизвестным нам причинам епископом (*S. Bernardi abbatis, S. Bernardi prioris, S. Bernardi subprioris, S. Helgodi episcopi...*).

Как и в предыдущем документе, слово *signum* обозначено в грамоте одной буквой S с характерным косым штрихом поперек нее. Особенностью этого документа можно считать то, что сама буква S состоит из значительно более жирных штрихов, нежели косая черта, которая ее пересекает. К сожалению, мы не обнаруживаем каких-либо признаков того, что в сохранившейся части хирографа кто-либо из названных лиц действительно оставил след собственной руки в начертании знака. Очевидно, ввиду почти полной невозможности собрать вместе надолго братию двух далеко

отстоящих одна от другой обителей было решено удовлетвориться указаниями на знаки названных в грамоте лиц, а для удостоверения документа сочли достаточным написание двух экземпляров грамоты на одном листе с девизом, по которому прошел разрез.

Рассматриваемые далее документы доступны нам только в печатных изданиях и позволяют лишь фрагментарно или приблизительно судить о форме приложения руки действующими лицами и поручителями, как и о том, каким образом был разрезан лист пергамента, что именно служило девизом хирографа. Однако эти примеры все же составляют для нас существенное дополнение к рассмотренным выше, так как обнаруживают определенное сходство с последними, а главное, позволяют продолжить рассмотрение важного вопроса о том, кто, по мысли составителей документов, мог скреплять хирограф своей подписью или знаком.

Прежде всего, упомянем еще один документ из Пуатье, относящийся к более раннему периоду, нежели два только что рассмотренных хирографа. Грамота из картулярия коллегиальной церкви Св. Николая датируется временем ок. 1062 г. Герцог Аквитании Гильом VIII подтверждает этим документом передачу значительных прав в пользу недавно основанной капитульной церкви Св. Николая, которую совершили его мать, Агнеса Бургундская, и его брат, герцог Аквитании Гильом VII (1039—1058 гг.)⁴⁸. Дабы имущество капитула, получившего статус приората, и сами каноники не были потревожены в будущем, герцог вверяет их опеке папы римского и каноников собора Св. Петра: *quatenus sub domini pape et canonicorum Romane ecclesie Beati Petri tutele semper subsistant*⁴⁹. В качестве вознаграждения за защиту каноники Св. Николая обязаны выплачивать каноникам собора Св. Петра ежегодный ценз в размере 10 солидов. В тексте грамоты прямо сообщается о том, что герцог позаботился, чтобы договор был со всей силою скреплен в признанной форме хирографа, причем чтобы во свидетельство совершенного одна часть разрезанной грамоты находилась у каноников Св. Петра, а второй владели бы каноники Св. Николая: *Nos autem totum sub hujus cirographi auctoritate obnixie firmare procuravi, uti testimonii gracia alteram hujus carte scisse partem Romani canonici Sancti Petri, alteram vero habeant Pictavenses canonici Sancti Nicholai*⁵⁰. В документе нет знаков каноников Св. Петра или Св. Николая, зато в конце документа мы встречаем длинный перечень указаний на знаки местных магнатов, исполненные в виде сокращенного до одной буквы S слова

signum и следующего за ним имени в родительном падеже. О них сказано, что таким образом они означены (*subsignati*) в качестве свидетелей (*testes*) вновь установленных правоотношений (*hujus constitucionis*). Мы видим среди них не только самого герцога, но и епископа Пуатье Иземберта, мать герцога Агнес, графа Альдеберта, виконта Уго, Гуго де Лузиньяна (вероятно, Гуго Дьявола), виконта Саварика⁵¹.

Два других примера мы находим среди документов видного аббатства Сен-Жан д'Анжели, располагавшегося в исторической области Сентонж к юго-западу от Пуатье на расстоянии более 100 км (напомним, что по отношению к городу Сент аббатство располагалось к северо-северо-востоку на расстоянии примерно в 28 км). Хирографы этого монастыря отличаются детальным описанием цели и способа написания документа в форме хирографа. Похоже, что в названном монастыре применение документов этого типа еще не стало столь тривиальным, как в Пуатье, и во всяком случае в формуляре хирографов здесь находило выражение особое отношение составителей первых хирографов к этому типу документов.

Хирограф, составленный около 1080 г., содержит договор между Оддоном, аббатом названного монастыря, и Летерием, сеньором Испаниола (*Leterius de Ispaniola*). Договором определялись права на аллод, дарованный монастырю племянником Летерия, Адаймаром, с ущербом для Летерия, что вызвало его возражения⁵². Летерий ради спасения своей души и душ близких полностью отказался от притязаний на аллод, но ряд связанных с аллодом владельческих прав был примерно поровну разделен между Летерием с его семьей и монастырем. В документе как на отдельный пункт договора указано, что для монастыря будет написан второй экземпляр грамоты, такой же, какой унесет с собой Летерий: *Nos etiam tunc statutum est, ut fieret altera carta contra hanc quam secum deferret Laeterius*. Чтобы придать особую силу договору, по принятому в тех местах обычаю, Летерий возложил на алтарь св. Иоанна лист пергамена, на котором должен был быть записан текст договора, причем в документе поименно перечислены свидетели совершенного Летерием: *Deinde firmavit praedictus Laeterius hoc pactum, ponens istud pergamenum, in autoritate (sic!) hujus rei, super altare santi Joannis, astantibus istis testibus...*⁵³ Не исключено, что, прежде чем возложить пергамен на алтарь, Летерий начертил на краю листа крест, как это опять-таки было принято в мона-

стыре Сен-Жан д'Анжели. Затем Летерий вновь прибыл в монастырь вместе со своей супругой Петрониллой, и теперь они оба собственноручно скрепили то же дарение за своих сыновей и дочерей, чтобы они не могли что-либо потребовать сверх того, что записано в грамоте: *Postea venit Læterius, cum sua uxore Petronilla, ad Sanctum Joannem, et firmaverunt supradictum donum, loco filiorum ac filiarum suorum, ut nihil possint requirere præter pactionem quæ in charta scribitur*⁵⁴. Далее в издании грамоты следует указание на ряд знаков, которые, насколько можно судить, были выполнены тем же образом, что и в рассмотренных нами выше документах аббатства Св. Юниана и капитула церкви Св. Илария: за сокращенным до первой буквы словом *signum* всякий раз следовало имя в родительном падеже (самого Летерия, Петра, Аймерика, Константина, Петрониллы, Валерии, Гислеберги, Вавилонии и Милессенды)⁵⁵. Вероятно, Петр, Аймерик и Константин являлись сыновьями Летерия и Петрониллы, а Валерия, Гислеберга, Вавилония и Милессенда — дочерьми. В заключение отмечается, что во избежание того, чтобы в будущем в одной грамоте не оказалось какого-либо намеренного искажения по отношению к другой, они разделяются одна в отношении другой по одной записи, так чтобы в грамоте монастыря был ее конец, в грамоте Летерия — начало: *Ne falsitus (falsitas?) possit intermitti inter hanc cartam et illam quam habet Læterius, uno ab invicensi quo signo (uno ad invicem signo?) dividuntur, cujus hæc habet finem, illa principium*⁵⁶. Очевидно, в отличие от рассмотренных выше хирографов запись, о которой идет речь, здесь располагалась не вдоль линии раздела двух экземпляров, а поперек нее.

Иной порядок действий с неразделенным еще листом пергамента мы видим в хирографе, составленном ок. 1094 г.⁵⁷ Чтобы оценить описанные в нем способы документального удостоверения договора, представим основных действующих лиц и их соглашение по предмету спора. Гауфред Аркембалди (*Gaufredus Archembaldi*) передал обители Сен-Жан свой аллод (*alaudium suum*) в местечке Понтильс (*Pontils*, совр. *Le Pontieux*), после чего он и монахи построили на этом участке мельницу. Однако это вызвало недовольство Константина Арнальди (*Constantinus Arnaldi*), который заявил, что новая мельница наносит ущерб его делам со старой мельницей, устроенной в усадьбе, которую он держал от того же Гауфреда⁵⁸. Стороны пришли к соглашению, согласно которому половина прав на мельницы должна принадлежать Кон-

стантину Арнальди, а другая половина — Гауфреду и монахам. Права на земли, поля и леса, которые Константин Арнальди держал от Гауфреда, делятся между монастырем Сен-Жан и Гауфредом с тем условием, что, если когда-нибудь Константин станет оспаривать законные права монастыря или Гауфреда, права на мельницы перейдут монахам до тех пор, пока Константин не возместит нанесенный ущерб⁵⁹. Свое согласие с этими условиями Константин выразил в собрании капитула в присутствии приора Петра и возложил лист пергамена, уже заполненный текстом обеих частей хирографа, на алтарь Св. Иоанна: *Sciendum est quod sepredictus Constantinus Arnaldi annuit, in capitulo, omnia suprascripta, in manu Petri, prioris, per hoc pargamenum quod posuit super altare sancti Joannis, unacum altera carta jampridem inde facta*. Он же единственный, если верить копии хирографа, оставил знак в конце документа в обычной форме сокращенного написания слова *signum* в виде прописной S (*S. Consantini*). Естественно предположить, что символические действия с пергаменом, уже заполненным текстом хирографа, должны были сопровождаться и приложением руки Константина к указанию на знак, пусть и выполненный большей частью рукой составителя грамоты. Знак человека, учинившего спор с монастырем, получал здесь особый вес. Составитель грамоты не преминул отметить, что Константину была дана грамота, подобная настоящей и отделенная от нее: *Dataque est sibi carta æqualiter (equalis?) huic et ab ista partita*. Как мы видим, оба рассмотренных здесь хирографа монастыря Сен-Жан д'Анжели оставляют впечатление, что изготовление хирографов, как и выдача дубликата грамоты светским лицам, рассматривалось монахами этой обители в XI в. как дело в известном смысле новое и отнюдь не рутинное.

Примеры из Пуату и Сентонжа первой половины XII в.

В первой половине XII в. процент хирографов, скрепленных собственноручными знаками или простым указанием на знаки, оставался значительным: мы обнаружили 21 такой документ среди 28 известных нам южнофранцузских хирографов этого периода, что составляет 75% от их общего числа. Однако в Пуату этот процент оказывается значительно ниже. Лишь семь из двенадцати хирографов этой области снабжены указаниями на подписи или знаки (58,33%), тогда как в Лангедоке указаниями на знаки отмечены 14 хирографов из 16 (87,5%).

Хирограф 1102 г. из знакомого уже нам капитула церкви Св. Илария в Пуатье оформлен в традициях этого видного духовного учреждения⁶⁰. В качестве девиза хирографа на этот раз было избрано слово CONVENTIO. Содержание документа составляет договор между Адемаром Бодо (Ademarus Baudoz) и капитулом Св. Илария. Адемар возвращает каноникам половину имущества, которым, как сказано в грамоте, противоправно владели его родители, а за другую половину того же имущества обязуется приносить оммаж специально назначенному канонику. В документе мы уже не встречаем указаний на знаки, выполненные непосредственно заинтересованными сторонами договора, однако после изложения содержания достигнутого соглашения в тексте сказано буквально следующее: «...заключение этого соглашения наблюдали те, чьи имена названы ниже» (Hanc ergo conventionem illi viderunt quorum nomina subtitulata sunt)⁶¹. Далее следует список из 12 имен в родительном падеже, каждое предваряемое заглавной буквой S (signum), которая перечеркнута по диагонали характерным штрихом⁶².

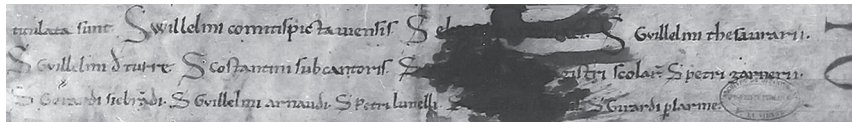

Рис. 6. Заключительная часть хирографа (грамота № 1327).
Капитул церкви Св. Илария в Пуатье. 1102 г.

Указания на знаки здесь выполнены одной рукой, и рассматриваемый хирограф может служить очередным подтверждением того, что в названном капитуле уже к концу XI в. (см. с. 107–110) реальное приложение руки действующих лиц, пручителей и свидетелей было заменено простым указанием на него. Вместе с тем хирограф 1102 г. наглядно показывает, что с течением времени такое указание начинало играть роль рутинного дополнения к списку свидетелей, который в наибольшей степени и обеспечивал возможную защиту целостности договора.

Однако в XII в. в более консервативных центрах Пуату наряду с простым указанием на знаки продолжала существовать и традиция начертания собственноручного знака в виде креста, которую мы отметили в двух хирографах аббатства Св. Юниана (рис. 3, 4).

Так, хирографом 1116 г. удостоверяется благочестивое дарение, которое Стефан, сеньор Мине, совершил в пользу пуатевинского монастыря Сен-Жан-де-Монтьернеф⁶³. Выбор формы двойного документа в этом случае, вероятно, объясняется тем, что договор предполагал раздел имущественных прав: Стефан удерживает за собой половину доходов, за исключением доходов с десятины, что соответствует общей тенденции того времени возвращать духовным учреждениям доходы собственно церковного характера. Неудивительно, что обе стороны были равно заинтересованы в том, чтобы располагать экземпляром документа. Удивляет, однако, девиз хирографа – характерные скорее для Лангедока буквы алфавита: ABCDEFG. Какие-либо указания на подпись отсутствуют, однако у нижнего края грамоты мы видим довольно искусно начертанный знак креста.

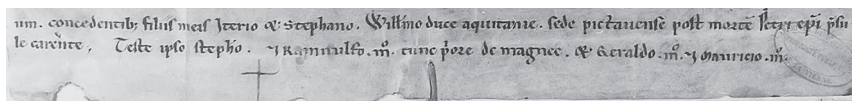

Рис. 7. Заключительная часть хирографа (грамота № 1356).
Аббатство Сен-Жан-де-Монтьернеф. 1116 г.

Можно предположить, что перед нами знак самого Стефана, от лица которого составлен документ. Еще Жири отмечал, что со второй половины X в. получил распространение обычай скреплять документ большим знаком креста внизу документа⁶⁴. О собственноручном характере этих знаков, которые следует отличать и от крестов при слове *signum*, и от тех крестов, которые сопровождают настоящие подписи, свидетельствуют как их значительные размеры, так и неверные линии. Любопытные уточнения к наблюдениям Жири содержит книга Тока⁶⁵, а именно, что подобная практика достигла своего пика в 1050–1070 гг. и была в наибольшей мере распространена в Нормандии, откуда происходит свыше трети грамот, содержащих такие кресты (35,6%). В качестве особенности грамоты 1116 г. следует отметить и то, что о самом кресте не упоминается в ее заключительных клаузулах, а около креста мы не находим имени лица, к которому он должен относиться.

Судя по всему, упомянутая традиция нашла отражение и в хирографе 1121 г. из собрания документов аббатства Св. Максена

ция⁶⁶. Несмотря на то что, по словам издателя XIX в., оба экземпляра хирографа на 1886 г. были в наличии, один — в архиве департамента Де-Севр, второй — в библиотеке Пуатье⁶⁷, нам не удалось обнаружить воспроизведение этих оригиналов на сайте французских документов, датированных периодом до 1121 г. и хранящихся во Франции⁶⁸. Грамотой удостоверяется любовное решение спора между аббатом и двумя сельскими жителями, претендовавшими на землю при усадьбе Гасконелле (Gasconille), в силу которого Франкон и Гиральд получили ее во владение на правах испольщины (tradidi duobus rusticis Franconi et Guiraudoin in meiteriam), а к ней в придачу двух быков, двух ослов и 40 овец. В конце документа мы видим серию указаний на знаки, выполненных в виде слова *signum*, сокращенного до первой буквы, и следующего за ним имени в родительном падеже⁶⁹. В самом конце документа издатель воспроизводит два креста со следующими за ними именами, причем то имя, которое написано полностью, получает здесь форму номинатива: † Franc. † Giraudus. В примечании издатель особо указывает, что кресты начертаны руками самих сельских жителей⁷⁰. Даже не видя оригиналов, нетрудно предположить, что речь идет о той самой традиции собственноручно чертить большие кресты на краю листа пергамента, обычно внизу, которую помимо упомянутого уже здесь примера в хирографе 1078 г. аббатства Св. Юниана (рис. 4) и хирографе 1116 г. из аббатства Сен-Жан-де-Монтьернеф (рис. 7) мы имели возможность рассмотреть и на примере двух грамот того же монастыря Св. Максенция, составленных всего лишь на семь лет раньше (в 1114 г.) и ныне хранящихся в архиве СПбИИ РАН (см. выше с. 47–60).

В грамотах аббатства Св. Юниана, как мы видели выше, собственноручные знаки наиболее важных действующих лиц, крест или пентаграмма, следуют за развернутым сообщением от самого этого действующего лица о скреплении грамоты его знаком (рис. 3, 4). Подобные формулы в первом лице, сопровождаемые собственноручным знаком, по сути дела, восходили еще к позднеантичным традициям, и для нас они представляют особый интерес. К примеру, в грамоте 1078 г. названного аббатства наряду с такой формулой впервые в составе девиза, по которому разделялись два экземпляра хирографа, мы встречаем слово *Cirographum* (sic!) (рис. 4). Пример с такого рода формулой мы находим и в хирографе 1121 г. аббатства Св. Флоренция близ Сомюра, ко-

торое располагалось примерно в 100 км от названного аббатства в северо-западном направлении. Заметим только, что здесь знак креста предваряет соответствующую формулу.

Содержание хирографа составляет договор между монахами этой обители и канониками церкви Св. Креста в Лудене (Laudunum), в северо-восточных пределах Пуату, где находился укрепленный замок, как следует из другого хирографа того же монастыря, отразившего события примерно 1020 г. (см. ниже с. 119–120)⁷¹. Хирограф скреплен подписью Стефана, аббата монастыря Св. Флоренция, состоящей из знака креста и заявления от первого лица о том, что это он, аббат Стефан, оставил подпись: † Ego Stephanus abbas propria manu subscripsi⁷². Издатель картулярия, работавший с оригиналом грамоты, отмечает в примечании, что подпись носит собственноручный характер (signature autographe).

К сожалению, не располагая изображением оригинала, мы не можем судить о том, носила ли собственноручный характер вся подпись или же только знак креста, что мы видим на примере более ранней грамоты, датированной 1115 г. и составленной от лица епископа Ангулема Герара (1101–1136 гг.), являвшегося к тому же папским легатом⁷³. Документом удостоверяется соглашение между двумя духовными учреждениями – августинским монастырем Сен-Северин (S. Severinus Pictaviensis, кантон Луле, округ Сен-Жан д'Анжели, между Ньором на севере и Сентом на юге)⁷⁴ и приоратом Аллевилль⁷⁵ – по поводу раздела прав на доходы от церкви в некоем местечке *Selvinciacum* (Séigné, примерно в 31 км к северо-западу от Сен-Жан-д'Анжели). Несмотря на первоначальное соглашение (conventio), согласно которому братии обоих духовных учреждений должны были делить доходы, получаемые с названной церкви, поровну, впоследствии между ними возникли разногласия (disceptationes). В соответствии с новым соглашением, на монахов аббатства Сен-Северин возлагалась обязанность отправлять церковную службу, в связи с чем им причитались 3/4 доходов, четвертую же часть они должны были отдавать приорату Аллевилль. Что касается церковной десятины, как и доходов, не связанных непосредственно с отправлением культа, то они по-прежнему делятся поровну. Новое соглашение, обозначенное теперь словом *concordia*, неслучайно оформлено документом в виде хирографа (девизом которому служит слово *CIROGRAPHUM*), так как из самой природы юридического акта – раздела имуще-

ственных прав — следовала обоюдная заинтересованность сторон в том, чтобы располагать своим экземпляром письменного документа. Следует отметить, что доказательственная функция самого девиза играла тут в лучшем случае второстепенную роль, так как в грамоте от лица епископа объявлено, что он повелел скрепить ее своей печатью и собственноручно подписал: Ego Girardus Engolismensis episcopus et sanctę romanę ecclesię legatus hanc concordiam disposui et apostolicę sedis auctoritate confirmavi, et sigillo nostro muniri precepi et propria manu nostra hec suscripsi †. На деле, однако, его собственноручная подпись заключалась лишь в знаке креста.

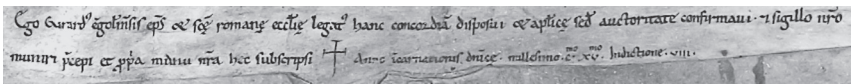

Рис. 8. Заключительная часть хирографа (грамота № 1344).
Аббатство Сен-Северин. 1115 г.

По-видимому, собственноручный знак креста, предвещающий обычную запись с сокращенным до одной буквы S словом *signum* и следующим за ним указанием имени и сана, содержался в хирографе капитула Св. Илария, составленном ок. 1135 г. и опубликованном Луи Реде в издании документов капитула. В хирографе засвидетельствовано соглашение между Гвильельмом, деканом Св. Илария, и неким Брикционом (Briccio) по поводу сеньориальных прав на печи для выпечки хлеба⁷⁶. Соглашением с участием графа (очевидно, речь идет о графе Пуатье Гильоме VIII) было установлено, что Брикцион получает треть доходов от новой печи и треть от старой, если последняя будет восстановлена, за что он должен принести клятву верности декану каноников и взять на себя все расходы по обслуживанию печи. Девизом этого хирографа служили буквы алфавита, что нехарактерно для хирографов Св. Илария, зато очень часто встречается на юге Франции. Завершается хирограф подписью важного посредника, в качестве которого выступает Эдигий, кардинал-епископ субурбикарной епархии Тускула: † S. Edigii Tusculani episcopi. Высокопоставленный посредник, знавший строгие правила папского делопроизводства, не преминул, как мы видим, предварить запись о своей подписи собственноручным знаком. Можно думать, что все

подобные записи, начинающиеся сокращенным написанием слова *signum*, предполагали начертание крестов и иных знаков, о настоящем включении которых, однако, в текст документа заинтересованные лица обычно мало заботились, считая их рутинной данью традиции.

Следующий пример, где мы встречаем сообщение о собственноручной подписи от лица, приложившего свою руку к документу, возвращает нас к грамотам капитула Св. Илария в Пуатье, где до сих пор мы не встречали подобных формул. Важно, однако, отметить, что интересующая нас фраза вложена в уста важного посредника в решении спора, который возглавлял один из виднейших французских диоцезов. Хирографом 1136 г. засвидетельствовано «сердечное согласие», которое установили между собой каноники капитула Св. Илария и монахи монастыря Девы Марии в Лез Алье (de Allodiis, ныне Alleuds, примерно в 60 км к юго-западу от Пуатье)⁷⁷. Согласие заключалось в полюбовном разделе спорного имущества в местности Моро (Morellus, ныне Moreau, деп. Вьенна). Примечательно то, что в хирографе, который был разделен между двумя сторонами по девизу, определенному в тексте грамоты понятием *cyrographum*, говорится лишь о подписи посредника, епископа Шартрского Гауфрида, легата Св. Престола, причем дважды, так что у читающего документ не остается сомнений в том, что он оставил-таки какой-то собственноручный знак: Et ut hæc concordia firma perhempniter et rata perseveret, scriptum hoc sigillo nostro roboravimus et manu propria in eodem subscripsimus⁷⁸. Ниже, после перечисления свидетелей, как можно думать, со стороны монастыря Девы Марии и перед списком присутствовавших при заключении договора каноников, в документе еще раз указано: Ego Gaufridus, Carnotensis episcopus, apostolicae sedis legatus, subscripsi.

Хирографы из Пуату и Сентонжа без явных указаний на знаки

В отношении документов XI в. только в одном случае с большим или меньшим основанием можно предполагать, что он не содержал ни собственноручных подписей или знаков, ни их имитации. К тому же и сама датировка документа этим столетием оставляет некоторые вопросы. Речь о хирографе из собрания грамот упомянутого аббатства Св. Флоренция близ Сомюра. Грамота представляет собой подтверждение ранее засвидетельствованно-

го договора, причем трудно решить, было ли оно засвидетельствовано именно письменным документом⁷⁹. Поль Маршге, издавший документы аббатства в XIX в., полагал даже, что по характеру письма этот хирограф был записан как минимум через столетие после фиксируемых им событий, которые издатель относил к периоду ок. 1020 г. Но, исходя из имеющихся у нас сведений, будет осторожнее датировать документ XI столетием. Хирограф, где девизом, по которому были разделены два его экземпляра, служило слово *cirographum*, удостоверяет учреждение капитула каноников при церкви Девы Марии и Св. Леодегария в замке Lausdanum (совр. Loudun), располагавшемся в северо-восточных пределах Пуату, и передачу этому капитулу самого здания церкви, к тому времени перестроенного силами трех священников, пожелавших составить капитул. Тем же договором с владельцем церкви, Альбериком, сеньором Монжан (Albericus Monte Joannis, совр. Montjean), уступившим церковь вновь учрежденному капитулу, устанавливалось, что каждый из каноников должен обеспечить получение пребенды в 20 солидов своему преемнику, назначаемому из числа ближайших родственников каноника. Несмотря на то что в тексте грамоты указано, что граф Анжуйский Фульк III Нерра, а равно и прочие сеньоры некоторым образом скрепили договор, конкретных указаний на подписи мы не встречаем: *Hujus autem æcclesiæ institutionem Fulco comes sua auctoritate firmavit pluresque boni viri: ipse videlicet Albericus, auctor...*⁸⁰ Можно полагать, что один экземпляр хирографа предназначался преемникам упомянутых каноников, а другой — названному аббатству Св. Флоренция, так как последнее было тесно связано с наследниками Фулька III, графа Анжуйского. Позднее письменное удостоверение договора по прошествии, возможно, значительного времени после его заключения делало не только невозможным, но в известном смысле излишним скрепление его чьими-либо подписями. Зато писец, написавший документ, прямо называет свое имя: *Hubertus scripsit*.

Наряду с этим документом отметим еще три примера, где невозможно сказать, были ли хирографы снабжены собственноручными знаками или имитацией подписей, или же таковые в них вообще отсутствовали. Все три документа дошли до нас в составе картулярия монастыря Сен-Жан д'Анжели и датируются 1080-ми годами. К сожалению, мы не располагаем ни воспроизведение оригиналов, ни замечаниями издателя относительно формы

хирографов и разделявших их девизов. Между тем лаконичное и однотипное окончание их текста, где говорится, что грамота представляет собой часть хирографа, позволяет допустить ту возможность, что писец картулярия подверг некоторой редактуре текст оригинала с сопутствующими сокращениями.

Два из названных хирографов содержат соглашение относительно спорного имущества, достигнутое на основе судебного решения. В обоих случаях имущество было полностью возвращено монастырю, но монастырь наделил другую сторону частью имущественных прав на новых условиях, иными словами, здесь, как и в других условиях, речь идет о новом распределении имущественных прав.

Так, согласно хирографу, составленному ок. 1082 г., Гиреберт, прево монастыря Сен-Жан д'Анжели, удерживал за собой владение в Фолатьер (Folateria) как свой феод, унаследованный от отца, но, отказавшись поочередно от судебного поединка и испытания кипятком, вынужден был признать права аббатства и отдать ему этот феод⁸¹. По ходатайству ряда влиятельных людей, в частности, приора монастыря Аускульфа (Ausculphus), аббат Оддон пообещал пожаловать ему, однако, в качестве феода от монастыря печь в Фолатьер, землю возле его дома, с которой собиралось два сеты зерна, и огород⁸², а кроме того согласился наделить его правами прево, поставленного монастырем. И все это составляло треть от имущества, явившегося предметом спора, причем сначала Гиреберт вместе с сыновьями отдал все это спорное имущество аббату в капитуле, а затем в капитуле же ради мира и сердечного согласия (*pro pace ac concordia*), связав себя узами верности (*sua fide*), принял пожалования аббата на условиях последнего и при согласии каноников. В заключение сказано односложно, что договор «был подтвержден» (*hec confirmata sunt*) в капитуле в День апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Как это вообще свойственно хирографам Сен-Жан д'Анжели, составитель особо обращает внимание читателя на то, что грамота, засвидетельствовавшая это дело, была сделана «двойной» на одном листе пергамента, и когда она была разделена посередине, одна часть от нее уже была дана Гиреберту, другая же должна быть передана монастырю: *Sciendum quoque est quod duplex carta facta est de hac re, in uno pargameno, qua divisa per medium, altera data est Gilberto de Folateria, altera reddenda est monasterio*⁸³.

Подобное же решение сходного спора засвидетельствовано хирографом того же монастыря, составленным ок. 1083 г. За грубые обиды, нанесенные монастырю Св. Иоанна, суд присудил Геральда Коронелля к лишению всего его имущества, зависимого от сеньориальной власти монастыря, будь оно получено от отца, брата или приобретено им самим в виде феода или путем покупки, или же перешло к нему в подобном же статусе от тестя или жены⁸⁴. По ходатайству ряда лиц и прежде всего по совету уже знакомого нам приора Аускульфа аббат монастыря Св. Иоанна Оддон проявил милость к Геральду и уступил ему половину всего имущества, которого тот был лишен по правому суду, а кроме того, оставил целиком за ним купленный им дом, два огорода и еще некоторое имущество, но обязал его платить за дом и другое оставленное в его владении имущество ежегодный ценз в знак зависимости от монастыря. Как и в копии предыдущего хирографа, односложно с применением термина, который едва ли применялся в Средние века, сообщается, что Геральд с сыновьями скрепил грамоту в капитуле (*Carta autem hæc authorisata est in capitulo*) и, заявив о своей верности (*sua fide*), обещал впредь не добиваться второй половины изъятого у него имущества. Копия хирографа в опубликованном картулярии завершается списком свидетелей и точно таким же сообщением об изготовлении «двойной грамоты» и последующей передаче одной ее части Геральду, и об оставленной на хранение в монастыре второй ее части: *Sciendum quoque est quod duplex carta est de hac re, in uno pargemeno (sic!), quæ divisa per medium, altera data est Geraldo Caronello, altera retenta est in monasterio*⁸⁵.

Хирографом, составленным ок. 1089 г., засвидетельствован договор монастыря с мельником Констанцием и его пасынком Аймериком⁸⁶. Согласно договору, Констанций и Аймерик построят во владениях монастыря мельницу в Тальмоне, причем две трети доходов от мельницы будут идти монастырю, а одна треть — мельнику и его пасынку. Констанций выразил при этом волю, чтобы после смерти его доля перешла монастырю, однако с условием, что он будет принят в монахи, если пожелает таковым стать, причем в монастырь могут быть приняты и его близкие, которых он сам выберет. Его пасынок Аймерик, который, несомненно, тоже должен был вложить имеющиеся у него средства в строительство мельницы, в свою очередь, даровал монастырю свою долю из названной трети доходов, так чтобы она перешла во владение монастыря после смерти Аймерика, если на тот момент не будет в жи-

вых его матери, за которой оставалось имущество, определенное тем же договором. Оговаривается условие, что все трое должны быть достойно погребены братией монастыря. Как и в копиях предыдущих двух хирографов, текст документа заканчивается списком свидетелей и лаконичным сообщением о том, что подобная же грамота была вручена Констанцию, как и о том, что обе грамоты получились путем разрезания одного листа пергамента и первоначально их соединяло некоторое изображение: *Sciant posteri nostri quod similis carta data est Constantio, molendinario, continens similia huic, unde scisa est pictura que jungebat utramque, partita est utrique*⁸⁷. Отличается эта грамота от двух предыдущих лишь тем, что в ней нет даже краткого упоминания о подтверждении договора Констанцием и Аймериком, при котором грамота могла быть скреплена собственноручным их знаком или в силу которого в текст грамоты могла быть включена имитация подписей этих лиц, как и представителей монастыря. Сами доходы с мельницы, о которых говорится в грамоте, были лишь ожидаемыми, и, возможно, особые гарантии с обеих сторон представлялись преждевременными. Тем не менее будет лишь простым допущением думать, что в этом хирографе могли отсутствовать необходимые знаки валидации.

Что касается хирографов первой половины XII в., составленных в Пуату и Сентонже, то пять из них, т.е. половина, не содержат указания на подписи. Однако следует отметить известную условность этих подсчетов, поскольку, ввиду хронологических данных, не исключено, что одну грамоту следует отнести еще к XI в., а две — уже ко второй половине XII в.

Несомненный пример хирографа без дополнительных знаков валидации представляет дошедшая до нас в подлинном виде грамота капитула церкви Св. Илария в Пуатье, составленная в период между 1096 и 1120 гг.⁸⁸ В ее нижней части мы видим обрезанный снизу девиз *SANCTI SPIRITUS ADSIT NOBIS GRATIA*. Грамотой удостоверяется договор между монахами бургундского аббатства Св. Лаврентия и Св. Илария и двумя братьями, Гвиллельмом и Эрбертом, племянниками Леодегария, архиепископа Буржа⁸⁹. При его посредничестве (*interventu*) и по его просьбе (*supplici rogatu*) монахи уступили его племянникам права на виноградники, расположенные около Пуатье, с тем условием, что после смерти новых владельцев имущество вернется церкви. В качестве благодарности за свое пожалование (*hujus rei gratia*) монахи получили

полторы марки серебра. Аббатство Св. Лаврентия и Св. Илария зависело от церкви Св. Илария в Пуатье, поэтому неудивительно, что один экземпляр остался у каноников церкви Пуатье. Хирограф не получил дополнительных знаков валидации, если судить по сохранившейся верхней его части, по той причине, что права новых владельцев были обеспечены выплатой денег и высоким церковным саном их родственника, а соблюдение прав аббатства Свв. Лаврентия и Илария было надежно гарантировано патронажем над ним со стороны капитула Св. Илария, ведущего в Пуатье церковного учреждения, и дело было оформлено без лишних забот для вовлеченных в него сторон.

Столь же очевидно отсутствие собственноручных знаков главных действующих лиц договоров, посредников или свидетелей, как и отсутствие имитации подписей в четырех других документах, изданных, за исключением одного, по сохранившимся оригиналам. Примечательно, что в трех из них обычный спор об имущественных правах заканчивается особым полюбовным соглашением, именуемым *concordia*, которым устанавливалось не только определенное разделение имущественных прав, но и более близкая связь между договаривающимися сторонами, характерная в особенности для отношений в тот период между духовным учреждениями, что не исключало, как увидим ниже, и возможность отношений в этой форме между духовным учреждением и влиятельными светскими лицами.

Таков дошедший в копии хирограф 1125 г. аббатства Сен-Совер в Шарру (располагалось в полусотне километров к югу от Пуатье)⁹⁰. Грамотой удостоверяется договор, заключенный между монахами Сен-Совер, с одной стороны, и аббатства Девы Марии в Алье (Alleuds) — с другой. Последнее нам известно уже по хирографу 1136 г. капитула Св. Илария, которым, в свою очередь, устанавливались отношения «сердечного согласия» между этим капитулом и аббатством Девы Марии в Алье при посредничестве епископа Шартра (см. с. 119). Там епископ-посредник, исполнявший роль папского легата, скрепил хирограф своей печатью и, вероятно, собственноручным знаком. Здесь же полюбовное соглашение было достигнуто при посредничестве епископа Пуатье Гвиллельма Аделельма, о котором, однако, лишь сказано, что он вместе с другими лицами присутствовал при разрешении спора, но едва ли он дождался момента, когда были написаны экземпляры хирографа. Возможно, ввиду отсутствия каких-либо знаков

валидации от епископа-посредника составитель хирографа ограничился простым перечнем других свидетелей в конце документа, даже не попытавшись включить в текст имитацию их подписей. Особые отношения «сердечного согласия» наряду с возможностью аутентификации разделенного на две части документа служили, очевидно, достаточной гарантией соблюдения договора. По условиям этого договора монахи аббатства Девы Марии должны владеть вышеназванной землей (*terram pretexatam*) и всем, что на ней есть или было, в то время как монахи Сен-Совер удерживают за собой право на десятину и символический ежегодный ценз в четыре денария анжуйской монетой, причем монахам аббатства Девы Марии запрещалось возводить на этой земле церковь или капеллу (*oratorium*) без разрешения капитула Сен-Совер.

Хирограф аббатства Св. Флоренция, составленный ок. 1140 г. и опубликованный по сохранившемуся оригиналу, засвидетельствовал достижение «сердечного согласия» в решении спора, длившегося с давнего времени (*vetus querela diutius retracta*), между монахами названного аббатства и двумя рыцарями, несшими службу в замке Онэ (*Oenacus*, ныне *Aulnay*⁹¹, примерно в 130 км к юго-западу от аббатства Св. Флоренция и примерно в 120 км к юго-юго-западу от Пуатье): Петром из Маркаукана (*de Marcauchana*) и Арбертом Боз (*Arbertum Bosum*)⁹². В противоположность большинству засвидетельствованных в документах договоров о разрешении спора монастыря с некими рыцарями мы сталкиваемся здесь с существенными уступками со стороны монахов аббатства Св. Флоренция, что прямо выразил составитель документа: *de suo jure eis partem aliquam concesserunt*. Это становится вполне объяснимым, если принять во внимание, что сеньором рыцарей был влиятельный виконт, а кроме того, в Онэ, через который проходил известный паломнический путь, в то время была выстроена роскошная по своему архитектурному убранству церковь, сохранившаяся до наших дней, которая в то время, как и в дальнейшем, вплоть до 1790 г., принадлежала капитулу кафедрального собора Пуатье, владения же, ставшие предметом спора, располагались, как удаётся установить, не далее 10 км от Онэ в юго-западном направлении.

Аббат Матфей (*Matheus*), приор Стефан и другие представители монастыря передали права на половину манса *Mali Candidi*, в то время как раньше рыцари владели всего лишь четвертью этого манса (*cum predicti milites nichil antea in masso illo nisi quartam*

partem possidissent), удержав, однако, целиком за монастырем построенные там дома и огороды, за исключением одного огорода и права постоя для одного человека. Помимо этого монахи уступили рыцарям права на два огорода (*ortos*) в другой местности (*Vivariis*), право на получение дохода от шестой части земли и лугов близ Луаре-сюр-Ни (*apud Lauriacum*, ныне *Loiré-sur-Nie*) и так далее. После этих уступок со стороны монастыря рыцари в присутствии виконта Онэ (*viccomesitis Oenacensis*), Гвиллельма Аманерия, отказались выдвигать далее свои притязания, поклявшись верою: *His ita concessis, omnem calumniam et inquietationem, sub juramento fidei, milites predicti finierunt*. Текст хирографа завершается перечислением свидетелей договора, в котором первым назван виконт Онэ (*Aulnay*) Гвиллельм Аманерий.

После столь полного удовлетворения требований рыцарей монахи, очевидно, были мало озабочены тем, чтобы документ был скреплен дополнительными знаками валидации, а рыцари, для которых собирание семейного архива было делом сравнительно новым, довольствовались тем, что им был выдан второй экземпляр грамоты, в котором были перечислены свидетели совершенного и подлинность которого можно было доказать. Вместе с тем можно думать, что в то время уже уходило в прошлое представление о хирографе как документе, скрепленном собственноручными знаками заинтересованных сторон или их представителей. Такое предположение с еще большим основанием можно отнести к следующему документу, датируемому в широких пределах с 1147 по 1182 г.

Речь о хранящихся в Архиве департамента Вьенна двух экземплярах хирографа, засвидетельствовавшего решение спора и достижение «сердечного согласия» между монахами монастыря Св. Юниана и монахами вышеупомянутого аббатства Девы Марии в Лез Алье (см. с. 119 и далее) по поводу владельческих прав в местечке Шене (*Chenetus*, совр. *Chenau*, примерно в 42 км к юго-западу от Пуатъе и в 21 км к северу от Лез Алье)⁹³. Хирограф не имеет четкой датировки и мог быть составлен в период с 1147 по 1182 г., так что мы лишь с известной долей условности относим его к первой половине XII столетия. Согласно тексту грамоты, монахи Св. Юниана уступили дома, усадьбы, огороды и мелкий скот с надлежащим кормом для него, четыре четверти (*quatuor quarteria*) доходов с виноградников и капеллу, где могли бы совершать мессу два или три монаха. В свою очередь, во из-

бежание дальнейшего оспаривания прав (*calumpnia*) со стороны монахов Св. Юниана монахи аббатства Девы Марии обязались выплачивать ежегодный ценз в размере пяти солидов анжуйской монетой⁹⁴.

Хирограф получил девиз в виде ряда букв от А до Х. В конце документа дан сначала перечень тех, с чьим участием был заключен договор и установлено «сердечное согласие»⁹⁵, а затем указывается, что соглашение было подтверждено в капитуле монастыря Св. Юниана, и перечислены лица, участвовавшие в этом подтверждении, причем отдельно названы те, кто изучил договор и сами владения, о которых шла речь: *qui hec inquirebant et supradicti loci inventores fuerunt*. Издатель документа в свою очередь сообщает, что оба экземпляра хирографа имели печати, но утратили их. Очевидно, своими печатями скрепили хирограф те лица, которые участвовали в подтверждении договора и, несомненно, в удостоверении самого документа. Остается только сожалеть, что издатель не сообщает, от какого числа печатей остались прорезы на каждом экземпляре. Таким образом, о рассматриваемом хирографе нельзя сказать, что он лишен дополнительных знаков валидации, но прежний собственноручный знак или его имитацию здесь сменил новый способ удостоверения документов, который получил широкое распространение в Северной и отчасти Центральной Франции во второй половине XII столетия.

В заключение приведем еще один пример, который может быть отнесен к верхнему пределу рассматриваемого хронологического периода. Хирограф, датируемый примерно 1150 г. (приблизительная дата составления документа определена издателем, Луи Реде, по особенностям письма), происходит из капитула Св. Илария⁹⁶. Согласно этому документу, Уго, каноник церкви Св. Илария в Пуатье, исполняющий обязанности прево одного владения, расположенного в Бургундии, в округе Осера (*terre que in Burgundia sita est, in pago videlicet Autissiodorensi, que Centemesia vocatur, prepositus*), передал феодал, зависящий от этого владения, рыцарю Гауфриду и принял от него оммаж. Гауфрид обязан выплачивать ценз в размере 11 солидов в марте месяце и в том же месяце принимать каноника Уго вместе с четырьмя его спутниками⁹⁷. Хирограф не снабжен никакими дополнительными знаками верификации помимо девиза, который составляет слово *cirographum*. Можно предположить, что сам обряд принесения оммажа играл решающую роль в удостоверении договора, сам по себе он не тре-

бывал даже документального удостоверения, так что в рассматриваемом случае не было особой потребности в дополнительных знаках валидации хирографа. Заслуживает между тем внимания тот факт, что традиционный акт инвеституры, сопровождавшийся оммажем, каноники Сент-Илер и Гауфрид пожелали засвидетельствовать посредством хирографа в упрощенном варианте как одного из общедоступных видов документа.

Некоторые общие наблюдения над хирографами XI–XII вв. Пуату и Сентонжа

Как мы видим, заявления о собственной подписи, выраженные в форме первого лица согласно восходящей к поздней античности традиции и снабженные собственноручным знаком, встречаются в хирографах Пуату и Сентонжа лишь в единичных случаях. Как привило, такого рода записи и сопровождающие их знаки принадлежат одному, наиболее важному, действующему лицу, названному в документе⁹⁸. Среди довольно многочисленных хирографов капитула Св. Илария лишь один документ, составленный в 1136 г., содержит интересующую нас запись, но она, как мы видели (см. выше с. 119), относится к важному посреднику в деле достижения согласия о разделе спорных имущественных прав между канониками капитула Св. Илария и монахи монастыря Девы Марии в Лез Алье, а именно, к епископу Шартрском Гауфриду, наделенному полномочиями папского легата.

В хирографах Пуату и Сентонжа мы не находим подтверждения тезиса Трезена о том, что понятие «хирограф» могло обозначать подписи в одном из оригиналов хирографа. В то же время можно было бы предположить, что понятие *chirographum* относилось пусть не к подписям, но к такой важной части документов рассматриваемого типа, какой была полоска с записью между двумя экземплярами грамоты, где они разделялись. О таком представлении самих составителей хирографов определенно говорят указания в тексте самих грамот. Они столь красноречивы, что стоит привести их полностью:

1) *Inter hæc autem sciendum quia, antequam hæc carta per cyrographum inter utrosque partiretur...* (St-Hilaire, 1136 г.).

2) (...) *Sigilli quoque nostri munitionem et sigilli beati Hylarii et sigilli Guilelmi abbatis de Pino chartis per cyrographum sectis apposuerunt* (St-Hilaire, 1148–1154 гг.).

3) Et ut pactio hec firma et inconvulsa permaneat, *cum cyrographo est scripta*, et unaqueque pars duplo sigillo utriusque videlicet ecclesie est munita (St-Hilaire, 1155 г.).

4) (...) Cartam istam *per cirografum mecum divisam* predicte ecclesie fieri feci (St-Hilaire, 1161 г.).

5) Statuimus ut *utraque charta per cyrographum divisa* eadem continens utriusque ecclesie sigillo roboretur (St-Hilaire, 1161 г.).

6) (...) Voluerunt fieri scriptum commune super eodem facto *divisum per cirographum* (St-Hilaire, 1172 г.)⁹⁹.

7) Hec quarta sub cyrografo facta est (St-Laon, 1185–1188 гг.)¹⁰⁰.

8) (...) Placuit partibus hanc *cartam per cyrographum divisam* sigillo beati Hylarii et sigillo ecclesie Fontis Ebraudi roborari (St-Hilaire, 1186 г.)¹⁰¹.

Однако, как мы видим, за исключением одного, эти примеры датируются уже серединой или второй половиной XII в., а самый ранний пример датируется уже началом второй трети этого столетия. У нас нет достаточных оснований для того, чтобы выраженное в них представление возводить к более раннему времени и к англосаксонской традиции. Вместе с тем традиция писать слово *chirographum* (в те времена с сибилантом в начале: *cirographum*) на строке между двумя экземплярами, несомненно, восходила к более раннему периоду, и ее можно связать с исходными англосаксонскими образцами. Приведем обнаруженные примеры в хронологическом порядке:

Saint-Junien de Nouaillé, 1078 г.¹⁰²

Saint-Hilaire, 1150, 1154, 1163 гг.¹⁰³

Saint-Laon, 1175 г.¹⁰⁴

Saint-Hilaire, 1176, 1178, 1186 гг.¹⁰⁵

Хирографы из Лангедока и Руссильона: общие замечания

Хирографы Лангедока и соседнего с ним Руссильона составляют две особые группы как по месту, где они были составлены, так и в особенности по виду, в котором они дошли до нас. К первой относятся семь документов различного происхождения, дошедшие до нашего времени в своем подлинном виде, цифровое воспроизведение которых можно видеть на сайте *Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France*. Ко второй относятся

15 грамот, дошедшие до нас в позднейших копиях и главным образом в составе картуляриев, а именно в картуляриях капитула Св. Назария и Цельсия в Безье и капитула Св. Стефана в Агде, причем заметим, что сами эти картулярии изданы по копиям, выполненным в конце XVIII в. Полагаться на точную передачу всех деталей оригиналов здесь не приходится. Об оригинале рассматриваемого ниже руссильонского хирографа, изданного лишь по копии, со слов издателя конца XIX в., известно, что он содержался в департаментском архиве в составе конволюта из руссильонских грамот, но современные исследователи о нем, насколько можем судить, не упоминают.

Анализ доступных нам цифровых воспроизведений оригиналов хирографов Лангедока и Руссильона позволяет отметить очевидные отличия последних от уже рассмотренных документов Пуату и Сентонжа в том, что касается оформления и элементов структуры хирографов, обеспечивавших их действенность как письменного удостоверения совершенного правового акта. Первые уже в силу большей географической близости к Британским островам обнаруживают непосредственное влияние той формы документа, которая там возникла. Напротив, в хирографах Лангедока и Руссильона естественно ожидать большие отступления от этой формы чисто средневекового хирографа в пользу традиционных для Средиземноморья способов письменного удостоверения правовых актов.

Как это наблюдал Жири в других областях раннесредневековой Галлии, в Пуату и Сентонже собственноручный знак, нередко обозначаемый лишь начальной буквой слова *signum*, довольно рано не только сравнился в своем значении с личной подписью, но и стал заменять ее¹⁰⁶. Смешению в применении подписи и знаков и дальнешему вытеснению первой вторым способствовало то, что писцы порой применяли тиронский знак, заменявший слова *subscripsit* или *subscriptio*. Основа его выписывалась в виде буквы S, к которой в нижней части справа добавлялся перечеркнутый штрих, точно так же, как это мы уже выдели в грамоте 1013 г. (см. с. 103–104).

Знаки соседствовали с подписями уже в античных и позднеантичных документах. В равеннских папирусах некоторые из названных в документе лиц вместо подписи оставили знак, который всякий раз сопровождается пояснением писца-табеллиона¹⁰⁷. Ввиду общего упадка и даже отсутствия латинской грамотности

у мирян можно предположить систематическую замену подписей знаками в частноправовых документах с наступлением Средневековья. В Лангедоке и Руссильоне с их солидным античным наследием такая замена, по-видимому, была вполне сознательной, и ее провели там более решительно, чем в Пуату и Сентонже. Начертание знака вместо подписи уже не требовало особых объяснений, а сам знак поднялся в своем значении. Формы знаков, как станет ясно ниже, в этих двух регионах средневековой Франции тоже были различны.

Так, в Лангедоке и Руссильоне на знаки действующих лиц или же поручителей, как правило, указывается полностью написанным словом *signum* (нам встретилось только одно исключение и то в копии), за которым следует имя лица в родительном, именительном или отложительном падеже. Цифровые воспроизведения оригиналов позволяют заключить, что обычно в слово *signum* был вписан знак креста, дополненный точками в каждом из четырех полей между стержнем и перекладиной креста. Отсутствие одной из точек или же иной стиль или цвет чернил одной точки свидетельствуют о том, что ее ставило именно то лицо, к которому отнесен знак. Цифровые копии оригиналов позволяют нам предположить, что подобная практика, вероятно, могла иметь место и в документах Безье и Агда, доступных нам только в копиях.

В хирографах Пуату и Сентонжа писец, составивший документ, лишь в особых случаях называет себя и о своей подписи не говорит. Ни в одном из рассмотренных нами оригиналов из этого региона мы не обнаружили ни его подписи, ни какого-либо его знака. Само же указание на то, кто именно записал текст грамоты, встретилось нам лишь однажды¹⁰⁸. К тому же выводу о почти полном исчезновении подписи писца в Пуату пришел и Ток¹⁰⁹. Его наблюдения особенно ценны для нас в связи с тем, что он основывается на изучении документов всех типов, причем принимает в расчет исключительно оригиналы любых грамот — не только хирографов.

Документы Лангедока и Руссильона отличало выдвижение фигуры писца, который обычно являлся и составителем документа. В соответствии с традицией, восходившей к поздней античности, к нему нередко применялось причастие *rogatus*, т.е. тот, «кого специально просили» (эта традиция была воспринята и итальянским нотариатом). Указание на того, кто написал грамоту, здесь

являлось неким правилом. В оригиналах при имени писца мы обычно видим некоторый знак, либо в виде такого же креста, как у других лиц, либо в виде условной подписи.

Как увидим далее, не менее значительные различия между хирографами из двух рассматриваемых регионов можно отметить и в отношении социальной функции этих документов.

Хирографы из Лангедока и Руссильона на сайте «Оригиналы грамот по 1121 г., хранящиеся во Франции»

Самый ранний из обнаруженных нами примеров (составлен в 1023 г.) представляет собой верхний экземпляр хирографа, которым удостоверяется договор между аббатом Аугерием и канониками капитула церкви Св. Павла в Нарбонне, с одной стороны, и Раймундом Удальгарием — с другой¹¹⁰. Длительный спор по поводу прав на некое владение (*alodium*) едва не привел стороны к судебному поединку. Последнего, однако, удалось избежать в результате вмешательства архиепископа Нарбонны Гвифреда из рода владетелей Сердани, виконта Беренгера и других знатных лиц, которые предложили сторонам поделить права на оспариваемый аллод. Объективный стиль изложения, которым передана предыстория договора, сменяется на субъективный, в котором аббат Аугерий отказывается в пользу Раймунда от прав на ту часть аллода, которую избрал последний. Текст хирографа содержит указание на общий знак ризничего Галинда, предстоятеля капитула Раймунда, аббата Деодата, Ибрина из Дюрбан (совр. Дюрбан-Корбьер) и еще двух человек. Все шесть имен приведены в именительном падеже и относятся к одному слову *signum* (*Signum Galindus sacriscrinus, Raimundus prepositus, et Deodati ab[bas] et Ibrinus de Durban, Beluz de Joncarias et Austen de Baias*). Сам общий знак в виде креста, каждое из четырех полей которого между стержнем и перекладиной отмечено одной точкой, помещен уже после этого перечня имен. Рассматриваемый хирограф, пожалуй, единственный из обнаруженных нами, содержит такого вида общий знак. Следом за крестом мы видим пентаграмму, которой отметил свою роль в составлении и написании грамоты священник Понс, применивший к тому же унциал для обозначения своего имени и звания (*Poncius presbiter, qui hoc scripsit die et anno quod supra*).

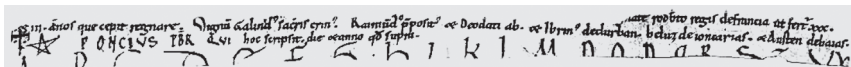

Рис. 9. Заключительная часть хирографа (грамота № 1884).
Церковь Св. Павла в Нарбонне. 1023 г.

Судя по транскрипции, приведенной на сайте *Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France* (цифровое воспроизведение по каким-то причинам в настоящее время отсутствует), грамота 1034 г. не снабжена никакими средствами верификации, помимо характерного для лангедокских хирографов девиза, состоящего из букв алфавита, и представлена нарочито лишь как запись для памяти о договоре (*convenientio*), весьма сложном и детальном, который заключил епископ каталонского города Жирона Петр со своим племянником, графом де Фуа Родгарием (Роже I), принявшим в управление свое графство в том же 1034 г.¹¹¹ Даже в отсутствии воспроизведения оригинала можно утверждать, что перед нами весьма ранний для Франции, как указывал еще Жири¹¹², и показательный пример составления документа в двух экземплярах, обусловленного самим существом правового акта. Документ был составлен в качестве письменной фиксации раздела владельческих прав (*divisio*) между дядей и племянником. Епископ Жироны выделил, во-первых, права на город Каркассон (более 90 км к юго-востоку от Тулузы), графство, центром которого он является, и ряд других владений с замками, во-вторых, замок Фуа (менее 90 км к югу от Тулузы) и связанные с ним прерогативы графа, как и ряд других замков и владений, указав в отношении обеих групп владений, что они могли принадлежать как графу-племяннику, так и ему самому (фактически же передавались племяннику). Вместе с тем во всех этих владениях епископ оставил целиком за собой ряд прав, среди которых выделяются права на владения церковного характера. Договор включал то условие, что, если Петр умрет раньше своего племянника, выделенные владельческие права перейдут к последнему. В случае если первым умрет Родгарий, то все будет зависеть от того, будут ли у него законные дети: если да, то дядя становится их опекуном, если нет — то названные права переходят к Петру.

В хирографе, составленном в 1060 г., отсутствуют какие-либо указания на раздел имущественных прав, так как речь тут, по сути, идет о завещательном отказе¹¹³. Судя по всему, перед нами

последняя страница истории непростых отношений Раймунда Удалгария и каноников церкви Св. Павла в Нарбонне, один из актов которой запечатлел хирограф 1023 г. Теперь же вдова Раймунда Стефания, а также Петр Амелий, сын некоего Раймунда Бремунд и Гаусберт, сеньор Леката (вероятно, совр. Leucate к югу от Нарбонны), названные в тексте *manumissores* (т.е. те, кто подтверждает подлинность письменного документа возложением на него руки), исполняя последнюю волю почившего, передают в залог церкви Св. Павла принадлежавший покойному укрепленный участок в границах Нарбонны (*ipsum suum burgum quem habebat in burgo Narbone*). Временная передача этого владения и всех связанных с ним доходов была совершена в обеспечение выплаты 140 солидов, которые Раймунд завещал передать церкви Св. Павла за его погребение там и ради спасения души. Заинтересованность обеих сторон в обладании собственным экземпляром хирографа очевидна, в то же время нелишне обратить внимание на то, что семья Раймунда и за 40 лет до этого уже желала получить письменный документ. Грамота скреплена знаком священника Арналля, составившего и написавшего грамоту, причем этот знак состоит из начальной буквы слова *signum*, снабженной крестом с четырьмя точками. За знаком следует имя священника-писца в родительном падеже. Своим знаком и подписью скрепил грамоту и ризничий церкви Св. Павла Петр, но состояние документа, к сожалению, не позволяет судить о том, какую форму принял знак, стоявший в начале (на то, что имени Петра предшествовало слово *signum*, указывает то, что имя стоит в родительном падеже). Надпись в правом нижнем углу документа несколько смазана, но все же позволяет заключить, что подпись включала в себя характерный знак *ruche*, на этот раз состоящий из начального слога *sub-* и следующего за ним сокращения — *scripsi(t)*¹¹⁴. Непонятно, однако, почему это осталось не отмеченным в транскрипции на названном сайте, сопровождающей цифровое воспроизведение. Отличительной особенностью хирографа 1060 г. является то, что девизом здесь служат не буквы алфавита, а небольшое предложение, кратко характеризующее правовую суть акта: *NEC EST CON[TRACTUS GAR]PIT[ION]IS*.

Грамотой 1096 г. удостоверяется договор между Уго Беренгарием и его супругой Амильдой, с одной стороны, и виконтессой Нима Эрменгардой и ее сыном Бернаром Атоном — с другой, по поводу части прав на замок Кессарг (департамент Гар, к югу от Нима)¹¹⁵.

Рис. 10. Заключительная часть хирографа (грамота № 1918).
Церковь Св. Павла в Нарбонне. 1060 г.

Уго Беренгарий, его супруга и их дети отказываются от своих прав на часть замка, принимая ее обратно в качестве феода. Мы можем предположить, что стремление располагать собственным экземпляром письменного документа было обусловлено не только очевидным двусторонним характером договора, но и тем, что соглашение сопровождалось важным для стороны Уго условием, согласно которому будущие виконты Нима не имели права отчуждать этот участок (*honor*) в чью-либо пользу путем дарения, продажи или отдавать в залог.

Документ содержит ряд указаний на знаки шести лиц, очевидно, выступивших поручителями в договоре. В опубликованной транскрипции мы находим, однако, не сами знаки, а лишь слово *signum*, за которым следует имя в именительном падеже (одно имя не предваряется ожидаемым словом *signum*, но следует непосредственно за другим именем)¹¹⁶. Заканчивается документ сообщением некоего Гауцелина о том, что это он написал грамоту. О наличии его подписи или, скорее, знака, представляющего его подпись, мы не можем судить, так как цифровое воспроизведение грамоты на сайте отсутствует. Относительно формы документа следует добавить, что девизом в этом хирографе служат буквы алфавита, начерченные по левому краю грамоты, из чего нетрудно заключить, что перед нами правая половина некогда единого листа пергамента с идентичным текстом на обеих его частях.

Хирографом из аббатства Нотр-Дам-де-Ла Грасс (примерно в 39 км к западу от Нарбонны), составленным в 1108 г.¹¹⁷, удостоверяется соглашение, которое заключили Арналл Гауцфреди и аббат Роберт по поводу прав на монастырь Гроба Господня де Палера (Каталония, провинция Жирона, комарка Ла Гарроча). Рассматриваемый документ составлен целиком от первого лица: Арналль Гауцфреди заявляет, что передает управление над обителью Гроба Господня, которую он прежде передал Гробу Господню в Иерусалиме, аббату и братии монастыря в Лаграссе, за исключением того, что он оставил за собой (*excepto hoc quod in mea potestate*

et tuicione retinui). К сожалению, в грамоте не сообщается, какие именно права оставил за собой Арналль, вероятно, они были перечислены в том документе, которым была засвидетельствована предшествующая передача. Однако именно это разделение прав послужило основанием для составления хирографа. В документе мы не находим общих знаков, однако знаки четырех лиц — самого Арналля, его сына, некоего Гвиллельма и еще одного Арналля (видимо, родственника автора документа) — исполнены в виде слова *signum* и имени в родительном падеже. При этом каждый раз слово *signum* сопровождается инкорпорированной в него символической инвокацией в виде знака креста (*sig†num*). Указание на подобного рода традицию, особенно характерную для Италии, отмечает в своей работе Ток¹¹⁸. Каждый крест дополнен четырьмя точками, как и в случае с хирографом 1023 г. Однако оформление креста теперь с несомненностью свидетельствует о реальном приложении рук тех лиц, о чьей подписи говорится в тексте грамоты. Очевидно, что составитель документа заранее заготовил подписи, оставив пустым лишь правое нижнее поле каждого креста, образуемое его стержнем и перекладиной, так чтобы действующие лица договора могли сами поставить точки.

Рис. 11. Серия указаний на знаки (грамота № 3824).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1108 г.

Помимо этого документ снабжен и знаком писца, священника Бернарда, чье имя сопровождается причастием *rogatus*. Сам его знак имеет характерную форму, получившую в дипломатике обозначение *ruche*, и представляет собой три стилизованные буквы S. О происхождении этого знака от латинского глагола *subscripsi*, как и о его распространенности в грамотах Лангедока, уже неоднократно писали как эрудиты прошлого¹¹⁹, так и современные исследователи¹²⁰.

Одинаково важный для обеих сторон договор представлен и другим хирографом от того же 1108 г.¹²¹ В документе сообщается о разногласиях (*magna dissensio*), которые возникли между новым архиепископом Нарбонны Рикардом и домоправителями

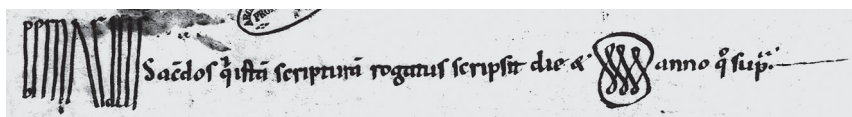

Рис. 12. Знак священника Бернарда (грамота № 3824).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1108 г.

в принадлежащих архиепископству замках и викариями, визи-тирующими относящиеся к ним усадьбы (*castellanos atque vicarios honoris ecclesie*), в связи с узурпацией последними прав на церковное имущество в пору неурядиц на самой архиепископской кафедре. Документом удостоверяется решение спора, достигнутое при участии графини Матильды (Матильда Апулийская, графиня Барселонская и затем виконтесса Нарбонны) и ее сына (Аймерик II, 1105–1134), к которым обратились виконт и бароны, между архиепископом и наиболее представительным из шатленов Ротландом, сеньором Фонжонкуз (совр. *Fontjoncouse* в департаменте Од). Дабы прекратить споры, архиепископ определяет, какие именно доходы отныне причитаются Ротланду за исполнение им функций шатлена и викария. Как шатлен он имеет право получать третью часть доходов от выпаса скота, который он обязан был оберегать, как и самих пастухов. Кроме того, в его пользу будут обращаться те повинности, которые приходятся архиепископу при постое в той или иной хозяйственной усадьбе, относящейся к названному замку, в зависимости от числа сопровождающих архиепископа рыцарей, которые могут с ним стать там на постой (от шести до трех). Что же касается прав Ротланда в отношении его функций викария, то, помимо прочего, он имеет право на постой на территории каждой усадьбы в сопровождении двух рыцарей (не требуя, однако, обеда), право на третью часть урожая овса и ряд других платежей. После смерти Ротланда право исполнять его обязанность викария должно перейти к одному из его сыновей и впредь быть отделено от должности шатлена. Грамота была составлена по повелению архиепископа (*qui hanc cartam scribi iussit*). В тексте документа присутствует недвусмысленное указание на то, что сам архиепископ Рикард скрепил его (*Ricardus archiepiscopus firmavit*), и мы можем предположить, что собственноручный знак архиепископа передается буквой S с крестом, которая, однако, следует за именем епископа, а не предваряет его.

При этом мы не можем согласиться с вариантом транскрипции, предложенным французскими коллегами (на сайте помещена рядом с цифровым воспроизведением документа), которые рассматривают эту букву S как предваряющую дальнейшее указание на скрепление грамоты Ротландом, в соответствии с наиболее часто встречающимся порядком, впрочем, отнюдь не столь характерным для документов из рассматриваемой области. Знак Ротланда нетрудно рассмотреть в конце упомянутого указания. Напротив, более чем странно видеть в нем сокращенную передачу слова *subscriperunt*, которое издатели отнесли к следующему далее перечню свидетелей. Обычным для ранних лангедокских документов является простое перечисление имен свидетелей без указания на их собственноручное скрепление документа.

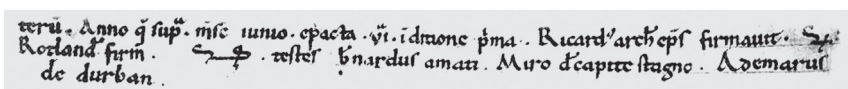

Рис. 13. Заключительная часть хирографа (грамота № 3828).
Документ от лица архиепископа Нарбонны. 1108 г.

Грамотой 1114 г. засвидетельствован договор, который виконт Нарбонны Аймерик II и его супруга Эрменгарда¹²² заключили с аббатством Нотр-Дам-де-Ла Грасс¹²³. Аймерик и Эрменгарда передают аббатству в залог усадьбу Лак (*Lac*) со всем, что относится к этой усадьбе, включая замок, башню, сельскохозяйственные угодья и платежи. Взамен виконт и его супруга получают 68 ливров серебра и 25 унций золота сроком на три года. Хирограф (девизом которому служат буквы алфавита) скреплен серией указаний на подписи, выполненных в форме слова *signum*, с инкорпорированной в него символической инвокацией в виде знака креста (*sig†num*) и следующим за ним именем в родительном падеже. Каждый крест сопровождается четырьмя точками, но, судя по цифровому воспроизведению грамоты, точки эти были поставлены рукой писца, записавшего документ. Из семи указаний на подпись четыре представляют собой подписи одного лица, а три являются общими (каждый для двух, связанных родством). Так, указание на общий знак предшествует, прежде всего, именам самого виконта Аймерика и Эрменгарды, Гвиллельма, сеньора Ла Редорте (*Redorta*, совр. *La Redorte*), и его сына Гвиллельма, нако-

нец, указание на общий знак предворяет имена братьев Ротланда и Беренгария из местечка Лак. Последним назван монах Санций, который выступает и как составитель грамоты. В отличие от некоторых своих лангедокских собратьев, бравших не себя такую роль, он не оставил никакого знака — мы видим лишь полностью выписанное слово *scripsit*.

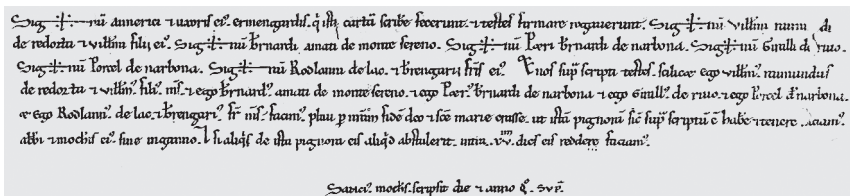

Рис. 14. Заключительная часть хирографа (грамота № 3834).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1114 г.

Для полноты представления об отличительных особенностях лангедокского типа хирографа рассмотрим некоторые оригиналы грамот, которые, хотя и не относятся по форме и своему назначению к *chartes-partie*, снабжены большей частью теми же знаками валидации.

Выше уже отмечалось, что для документов Лангедока и Русильона были характерны указания на знаки в форме слова *signum*, которое сопровождалось инкорпорированной в него символической инвокацией в виде знака креста, который зачастую сопровождался четырьмя точками — по одной в каждом из полей. В монографии Тока приведен ряд примеров, которые явно указывают на то, что в таком случае знак мог приобрести собственноручный характер в силу того, что одну из точек ставило лицо, к которому он и был отнесен в документе¹²⁴. Для обозначения этого явления бельгийский исследователь предлагает применять понятие *Vollziehungspunkt*, подсказанное ему термином *Vollziehungsstrich*.

О собственноручном характере точек мы можем судить в том случае, когда они по своему виду отличаются от трех других и напоминают скорее кляксы, что свидетельствует о том, что они поставлены рукой, не привыкшей держать перо. Почти все примеры, которые мы здесь представим, происходят из собрания документов аббатства Нотр-Дам-де-Ла Грасс (аббатство

располагалось, как уже было отмечено, примерно в 39 км к западу от Нарбонны), к которому относятся и два из рассмотренных выше оригиналов хирографов. Так, о собственноручном характере точек, поставленных в правом нижнем поле креста, заключенного в слово *signum*, можно уверенно говорить в отношении грамоты 1111 г.¹²⁵ На рис. 15 можно видеть, что в знаках шести лиц из восьми точка между стержнем и перекладиной креста в указанном месте явно нарушает симметрию и выглядит жирной.

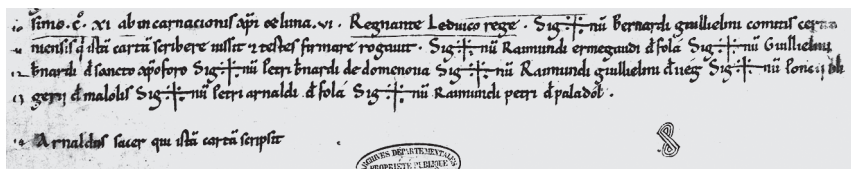

Рис. 15. Заключительная часть хирографа (грамота № 3831).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1111 г.

На изображении мы, кроме того, можем видеть в виде цифры «8» подпись лица, написавшего документ и, возможно, его составившего. В главном элементе подписи различаются три штриха. Подпись предваряется указанием имени писца и сообщением о его подписи: *Arnaldus sacer(dos) qui istam cartam scripsit*.

В документе 1109 г. симметрию в нескольких случаях явно нарушает точка на правом верхнем поле¹²⁶.

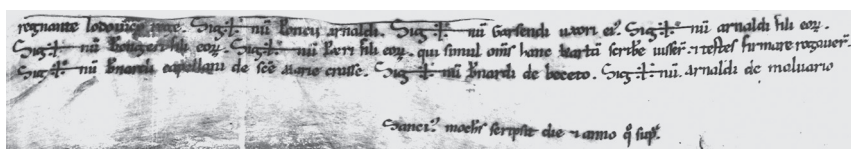

Рис. 16. Заключительная часть хирографа (грамота № 3830).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1109 г.

Как отмечает Ток (вслед за Мишелем Циммерманном¹²⁷), обычай составителей и писцов оставлять свободным для собственноручной отметки действующего лица правое верхнее поле креста отличал документы Каталонии¹²⁸. Документ 1109 г.,

как и предыдущий, заканчивается фразой составителя о себе: *Sancius monachus scripsit die et anno quo supra*. Однако на этот раз мы видим правее и ниже, несомненно, принадлежащее ему же сокращенное написание глагола *subscripsi* (или формы третьего лица *subscripsit*).

Не менее ярким свидетельством приложения руки лицом, чье имя начертано около знака креста, является оставшееся пустым в некоторых случаях одно из полей креста, особенно когда мы видим как знаки, собственноручно помеченные на четвертом поле, так и знаки с пустым полем. В грамоте 1085 г. из аббатства Нотр-Дам-де-Ла Грасс знаки в виде креста, возможно, получившие здесь дополнительную роль символической инвокации, стоят не в середине слова *signum*, а перед ним¹²⁹. Точки в левом нижнем поле либо отсутствуют, либо поставлены явно неумелой рукой. Знак составителя и писца документа в виде цифры «8» здесь по неясной причине разбивает его запись о себе: *PONCIUS sacerdos... qui haec scripsit sub die et anno quod supra*.

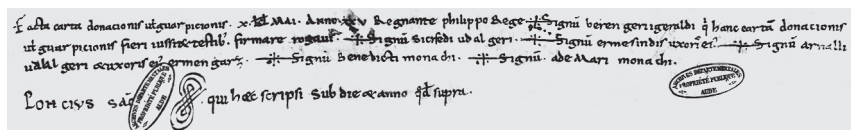

Рис. 17. Заключительная часть хирографа (грамота № 3811).
Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1085 г.

Как мы видим, для собственноручного внесения точки могло быть использовано любое поле между стержнем и перекладиной креста, но в каждом документе, где было несколько таких знаков, в этом отношении соблюдалось единообразие. Кроме того, представляется, что в лангедокских документах все же чаще использовалось для этого нижнее правое поле. Эта норма выдержана в документе 1103 г. из того же аббатства Нотр-Дам-де-Ла Грасс¹³⁰. И здесь мы опять видим, как за крестами с собственноручной пометой названного в грамоте лица следуют знаки с крестом, соответствующее поле которого осталось пустым.

И эту грамоту завершает запись составителя и писца о себе с подписью в виде цифры «8», состоящей, на этот раз, из четырех линий: *Arnallus presbiter qui hanc cartam scripsit sub die et anno quo supradicta*.

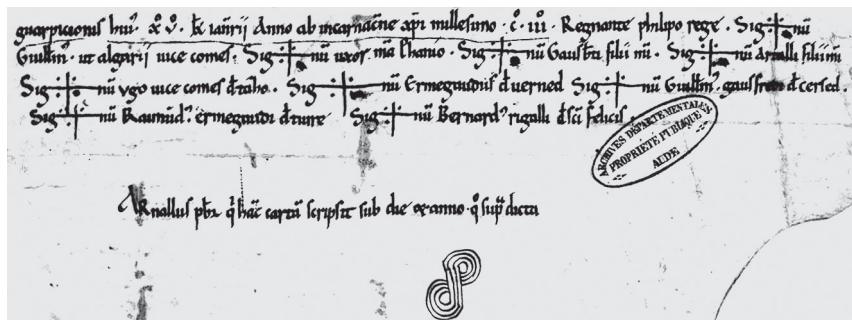

Рис. 18. Заключительная часть хирографа (грамота № 3820).
 Аббатство Нотр-Дам-де-Ла Грасс. 1103 г.

Хирографы из Лангедока и Русильона в составе картуляриев

В составе опубликованных картуляриев нам удалось обнаружить 16 хирографов рассматриваемого периода, и, несмотря на то, что об их форме мы можем судить лишь косвенно и фрагментарно, благодаря значительному числу и достаточной однородности они позволяют увидеть некоторые закономерности, ускользающие от исследователя при знакомстве с сохранившимися оригиналами. Из числа шестнадцати, однако, только три датируются XI в.

Хирографы XI в.

Самый ранний из хирографов, дошедших в составе картуляриев, датируется временем после 1061 г. и содержится в копии картулярия соборного капитула Безье¹³¹. Грамотой удостоверяется договор, который с согласия епископа Бернарда заключили между собой Сигарий Саломон и каноники соборной церкви Св. Назария. В заключительной части документа указывается, что он снабжен знаком епископа, который, как сообщает составитель документа, является одновременно и знаком каноников, составивших грамоту и просивших епископа скрепить ее собственноручным знаком: *Signum Bernardi episcopi et canonicorum Sancti Nazarii, qui istam cartam fecerunt et firmari rogaverunt*¹³². Эта формула, выражающая символическое присоединение некоторых лиц, в настоящем случае самих составителей документа, к знаку

лица, наделенного особыми полномочиями, проливает свет на целый ряд подобных же примеров, которые мы рассмотрим далее. Она определенно свидетельствует, что и в целом отнесение одного знака к нескольким лицам не было в поздних копиях лангедокских хирографов лишь способом сокращенной передачи содержания документа. Вместе с тем на деле могло быть и так, что составившие названный хирограф каноники сами оформили от имени епископа скреплявший хирограф знак, так что они вправе были сказать, что этот знак принадлежит и им. Тем не менее в приведенной формуле выражено именно правовое понимание такого явления, как общий знак нескольких лиц. Таким образом, мы можем усматривать изначально единый общий знак и в следующем далее указании на знак шести мирян, которые, вероятно, представляли интересы Сигария Саломона¹³³.

В отношении указания на общий знак более сложный случай представляет второй по времени хирограф XI в. (1085 г.) в копии картулярия капитула Свв. Назария и Цельсия в Безье¹³⁴. Хирограф удостоверяет договор между Раймундом Гизальфредди (*Raimundus Gisalfredi*), с одной стороны, и епископом Матфредом, архидиаконом Угоном, прево Гилльельмом и прочими канониками капитула кафедральной церкви – с другой. Договором закреплялись условия, на которых Раймунд Гизальфредди выкупал заложенную им церковную десятину в приходе церкви Св. Генезия в Гразано (*ecclesia Sancti Genesi de Grazano*). Этот выкуп был произведен путем уплаты весьма значительной суммы в 250 солидов, т.е. ок. 12,5 ливров, и уступки капитулу ежегодного сбора восьми модиев зерна. Представители капитула обусловили получение десятины различными платежами натурой со стороны Раймунда и возвращением самой десятины во владение названной церкви и священника, который будет там служить, после смерти Раймунда. Богатое владение, которое составляла десятинная, определенным образом свидетельствует о достаточно высоком статусе самого Раймунда.

Согласно тексту, дошедшему в копии, хирограф был скреплен собственноручным знаком самого Раймунда Гизальфредди и знаком Петра Деусде из Гразано. Далее упомянуты знаки епископа Безье, прево и архидьякона кафедральной церкви, за которыми в копии следует указание на общий знак трех членов капитула, причем последний из них сообщает, что это он написал грамоту: *Signum Raimundi Gisalfredi, qui istam cartam fieri fecit atque firmavit. Signum Petri Deusde de Grazano; signum Matrfredi episcopi;*

signum Guillelmi prepositi; signum Ugonis archidiaconi; signum Poncii Bernardi, et Bernardi Moriceni, et Bernardi Sigarii, qui hoc scripsit¹³⁵. Более высокое в средиземноморском регионе правовое сознание, как мы видели, породило идею символической причастности разных лиц к одному знаку, но в основе этой идеи лежала все та же потребность в упрощенном оформлении грамоты, потребность в своего рода имитации хотя бы части знаков.

Из общей картины выпадает пример хирографа 1075 г. из руссильонского аббатства Сен-Мартен-дю-Канигу (Sancti Martini coenobium Kanigonense; Saint-Martin du Canigou)¹³⁶. Документ составлен в виде прямого обращения аббата Петра в форме первого лица, а затем такого же обращения второго участника договора. Хирографом засвидетельствована передача аллода с виноградниками и пахотной землей некоему Реймунду Гаузфреди и ее условия в виде определенных платежей в положенный срок. В знак достигнутого соглашения (propter ista convenientia) Реймунд, в свою очередь, подарил аббатству мула стоимостью в три унции, т.е. примерно в пять солидов, и все свое движимое имущество на случай смерти и своего погребения братией аббатства. Издатель воспроизвел в верхней части хирографа определенный графический знак, а по левому краю слова: Petrus gratia dei abbas. К сожалению, издатель не дает тут дополнительных пояснений и указывает лишь на то, что публикует документ по оригиналу, так что нам остается лишь догадываться, не служило ли имя аббата девизом хирографа¹³⁷. Самое интересное для нас мы находим, однако, в последней фразе документа, где монах и священник Гвифред сообщает о себе в третьем лице, что он написал текст соглашения и подписал его, причем слово «подписал» он передал начальной приставкой sub- и знаком креста как собственноручной подписью: Guifredus monachus vel pbr. qui hec convenientia scripsit et sub† die et anno quo supra. Как показывают другие руссильонские документы, такой способ собственноручной подписи был типичен для тех мест.

Примеры из Лангедока первой половины XII в.

Хирографы без указаний на знаки главных действующих лиц договора

В первую половину XII в. процент лангедокских хирографов, в которых содержатся указания на знаки, остается довольно су-

щественным — из 13 обнаруженных нами документов этого типа такие указания присутствуют в 11 грамотах. Правда, мы не можем с должной определенностью судить о том, какой именно вид получали здесь знаки, носили ли они собственноручный или же условный характер.

В ряде лангедокских хирографов рассматриваемого периода обращает на себя внимание то обстоятельство, что в них отсутствуют указания на знаки главных действующих лиц договора, а о роли лиц, на знаки которых есть указания, ничего не говорится, и о ней можно судить главным образом по косвенным данным. Так, копия хирографа, составленного в 1116 г. при капитуле церкви Св. Стефана в Агде, содержит в конце документа серию указаний на знаки представителей заинтересованных духовных учреждений, а равно и лиц, о которых ничего не сказано в самом тексте грамоты. Договором определялись условия передачи всех доходов от церкви Св. Петра *de Prenias* Ростаном из Портирань (*de Porcairanicis*, совр. *Portiragnes*), его супругой Марией и его дочерью Белиссендой в залог епископу Агда Бернарду и кафедральной церкви этого города¹³⁸. Было установлено, что отданные в залог имущественные права Ростан и его близкие должны выкупать путем ежегодных платежей в 175 солидов (без малого восемь ливров!) доброй монетой из Мельгей (*melgorienses, de Melgueil*), а если монета упадет в цене, они должны будут выплачивать дополнительно по ливру, так чтобы получилась сумма в 50 солидов. Сами эти права, однако, Ростан и его близкие передали не прямо епископу, а трем лицам, которые, надо полагать, должны были заступить на место Ростана в качестве вассалов кафедральной церкви и ее капитула, а именно Беренгарию, сеньору Корнейан (*de Corneliano*, совр. *Corneilhan*)¹³⁹, Раймунду *де Руфьяк* и брату последнего, Маурину. Права последних устанавливались лишь на определенный срок: в документе сказано, что если залог не будет выкуплен при жизни Ростана, то после его смерти названное владение должно быть возвращено кафедральной церкви Агда и епископу.

В опубликованном тексте мы не встречаем указаний на знаки, выполненные епископом, Ростаном, его супругой или дочерью. Отмечен общий знак Беренгария, ризничего церкви Св. Стефана, и Раймунда, капеллана Св. Понтия (*Signum Berengarii sacrista de Agatha et Raimundi Sancti Pontii capellani*)¹⁴⁰). Этих лиц мы встречаем в тексте грамоты, причем сказано, что соглашение было до-

стигнуто при их участии, равно как и Петра Аранфреда, архидиакона Ловева (*cum consilio Petri Aranfredi archidiaconi Lutevensis sedis, et Berengarii sacriste de Agatha, et Raimundi de Sancto Pontio*).

Далее следует указание на знаки трех лиц, которые не упомянуты в тексте грамоты: это некие Гиральд Кафеллини, Гвиллельм Саломонис из семейства сеньоров Портирань и Эрменгауд Биота из рода сеньоров Корнейан, причем у первых двух указан общий знак¹⁴¹. Исходя из указания на общее родовое владение Портирань Ростана, главного действующего лица, и Гвиллельма Саломонис, можно предположить их родство, а равно и семейную близость с Гиральдом Кафеллини. Что же касается Эрменгауда Биота из рода сеньоров Корнейан, то, судя по указанию на его общее владение с упомянутым выше Беренгарием, сеньором Корнейан, который вместе с другими лицами получал во временное владение заложенное имущество, то и он не был человеком, чужим для Ростана. Судя по всему, все трое некоторым образом представляли сторону Ростана. В конце опубликованного текста особо отмечено, что документ был разделен по линии, где были выписаны буквы алфавита (едва ли эта фраза входила в текст оригинала).

Из копии второго по времени хирографа капитула церкви Св. Стефана в Агде (составлен в 1117 г.) мы узнаем о передаче епископом Агда Бернардом прав на церковь Св. Виктора (*ipsum corpus ecclesie Sancti Victoris*) двум благочестивым дамам, Эрменгарде и Алдиарде (*duabus devotis mulieribus Ermengarde et Aldiarde nomine*). Епископ разрешает им молиться в церкви и жить при ней (*causa orationis, eo quod ibi ducatis bonam vitam*)¹⁴². Церковь эта имела статус капеллы церкви Св. Симеона в селении Пине (*Pinet*), примерно в 10 км к северу от Агда (*et ipsa ecclesia est capella Sancti Symeonis de Pineto*). В придачу к капелле Эрменгарде и Алдиарде была пожалована одна педия пахотной земли вблизи церкви, сад возле некоего луга и все, что эти дамы смогут приобрести с ведома епископа и каноников. Скорее всего, можно предположить, что эти дамы были наследницами видного в этих местах сеньора, передавшего значительные владельческие права капитулу кафедральной церкви по завещанию или как вклад при вступлении в число каноников, названным же дамам была пожалована часть этих прав на срок их жизни.

Эрменгарда и Алдиарда в договоре играли пассивную роль, и поэтому неудивительно, что в документе отсутствует указание на их знаки. Зато мы находим указание на общий знак трех лиц,

статус которых прямо не указан: Гвиллельм Райнальди, Петр Беренгар и Бернард Барраль (*Signum Guillelmi Rainaldi, et Petri Berengarii, et Bernardi Barral*). Ничего не сказано и о роли этих лиц в установлении новых правоотношений, но нетрудно установить их связь с капитулом соборной церкви в Агде, исходя из других документов, содержащихся в копии картулярия. В документе 1116 г. Бернард Барраль назван каноником капитула церкви Св. Стефана (при этом в грамоте имеется указание на его знак)¹⁴³. Все трое упоминаются в документе, составленном в 1122 г., при этом четко сказано, что они являются канониками капитула соборной церкви Св. Стефана¹⁴⁴. Петр Беренгар и Бернард Барраль названы в числе каноников капитула церкви Св. Стефана в документе 1132 г.¹⁴⁵ Естественно думать, что названные каноники представляли интересы кафедральной церкви Агды, но почти столь же вероятно и то, что кто-то из них был родственником наших дам. К сожалению, пока мы не располагаем материалом для раскрытия возможных родственных связей между названными лицами¹⁴⁶.

В заключение характеристики рассматриваемого хирографа отметим, что и здесь лицо, написавшее его, прямо называет себя: *Petrus scripsit*. В конце опубликованного текста сказано, что два экземпляра документа были разделены по строке со знаками алфавита: *Nos instrumentum dividitur per alphabetum*.

Копия хирографа, составленного в 1129 г. при капитуле соборной церкви Свв. Назария и Цельсия в Безье, содержит договор между епископом Безье Бремундом и его вассалом Петром, сеньором селения Серс (*Petrus de Circiis*), о передаче епископальной церкви и епископу двух церквей и принадлежащего им имущества в селениях Рамежан (*ecclesiam de Remigiano*, ныне *Raméjan*) и Серс (*ecclesiam de Circiis*), расположенных вблизи Безье¹⁴⁷. Первой из этих церквей Петр владел на правах феода от епископа Бремунда. Что касается второй церкви, в Серсе, то по договору Петр сохранял за собой и своими наследниками право на десятину этой церкви, обязуясь за это ежегодно выплачивать полмодия пшеницы и полмодия ячменя по текущим мерам на рынке. Со своей стороны епископ освобождает Петра, его близких и потомков от вассальной зависимости и выражает волю, чтобы его преемники делали каждый то же самое. Если же кто-либо из них не признает Петра, его близких и наследников свободным от та-

ковой зависимости, то они получают обратно переданное ими кафедральной церкви имущество.

Как и в двух предыдущих документах, в тексте рассматриваемого хирографа не содержится указаний на знаки главных действующих лиц, епископа или Петра, но мы видим здесь общий знак лиц, несомненно, представляющих капитул кафедральной церкви¹⁴⁸, и другой общий знак тех лиц, которые явно представляли сторону Петра. Приведем список лиц, к которым отнесен второй знак: *Signum Petri Berengarii de Porcairanicis, et Ermengaudi de Circiis et Guillelmi de Bizano*. Второй из этих лиц, Эрменгауд, несомненно, делил с Петром владельческие права в Серсе, и допустимо думать, что он был его родственником. Названный первым Петр Беренгарий, сеньор Портирань, был близким соседом хозяев Серс, не исключено, что под названием владения третьего лица, Гвиллельма, кроется тоже близко расположенное укрепленное селение, ныне известное как небольшой город Бессан (Bessan).

Последний документ особенно примечателен тем, что писец (и он же, вероятно, составитель документа) Стефан Сикфреди указывает, что он написал документ по просьбе Петра, сеньора Серс, выступавшего от своего имени и имени своих близких: *Pro se et suis a Petro de Circiis rogatus, Stephanus Sicfredi scripsit*. Подобные заключительные фразы мы встречаем и в ряде других документов, написанных Стефаном Сикфреди. В позднеантичных равенских папирусах подобные указания на просьбу главных действующих лиц, где тоже применялось причастие *rogatus*, мы встречаем в особых пространных заявлениях свидетелей, подписывавших документ, тогда как основные действующие лица, дееспособность которых в том или ином отношении была ограничена, лишь чертили кресты¹⁴⁹. В раннесредневековой Италии постепенно утверждается и другая важная традиция, с которой можно сблизить рассматриваемые примеры из Лангедока. На примере городов Тосканы X–XI вв. итальянский исследователь Эннио Кортезе представил выразительную картину того, как складывалось в это время устойчивое сословие ученых юристов, которые, выступая в роли составителей документов, нередко называли себя *iudex et notarius*¹⁵⁰. Стефан Сикфреди, несомненно, был тем человеком в Безье, кто умел составить самые разные документы и чей авторитет в деле письменных договоров был признан. При отсутствии – в отличие от порядков той же позднеантичной Равенны – государственных институтов, где бы реги-

стрировались частнопровольные договоры, он выступал уже не как важный свидетель договора, но и олицетворял собой своего рода общественную инстанцию. Вполне возможно, что такие «писцы» могли имитировать чужие «общие» знаки, отсюда был лишь один шаг до замены прежних подписей знаком нотариуса, как это произошло в Италии примерно в середине XII в. и несколько позднее в южнофранцузских городах. Новый институт итальянского нотариата лег там на подготовленную почву.

Отсутствие знаков главных действующих лиц можно было бы объяснить тем, что во всех трех рассмотренных примерах одной из сторон договора выступают епископы — в двух первых документах это епископ Агда Бернард Деодат (1098–1122), в третьем это епископ Безье Бремунд (1128–1152); епископы же, будучи заняты другими важными делами, обычно делегировали свое право удостоверять документы членам капитула кафедральной церкви. Активной роли действующих лиц другой стороны в удостоверении договора могло послужить препятствием то обстоятельство, что они посчитали неуместным выставлять свои имена, когда за епископа выступали его представители. Но дальнейшие примеры убеждают нас, что дело заключалось отнюдь не только в обычаях епископов Агда и Безье.

Так, копией хирографа 1140 г. соборной церкви Агда засвидетельствован договор без всякого участия епископа. По этому договору Гвирард из рода сеньоров Туруль (Guirardus de Torolla, совр. Tougoulle, примерно в 7 км к северо-западу от Агда) и его племянник или внук (перос) Бернард передают в залог половину поля (*medietas campi*), владение которым они делят с Гвиллельмом, сеньором Корнейан (*cum Guillelmo de Corneliano*), Раймунду из рода сеньоров Сериньян (*Raimundus de Sirignano*, совр. Sérignan, примерно в 10 км к юго-западу от Безье), его супруге и их детям за 20 солидов доброй монетой Безье¹⁵¹. Отданная в залог половина поля будет в пользовании Раймунда и его близких, пока они не снимут с нее три урожая. Оговаривают условия дальнейшего возможного выкупа заложенной земли за те же 20 солидов.

В конце документа мы опять-таки не находим указаний на знаки главных действующих лиц, но лишь на общий знак некоего Бернарда из рода сеньоров Совьян и родственника или соседа нашего Гвирарда, Бремунда из рода сеньоров Туруль (*Signum Bernardi de Salviano et Bermundi de Torolla*). Далее отдельно указан знак, как можно думать, важного лица, Петра Гауселини, вероят-

но, сеньора Портирань (Signum Petri Gaucelini de Porcairanegues). Закрывает этот ряд общий знак еще двух лиц. Составил и написал документ дьякон церкви в Бессан, как он сам сообщает, говоря о себе в третьем лице: Petrus levita Becianensis scripsit hanc cartam. В последней строке опубликованного текста сказано, что документ делится по линии со знаками алфавита.

В отличие от рассмотренных уже грамот документ 1146 г., дошедший до нас в копии картулярия капитула соборной церкви в Безье, содержит сделанное на основе ранее составленных документов признание трех лиц, а именно Бернарда, сеньора Кане (Bernardus de Caneto, совр. Canet, примерно в 10 км к северо-западу от Нарбонны), Петра Сигария (Petrus Sigarii) и Раймунда Гарсабальда (Raimundus Garsabaldus), того решения, которое было вынесено на основании их же мнения¹⁵² относительно спора между Петром, сеньором Пепье (Petrus de Popionis, совр. Pèrieux, примерно в 30 км к северо-западу от Нарбонны), и его сыновьями, с одной стороны, и Гвиллельмом, сеньором Лавор (Willelmi de Avaugo, совр. Lavour, немногим более 20 км к северо-востоку от Тулузы), его братьями и сестрой Эрменгардой, как и ее супругом Петром Сигарии (Petri Sigarii), — с другой¹⁵³. В грамоте подтверждается собственно часть достигнутого с помощью посредников соглашения, которое отразилось в предыдущем документе картулярия и которое в целом затрагивало раздел наследия Беренгария, сеньора Пюиссергье (Berengarii de Podio Surignano, совр. Puisserguier), и Раймунда Вассаделли (Raimundi Vassadelli)¹⁵⁴. Речь идет о той части соглашения, которая касается передачи Гвиллельму Бернарди, сеньору Лавор, и названным его родственникам зависимых людей, проживающих в Рамежане, со всем, что относится к их мансам и примыкающим к ним (менее значительным) земельным владениям, именуемым bordarias, а равно и передачи под их власть тех вассалов, чье имущество находится на участках земли, соседствующей с этими мансами, и в самих «бордари-ях» (fevales, qui rem habent in ipsis masatis et bordariis), а вместе с тем и тот манс, который находится в замке Пюиссергье (in castello de Podio Surignano), где проживает Дурант Гаскус и который подарил своей дочери в качестве наследственного имущества Раймунд Вассаделлус.

Если в предыдущем документе, содержащем общий договор между сторонами с участием тех же посредников, к которым там присоединилось еще одно лицо, Беренгарий de Capite Dolio

(com. Saint-Nazaire-de-Ladarez), содержалось указание на общий знак этих посредников, удостоверяющий документ, хотя отсутствовали знаки сторон договора, то в рассматриваемом документе полностью отсутствуют знаки, приписываемые упомянутым в основном тексте лицам. Указан общий знак четырех светских свидетелей акта признания ранее достигнутого соглашения и общий знак еще пяти других свидетелей, среди которых упомянут каноник кафедральной церкви Св. Назария Раймунд из рода сеньоров Монпаон (de Monte Raono, совр. Montrapon в департаменте Аверон). Очевидно, эти две группы свидетелей представляли обе стороны соглашения. Любопытно, однако, заявление составившего и написавшего текст документа Бернарда Сикфреди, несомненно, родственника того Стефана Сикфреди, запись которого с причастием *rogatus* привлекла наше внимание в документе 1129 г. В конце документа, применяя то же причастие *rogatus*, он объявляет, что написал документ по просьбе двух из названных посредников и по просьбе свидетелей: A Petro Sigario et Raimundo Garsabaldo et testibus rogatus Bernardus Sicfredi scripsit. В предыдущем же документе он объявлял, что написал его по просьбе самих договаривающихся сторон и одного посредника. Заключает копию хирографа запись о том, что настоящая грамота была отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита.

Хирографы с указаниями на знаки одной из сторон договора

Подобно рассмотренным пяти документам, исходя из особенностей участия разных лиц в удостоверении документа, можно выделить еще одну группу хирографов, содержащихся в копии картулярия соборного капитула Свв. Назария и Цельсия. В отличие от предыдущей группы здесь на первый план выступает указание на знак или знаки одной из сторон договора, причем, когда упоминается общий знак свидетелей, он относится к свидетелям именно той стороны, знак которой упомянут в документе. Особенно примечательно то, что выступающий в роли писца во всех трех документах знакомый уже нам Бернард Сикфреди в заключительной клаузуле всех трех документов в качестве лиц, по просьбе которых он документ написал, называет именно действующих лиц той стороны, на знаки которой указано в тексте документа.

Грамотой 1142 г. засвидетельствован договор между канониками капитула Св. Назария и Раймундом Лаурети из Вильнев (Raimundo Laureti de Villa nova, совр. Villeneuve les Béziers, ныне юго-западное предместье Безье), по которому каноники уступали последнему право на укрепление посредством различных насаждений (*complantum girarie*) прибрежной территории в Вильнев, где располагаются три мельницы, и часть доходов, поступление которых это право обеспечивало¹⁵⁵. Весь прибыток, который будут давать деревья на берегу, и тот, который будет обеспечиваться сбором древесины в воде, Раймунд должен был делить пополам с канониками. Помимо этого, Раймунд обязан был передать четверть от плодов той земли, которая будет возделываться¹⁵⁶. Со стороны капитула поименно названы восемь каноников высокого сана, здесь же упомянем лишь имена архидьякона Матфреда и ризничего Гвиллельма Люпониса¹⁵⁷, так как именно по их просьбе Бернад Сикфреда, как гласит одна из заключительных глосс, «написал» грамоту: *A Matfredo archidiacono et Guillelmo Lupone sacrista rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit*. Этой фразе предшествует указание на общий знак каноников, названных в начале грамоты, теперь, однако, без перечисления их имен, но с особым сообщением о том, что они просили свидетелей договора скрепить грамоту, к сожалению, не сказано, каким именно образом.

Первыми из свидетелей названы братья Петр и Гвиллельм, сеньоры Вильнев, и далее еще три свидетеля, из которых выделяется имя Бернарда, сеньора Сен-Пон-де-Мошьян (*Bernardus de Sancto Poncio*, ныне коммуна Saint-Pons-de-Mauchiens, примерно в 36 км к северо-востоку от Безье). В грамоте, однако, отсутствует указание даже на их общий знак. В заключение сказано, что грамота была отделена от другой (такой же) по линии, где были написаны знаки алфавита.

Раймунд Лаурети был состоятельным человеком. Права, которыми наделили его каноники, он мог отчуждать, согласно договору, в пользу других лиц, исключая рыцарей и клириков из своего рода. Похоже, что именно каноники были особенно заинтересованы в том, чтобы договор был засвидетельствован в двух экземплярах хирографа, причем для них большее значение могло иметь предупреждение возможных тяжб на прибрежной территории с богатыми и сильными соседями, нежели забота о строгом соблюдении договора Раймундом и членами его семьи.

Документом 1145 г. (21 января 1144 г. по старому стилю) засвидетельствован договор, заключенный при участии и с одобрения каноников капитула церкви Свв. Назария и Цельсия между родственниками Гвиллельмом Христофором (*Guillelmus Christoforus*) и его супругой Раймундой, с одной стороны, и племянниками Гвиллельма Христофора, братьями Понцием Андреем и Сириньяном, их супругами Марией и Эрмесиндой, детьми и потомками — с другой¹⁵⁸. Со стороны каноников названы два архидьякона, схолярх и министриал Петр Кадерия¹⁵⁹. По договору Гвиллельм Христофор и его жена передавали названным племянникам всю свою пахотную землю в Ле Тор (*Le Thor*) в округе городка *Serignan (ad Troncianum in terminio de Serignano)*, ныне Ле Тор входит в коммуну соседнего городка Совиян, расположенного к югу от Безье) в залог с правом пользования в течение 10 лет, по истечении которых супруги могли выкупить землю за ту же сумму, которую они получили от племянников Гвиллельма Христофора, а именно в 330 солидов доброй монетой Безье. Право выкупа сохраняли за собой и сеньоры этого земельного владения, каковыми были каноники кафедральной церкви Безье. В случае если монета падет в цене, Гвиллельм Христофор и его жена обещали дополнительно выплатить без какой-либо отсрочки 56 солидов чистым серебром. Племянники получали, кроме того, право отчуждать землю, но не в пользу рыцарей или клириков, при этом они должны были выплатить сеньорам полученного в залог владения так называемый форкапиум.

В конце документа указано на общий знак Гвиллельма Христофора и его жены, и среди прочего сообщается, что они попросили свидетелей договора скрепить грамоту. За знаком названных супругов следует далее общий знак пяти свидетелей, среди которых мы, однако, не видим духовных лиц, которых можно было бы надежно идентифицировать как представителей капитула. Между тем важные для нас сведения сообщает составитель грамоты и писец Бернارد Сикфреди, а именно, что он написал грамоту по просьбе Гвиллельма Христофора и Петра Цекадерия, министриала капитула: *A Guillelmo Christofore et Petro Cecaderia ministrali rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit*. Совершенно очевидно, что Гвиллельм Христофор и капитул были особенно заинтересованы в надежном документальном оформлении договора. Племянники обладали свободной суммой денег, но надо было предупредить самые неожиданные повороты в судьбе переданного им имущества.

Неслучайно один из экземпляров хирографа оказался в картулярии капитула, можно предположить, что второй экземпляр получил именно Гвиллельм Христофор, а не его племянники. Заключает грамоту стандартная фраза о том, что грамота эта была отделена от другой (такой же) по линии, где были написаны знаки алфавита.

В отличие от диалогической формы других лангедокских хирографов, документ 1146 г. составлен в первом лице от имени виконта Безье Раймунда Тренкавелли (в историографии известного как Раймон I Тренкавель)¹⁶⁰. Между тем сам виконт выступает в действительности заинтересованной стороной договора. Он передает как благочестивый дар во владение каноников церкви Свв. Назария и Цельсия городские ворота с обязанностью следить за порядком их использования, а в пору войны хранить ключ от ворот, который по личному указанию виконта получит один из каноников. Этот дар должен был обеспечить беспрепятственный вход каноников в город и их выход. Но едва ли речь шла лишь о более свободном передвижении каноников, скорее дело заключалось в освобождении их от возможных платежей при ввозе и вывозе грузов, предназначенных для капитула. Нельзя полностью исключать и того, что каноники могли получать в свою пользу и платежи от въезжающих в город. Как бы то ни было, полученная ими привилегия была столь значительна, что каноники выплатили за нее виконту 620 солидов доброй монетой Безье.

Копия документа содержит указание на общий знак матери Раймона – Сесили Прованской – и ее сына Ротгерия (старшего брата Раймона), виконта Каркассона и Альби, известного в историографии как Роже I Тренкавель (*Signum Cecilie vicescomitisse, et filii sui Rotgerii*). Следом за знаком матери и старшего сына следует указание на знак второго сына – виконта Нима Бернарда Атона V Тренкавеля, который выступает тоже в качестве дарителя своей части прав на ворота Безье: *Signum Bernardi Atonis, qui predictum donum similiter donavit, et hanc cartam firmavit*. И только потом следует указание на знак самого Раймона Тренкавеля, причем сообщается, что он попросил свидетелей скрепить грамоту своими знаками: *Signum Raimundi Trencavelli qui hanc cartam firmavit et testes eam firmare rogavit*. Список из пяти владетельных особ, выступающих в роли свидетелей, приведен после указания на общий знак названной виконтессы Сесили и ее сына Ротгерия, но

указаний на их знак в копии грамоты нет. Любопытно, что, говоря от своего имени, виконт обратился с просьбой «написать» грамоту все к тому же Бернарду Сикфреду: A Raimundo Trencavello vicesomite, rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit. Завершается копия грамоты обычной фразой о том, что грамота отделена от другой (такой же) по линии, где написаны буквы алфавита.

Распоряжение городскими укреплениями и воротами было прерогативой виконта, и, очевидно, представлять каноников как сторону договора было затруднительно. Но инициатива заключенного договора исходила, по всей видимости, от них, и им важно было иметь надежное документальное свидетельство обретенных ими прав, второй экземпляр в архиве виконта в известной мере охранял их от произвольного пересмотра полученной ими привилегии.

Хирографы с указаниями на знаки главных действующих лиц договора

Только в трех хирографах, содержащихся в копиях картуляриев соборных капитулов Безье и Агда, мы встречаем указания на знаки главных действующих лиц, представляющих обе стороны договора. Но, как увидим ниже, документ может быть составлен так, что требуется порою достаточно тонкий анализ для того, чтобы разглядеть в нем главных действующих лиц.

Хирографом 1120 г. засвидетельствован обмен владениями (*escambium*) между Райнардом Саломонис (*Rainardus Salomonis*) из рода сеньоров Бужан (*de Wojano*, ныне *Woujan-sur-Libron*, примерно в 5 км к северо-востоку от Безье), его сыном Эрменгаудом (*Ermengaudus*), их женами Арсиндис (*Arsindis*) и Нобилией (*Nobililia*) — с одной стороны, и Эрменгаудом, капелланом Нотр-Дам-де-Бадон (*Sancta Maria de Badonas*, совр. *Notre-Dame de Badones*, ныне в предместье Безье того же имени, на пути в Бессан в северо-восточном направлении) — с другой¹⁶¹. По этому договору Райнард целиком уступал названному капеллану, отказываясь даже от символической платы, означавшей некоторую зависимость от прежнего владельца, значительный участок земли, размеры которого в копии документа определены своеобразным термином *agulio*¹⁶². Взамен даруемой ему земли капеллан уступил Райнарду и его близким манс возле церкви Девы Марии, ограниченный с двух сторон феодем родственника Райнарда, Барнарда

Саламонис. В усадьбе этого манса жил сам Райнард. Кроме того, Райнард получил и другой манс со всеми относящимися к нему угодьями и ко всему еще — винный погреб напротив входа в церковь. Сам Райнард в дополнение к уступленному им имуществу даровал церкви Девы Марии и ее капеллану церковную десятину с первого из упомянутых мансов.

Грамота содержит указание на общий знак обеих сторон договора с перечислением их имен, начиная с имени капеллана Эрменгауда. Обо всех перечисленных при этом знаках сказано, что они поручили написать грамоту, скрепили ее своим знаком и просили свидетелей скрепить ее в свою очередь (*qui hanc cartam scribere mandaverunt, firmaverunt et testes firmare rogaverunt*). Затем указан общий знак шести свидетелей и приведены их имена¹⁶³, причем в начале перечня названы два важных лица: Петр, сеньор Отиньяк (*de Altiniaco*, ныне селение Autignas с сохранившимся замком, примерно в 20 км к северу от Безье), и Эрменгауд из уже знакомого нам рода сеньоров Корнейан¹⁶⁴. В конце документа составитель и писец грамоты называет себя, делая это без характерного для «писцов» из семейства Сикфреды указания на специальное обращение к нему участников договора: *Scriptum per manum Emenoni, canonici Sancte Marie*. Очевидно, для каноника церкви Девы Марии, каковым он являлся, было достаточно указания капеллана, а Райнард Саламонис с родственниками присоединился к нему. Грамота составлена от лица Райнарда Саламони, который о себе и своих родственниках говорит в настоящем времени, а о передаче имущества капелланом Эрменгаудом — в прошедшем.

Как и в копиях других хирографов Лангедока, в последней фразе сообщается, что настоящая грамота отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита: *Hec carta divisa fuit ab alia per alphabetum*.

Хирограф, составленный в 1128 г. при капитуле церкви Св. Стефана в Агде, удостоверяет соглашение (*convenientia*) между Флоренцией, ее сыном Понцием Марцелли и супругой последнего Белиссендой — с одной стороны, и канониками Св. Стефана — с другой¹⁶⁵. Соглашение это выглядит в грамоте, однако, как одностороннее обязательство Флоренции и ее родственников перед капитулом. На деле речь шла, несомненно, о вступлении названных в права владения феодем (*honor, allodium*) в Пине и его округе (*in Pineto et in ejus terminio*, ныне Pinet, примерно в 13 км к северо-востоку от Агда), который они получили по наследству и кото-

рый, как и их предшественники, они должны были держать от капитула на строго определенных условиях. Собственно соблюдение одного важнейшего условия и было закреплено в этом хирографе: названные лица обязались не отчуждать феода в пользу никого иного, кроме каноников Св. Стефана, причем за ту же сумму, которую пожелали бы заплатить им другие люди: *propter illud pretium quod alii homines nobis dare voluerint*.

В конце копии этого документа содержится указание на общий знак Флоренции, Понция и Белиссенды, причем их имена даны в именительном падеже: *Signum Florentia, et filius ejus Pontius Marcelli et uxor ejus Belissendis*. Документ составлен от имени этих лиц в настоящем времени, но после указания на их знак о них сообщается уже в третьем лице, что они скрепили грамоту (своим знаком) и попросили свидетелей, в свою очередь, скрепить ее (соответствующим образом): *hanc cartam firmaverunt, et testes firmare rogaverunt*. Вслед за этим идут указания, можно сказать, на целый ряд подписей клириков, где за буквой S с точкой следует всякий раз имя опять-таки в именительном падеже¹⁶⁶. Такое сокращение нам больше не встречалось в хирографах Лангедока. Применение именительного падежа, тоже достаточно редкое, вызывает вопрос, а не ориентировался ли здесь составитель документа на какой-то старый образец, где содержались настоящие подписи, так что и за S с точкой скрывался глагол *subscripsi* или *subscripsit*? Как показывает рассмотренный в начале нашего обзора хирографов Лангедока и Руссильона пример грамоты 1075 г. из аббатства Сен-Мартен-дю-Канигу, применение глагола *subscripsi* или *subscripsit* в качестве прямого указания на подпись в настоящем ее смысле оставалось употребительным по крайней мере в одной из сравнительно недалеких в отношении описываемых мест областей Южной Франции.

Первым в ряду названных знаков стоит знак ризничего капитула Св. Стефана Раймунда, среди дальнейших шести мы встречаем знак Бернарда, капеллана церкви в Пине, и Петра, капеллана церкви в Папиран (*Petrus capellanus Pabirani*), в Новое время известной как Сен-Пьер-де-Папиран (*Saint-Pierre-de-Papiran*, ныне на территории коммуны Монблан, примерно в 14 км к северо-западу от Агда). Составитель и писец грамоты называет лишь свое имя: *Guillelmus scripsit*. Завершается переданный в копии текст грамоты фразой о том, что документ этот теперь делится (надвое) по линии со знаками алфавита.

Хирограф 1145 г. из копии картулярия соборной церкви Безье начинается с сообщения о продаже Раймундом из Абельян (Raimundus de Abeliano, совр. Abeilhan, примерно в 15 км к северо-западу от Безье) и его женой Бернадой феода Сен-Мишель (fevum Sancti Michaelis, ныне Saint-Michel d'Alajou, небольшое селение с руинами замка примерно в 79 км к северо-северо-востоку от Безье), который он и его супруга Бернарда держали от главного кантора капитула Св. Назария (de presentore Sancti Nazarii)¹⁶⁷. Вырученные за продажу деньги пошли на выкуп мельниц на р. Орб, заложенных ранее Беренгарию из Безье за внушительную сумму в 1,5 тыс. солидов. Документ, однако, удостоверяет не эту продажу, а договор между Раймундом и его женой, как и ее родственниками в отношении вдовьей доли (sponsalium), которая входила в проданный феодал. Раймунд передает своей супруге в обмен части проданного имущества, составлявшей ее вдовью долю, и в качестве компенсации за нее (per escambium et per emendamentum) все то, что он сам или зависимые от него владельцы имеют на территории Абельян: totum quantum habeo et habere debeo in Abeliano et in totis ejus terminis, et homo vel femina per me. В свою очередь Бернарда объявляет, что в соответствии с мнением и волей (consilio et voluntate) своих братьев, Гвиллельма, сеньора Корнейан, и Понция (братья могли не только выступать защитниками интересов своей сестры, но при определенных обстоятельствах и наследовать имущество, составлявшее вдовью долю)¹⁶⁸ принимает новые владения и считает себя удовлетворенной (в своих имущественных интересах).

Копия хирографа содержит указание на общий знак договаривающихся сторон, т.е. Раймунда, его супруги Бернарды и двух ее братьев — Гвиллельма, сеньора Корнейан, и Понция: Signum Raimundi de Abeliano, et uxoris sue Bernarde, et Guillelmi de Corneliano, et Poncii fratris sui. За словами о том, что названные лица попросили свидетелей, в свою очередь, скрепить грамоту своим знаком (testes firmare eam rogaverunt), следует указание на общий знак свидетелей¹⁶⁹. Первыми среди 13 свидетелей названы каноники, занимавшие высшее положение в капитуле кафедральной церкви Безье: архидьякон и ризничий. Следом упомянут Раймунд из рода сеньоров Монпаон (de Monte Pahono, совр. Montpaon, примерно в 83 км к северу от Безье), который, судя по другому документу из того же картулярия, был заметной фигурой в капитуле¹⁷⁰, и будет нелишним заметить, что владения

его рода находились вблизи отчуждаемого Раймундом феода. В списке свидетелей под тем же знаком можно выделить еще двух лиц знатного происхождения: Петра Раймунда из рода сеньоров Морейан (de Maureliano, совр. Maureilhan) и Петра из рода сеньоров Леспиньян (de Laspiniano, совр. Lespignan). Их родовые владения соседствовали с теми, которыми Раймунд наделил свою жену на правах вдовьей доли.

Составителем и писцом грамоты, как и других грамот этого времени из картулярия Безье, выступает знакомый нам Бернард Сикфреды. Как обычно, он оформил текст договора в виде диалога договаривающихся сторон. Самое любопытное заключается в том, кого он указывает в качестве лиц, по чьей просьбе грамота была написана: A Bernardo de Obeliano (sic!) et predicta Bernarda et fratribus suis Guillelmo de Corneliano et Poncio et omnibus testibus rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit. Первым назван отнюдь не Раймунд, а, по-видимому, его родственник Бернард, сеньор Абельян. Очевидно, для него было важно оградить свои владения от возможных притязаний новых соседей-владельцев в лице жены Раймунда и ее родственников. Мы вправе предположить, что именно он получил один из экземпляров хирографа. Следом за ним Бернард Сикфреды называет Бернарду и ее братьев, а далее вообще свидетелей. Можно думать, что второй экземпляр хирографа получили каноники капитула церкви Св. Назария, ведь главный кантор капитула оставался сеньором отчуждаемого его вассалом феода. Каноники с помощью свидетелей закрепляли, таким образом, не только сеньориальные права одного из своих братьев в отношении отчуждаемого феода, но при случае могли защитить и права Бернарды и ее родственников.

Копия грамоты заканчивается обычной для названного составителя и писца фразой: «Эта грамота была отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита» (Hec carta divisa fuit ab alia per alphabetum).

Хирографы из Лангедока без указаний на знаки

Только два из 13 лангедокских хирографов первой половины XII в. не содержат указания на собственноручный знак. Первый по времени документ, составленный в 1109 г., дошел в составе копии картулярия соборной церкви Св. Стефана в Агде и удостоверяет договор между Рикардой, действующей с одобрения своего

супруга Петра Гарнерия, и Гвиллельмом из рода сеньоров Фабриколь (de Fabricolis, ныне это селение утратило самостоятельное существование и вошло в состав городка Марсейан, Marseillan, примерно в 7,5 км к северо-востоку от Агда¹⁷¹), капелланом церкви Св. Михаила и Св. Петра¹⁷². Рикарда пожаловала Гвиллельму в качестве феода усадьбу в селении Фабриколь, граничащую с одной из сторон с феодем Раймунда, сеньора Фабриколь. Со своей стороны Гвиллельм за это немаловажное пожалование (речь шла о приморском поселении кузнецов и других ремесленников) заплатил Рикарде, а вместе с ней ее супругу и ее детям как сеньорам этого владения 20 солидов монетой Безье в качестве так называемого рельефа, выплачиваемого вассалом при вступлении во владение феодем (de aсapto), и обязался за себя и своих приемников выплачивать ежегодно Рикарде, ее близким, наследникам и доверенным лицам в качестве установленного обычая платежа или ценса 16 денье ходячей монетой Безье.

В документе, составленном в первом лице от имени Рикарды, представлены лишь пять свидетелей совершившегося пожалования феода, причем в начале их перечня названы пресвитер Петр Доминик, вероятно, служивший в церкви Свв. Михаила и Петра, и пресвитер Гвиллельм из рода сеньоров Фенуйе (de Fenoletto, ср. совр. Fenouillet, в 36 км к западу от Безье, где есть остатки замка). Писец и он же, несомненно, составитель грамоты, сообщает, что написал грамоту по просьбе Рикарды и ее супруга: *A Ricarda rogatus et a Petro Garnerii, Bartholomeus scripsit*. Нам остается думать, что Рикарда и ее супруг, сумевшие собрать лишь относительно скромный круг свидетелей, решили предупредить возможное ущемление своих прав со стороны влиятельного представителя рода сеньоров Фабриколь, заказав второй экземпляр грамоты, но не решились просить Гвиллельма скрепить ее собственноручным знаком.

Текст грамоты в копии картулярия завершается характерной именно для хирографов из названного картулярия фразой о том, что документ делится надвое по линии со знаками алфавита: *Nos instrumentum dividitur per alphabetum*.

Второй хирограф, не содержащий указаний на собственноручные знаки, связан своим происхождением и содержанием с соборной церковью Безье. Он составлен в 1148 г. от имени Раймунда Руфа (?), сеньора Мурез (de Mouradino, совр. Mourèze, примерно в 46 км к северо-востоку от Безье) и его братьев, Петра и Ар-

нальда¹⁷³. Содержание грамоты определено, однако, как решение спора на основе обоюдного согласия, где второй стороной выступает архидьякон церкви Безье Уго и другие каноники этой церкви, причем выражение воли Раймунда и названных братьев было скреплено наложением руки Бремунда, епископа Безье. Согласно договору Раймунд и его братья отказываются в пользу церкви и каноников от всего, что они «справедливо или несправедливо» имели от десятины, взимаемой с церкви в соседнем селении Вильнев (примерно в 5 км к востоку), а именно от трети этой десятины, как и от всех возможных притязаний на нее. В свою очередь каноники должны были выделять ежегодно из названной десятины Раймунду в течение его жизни 10 сетье пшеницы (*melioris bladi*) и шесть сетье ячменя. После смерти Раймунда каноники могут владеть десятиной без каких-либо обременений (*sine omni onere*).

В наши дни над деревней Мурез можно видеть импозантные руины замка. В отличие от действующих лиц двух предыдущих грамот, от имени которых они составлены, Раймунд и его братья были, несомненно, представителями видного семейства. Никак не менее высокий статус имели и свидетели, выступающие в рассматриваемой грамоте, названные в начале перечня Бернард и Петр Раймунд из рода сеньоров Казуль (*de Casulis*, совр. *Cazouls-les-Béziers*, примерно в 5 км к северо-западу от Безье, сохранился замок), таков и Раймунд, сеньор Морейан (*de Maureliano*, совр. *Maureilhan*), владения которого раскинулись к югу от владений двух первых свидетелей. Не менее высокий статус имел и балъи Безье Раймунд Якоби, имя которого замыкает перечень.

Тем не менее в документе ничего не сказано об их знаке. Возможно, писца и составителя и на этот раз смутило прямое участие в договоре более высокого по положению лица, каким был епископ Безье, а у самих епископов в Лангедоке, как мы уже знаем, не было в обычае оставлять собственный знак в документах, удостоверяющих имущественные договоры с частными лицами.

Как указано в конце хирографа, грамоту написал некий Григорий по распоряжению Раймунда, сеньора Мурез, и его братьев. Очевидно, Раймунд желал обеспечить себе беспрепятственное поступление означенной выше ренты вне зависимости от смены церковного начальства: *A Raimundo Rufo (?) predicto atque a fratribus ejus Petro et Arnaldo jussus, Gregorius scripsit hanc cartam*. Завершается текст грамоты обязательным для хирографов Лангедока указанием на то, что настоящая грамота была отделена от

другой (такой же) по линии со знаками алфавита: *Nec carta fuit divisa ab alia per alphabetum.*

В документах Лангедока фигура составителя документа постепенно выходит на первый план, можно сказать, что действующие лица договора как будто делегируют ему свои права в деле придания письменному документу доказательной силы. Подобная практика вплотную подводит нас к вопросу о возникновении южнофранцузского нотариата — теме, которая достойна отдельного обстоятельного исследования.

Общие результаты сопоставления хирографов из Пуату и Сентонжа, с одной стороны, и Лангедока и Руссильона — с другой

Сокращение числа хирографов с указаниями на подписи и знаки

Среди южнофранцузских документов XI–XII вв., которые относятся к двум рассматриваемым нами регионам — Пуату и Сентонжу, с одной стороны, и Лангедоку и Руссильону — с другой, нам удалось обнаружить 78 хирографов. Из этого числа указания на подписи и знаки, выполненные тем или иным способом, имеют 44 (56,41%). При этом если в XI в. и первой половине XII в. большинство хирографов (75%) было отмечено указанием на приложение руки действующих лиц, поручителей и свидетелей, а его отсутствие в каждом конкретном случае можно объяснить особыми обстоятельствами, то во второй половине XII столетия даже указание на знак или подпись, а тем более наличие реального знака или подписи вообще перестали быть характерной чертой этого типа документа, отличавшегося теперь лишь тем, что он выполнялся в двух экземплярах на одном листе пергамента, который затем разрезался по линии с определенной надписью.

Из 20 хирографов, которые относятся к XI в., 15 имеют указания на подписи или знаки, что составляет упомянутые 75%. При этом из 13 аквитанских хирографов девять (ок. 70%) снабжены собственно подписями или указаниями на знаки креста, выполненными в форме буквы S с точкой, за которой следует имя в родительном падеже (к этим примерам мы относим и один случай, когда хирограф был снабжен знаком креста на полях и соответ-

ствующим указанием в основном тексте). При этом три аквитанских документа указанного периода, дошедшие до нас только в виде копий, не позволяют однозначно судить о том, были ли они скреплены указанием на подпись или знак или же нет. Из семи хирографов XI в., относящихся к Лангедоку и Руссильону, знаками или указанием на знаки снабжены шесть, что составляет 85,71%.

К первой половине XII в. относятся 28 хирографов, из которых 21 скреплен подписями, знаками или указаниями на них, что составляет те же 75%. Правда, лишь семь из 12 хирографов из области Пуату, а именно 58,33%, снабжены подписями или указаниями на знаки (включая знаки креста на полях грамоты, из которых лишь один не сопровождается соответствующим указанием в тексте). Что касается Лангедока, то здесь указания на знаки содержат 14 хирографов из 16, т.е. около 87,5% (что даже несколько больше, чем в предыдущем столетии). Ко второй половине XII в. относятся 30 хирографов, из которых только восемь с указанием на собственноручное скрепление грамоты или подписью составителя, что составляет 26,67%. Таким образом, хотя во второй половине XII в. мы наблюдаем возрастание общего количества хирографов, процент документов с указанием на приложение руки действующими лицами и поручителями существенно уменьшился: из 24 хирографов Пуату такими указаниями снабжены лишь шесть (25%), а из шести хирографов Лангедока — два (33,33%).

Основные различия в применении термина *chirographum* и в форме хирографов

Слово *chirographum* в разных формах в хирографах Пуату и Сентонжа — либо в основном тексте, либо в надписи по линии разреза — мы встречаем пять раз. Напротив, в хирографах Лангедока и Руссильона это понятие почти не встречается, единственное исключение здесь представляет грамота 1096 г. Возможно, несмотря на заимствование простой удобной формы письменного удостоверения правового акта, в этом регионе, связанном морской торговлей с греческим миром и вообще лучше сохранившем античные традиции письменного документа, термин в том его средневековом значении, которое он получил у англосаксов, воспринимался более критично.

Существенное различие заключается и в тех знаках или, условно говоря, подписях, которые мы встречаем в хирографах двух рассматриваемых в главе регионов. В Пуату и Сентонже знак, обозначаемый лишь начальной буквой слова *signum*, в своей функции не различался с кратким обозначением подписи, которая в частноправовых документах стала фиктивной. В тех случаях, когда дело касалось действующих лиц договора, поручителей и свидетелей, в Лангедоке и Руссильоне подпись во всех ее формах была сознательно и довольно последовательно замечена знаком в виде креста со штрихами на полях между стержнем и перекладиной. Такой знак мог быть как индивидуальным, так и общим для нескольких лиц. Приложение руки в виде единичного штриха на одном из полей этого знака оставалось живой традицией.

В хирографах, происходящих из Пуату и Сентонжа, указание на писца, написавшего текст грамоты, встретилось нам лишь однажды. В хирографах Лангедока и Руссильона писцы выступают в гораздо более важной роли. Даже рассмотренные нами 23 примера позволяют сделать вывод о существовании целых семей признанных местным обществом писцов-профессионалов, таких как представители семейства Сикфреди — Стефан и Бернارد, составившие ряд хирографов Безье. В хирографе 1023 г. писец начертил от себя пентаграмму. В двух других мы встречаем знаки (рюши или концентрические восьмерки), которые так или иначе восходят к слову подписи *subsripsi*.

Рассмотренные особенности позволяют лучше понять ту легкость, с которой Лангедок перенял оформившийся в XII в. итальянский институт нотариата с его исключительным правом удостоверять договоры частных лиц, которое получало зримое выражение в личном знаке нотариуса и в принадлежавшей ему книге имбревиатур, куда нотариус вписывал протокол каждого удостоверяемого им договора. В какой-то степени основу для него составили, в частности, настоящие династии писцов, сведущих в составлении документов различных типов. Не менее важно и то, что писцы Лангедока, в отличие от своих собратьев из Пуату и Сентонжа, считали возможным не только заявлять о себе в тексте документа, но и оставлять свою подпись или знак, выполняя к тому же за других участников договора основную часть элементов общего знака.

Отметим, кроме того, что знаки свидетелей договоров в рассматриваемый период еще не потеряли своего значения, они, как

правило, упоминаются составителем. Однако знаки главных действующих лиц документов порою отсутствуют вообще, в других случаях упоминаются знаки одной стороны договора и ее свидетели, и лишь в трех документах названы знаки обеих сторон договора.

Суммируя все изложенное, можно утверждать, что взгляд на новый тип документа в двух рассматриваемых нами регионах существенно различался. В Пуату и Сентонже следы северного влияния оказываются более существенными, причем здесь и монастыри при заключении соглашений между собой не чуждаются хирографа в его типичной средневековой форме. Между тем в Лангедоке и Руссильоне мы наблюдаем более осторожное обращение с самим термином *chirographum* в его новом значении. Однако здесь отчетливее выступает и заинтересованность мирян в соответствующей форме письменного удостоверения договоров.

***О различии в социальной функции хирографов XI–XII вв.
в рассматриваемых исторических областях Франции***

Хирографы двух регионов позволяют отметить и одно существенное различие в том, что касается общественной среды, где этот тип документов имел хождение. Немалое значение имело то обстоятельство, что в Лангедоке и Руссильоне письменный документ в деле оформления частноправовых договоров был востребован в более широкой общественной среде. В то же время, в отличие от Пуату и Сентонжа, духовные учреждения здесь твердо хранили старые традиции письменного удостоверения правовых актов и не спешили перенимать нововведения, так что их участие в договорах, оформленных в виде хирографов, оказывается не столь значительным. Так, среди рассмотренных нами 23 документов Лангедока и Руссильона (как оригиналов, так и документов, содержащихся в копиях картуляриев капитулов соборных церквей Безье и Агда и в «Картулярии Руссильона») нет ни одного, который бы удостоверял соглашение между духовными учреждениями. В 16 случаях договор был заключен между мирянами, с одной стороны, и аббатом, канониками либо епископом – с другой, а семью документами засвидетельствованы договоры между мирянами (к этим семи мы относим и хирограф, где одну из сторон представлял выступавший от своего лица капеллан).

Напротив, среди примерно такого же числа хирографов Пуату и Сентонжа мы встречаем семь документов, которыми удостоверяются договоры между духовными учреждениями. Правда, и здесь большая часть документов, а именно 16 из общего числа 24, служит удостоверению договоров между мирянами, с одной стороны, и духовными учреждениями — с другой, но только в одном случае стороны договора были представлены рыцарем и, по-видимому, действующим самостоятельно каноником, при этом сам документ составлен около 1150 г. и, таким образом, по хронологическим причинам попадает в сферу нашего внимания с определенными оговорками.

Показателен и сам статус мирян, которых мы встречаем в хирографах Лангедока. Знатные сеньоры являются одной из сторон договора в трех из семи оригиналов: граф де Фуа (хирограф 1034 г.), виконтесса Нима (хирограф 1096 г.) и виконт Нарбонны (хирограф 1114 г.). Прибавим к этому и грамоту 1146 г. из копии картулярия соборной церкви Безье, в которой одной из сторон выступает виконт Безье. К сожалению, установить точное положение, которое то или иное лицо занимало в социальной иерархии, не всегда представляется возможным, но как минимум еще в пяти случаях мы видим сеньора того или иного места. В двух случаях речь идет о передаче прав на феодал (хирограф 1128 г. из Агда и 1145 г. из Безье), а две дамы из документа 1117 г., дошедшего до нас в копии картулярия соборной церкви Агда, с большой долей вероятности могли быть наследницами некоего сеньора.

Скорее всего, желание мирян обладать собственным экземпляром письменного документа было обусловлено процессом формирования сеньориальных архивов, прямых указаний на которые, однако, в рассмотренных нами грамотах мы не обнаружили. Тем не менее это предположение подкрепляется и тем обстоятельством, что в отличие от хирографов Пуату и Сентонжа (напомним, что в ранних их примерах одной из сторон тоже выступают знатные сеньоры) в хирографах Лангедока и Руссильона часто сообщается, по чьей просьбе были составлены хирографы. В той или иной форме эта информация содержится в 13 грамотах из 23. В вопросе о формировании сеньориальных архивов особый интерес представляют те 16 примеров, в которых одна из сторон была представлена мирянами, а вторая — духовным учреждением. Интересующие нас указания содержат восемь хи-

рографов. Оставив в стороне самый ранний пример (документ составлен после 1061 г.), из которого мы узнаем только то, что каноники сами составили грамоту, обратим внимание на семь оставшихся примеров. Из них только в одном случае инициатива оформления письменного документа исходила от каноников, а в другом документ был составлен по распоряжению архиепископа, в оставшихся же пяти особо отмечалось желание мирян иметь собственный экземпляр письменного документа. Примечательны и те термины, которые обозначают это желание: в четырех случаях рядом с именем составителя грамоты мы встречаем характерное причастие *rogatus*, а в пятом, хронологически последнем (хирограф 1148 г.) – *jussus*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим наиболее важные результаты настоящего исследования. В главах, посвященных конкретным явлениям в истории частноправового документа рассматриваемого периода, мы представили промежуточные выводы по каждому избранному аспекту. Не повторяя все уже отмеченные в главах результаты, выделим здесь наиболее существенные общие результаты нашего исследования.

Восходящие к античности представления о важности составления письменного документа в деле оформления и удостоверения правового акта, которые мы находим в преамбулах юридического характера, в областях, составивших позднее территорию Франции, были творчески переосмыслены и применены к иным видам документов. Так, формула, согласно которой принятый в вынужденных обстоятельствах порядок уступки имущества мог быть удостоверен внесением документа в публичные акты муниципия, либо составлением грамоты частным образом или просто призыванием свидетелей, в раннесредневековых грамотах становится обоснованием необходимости составления письменного документа вообще вне зависимости от обстоятельств. Другая формула, согласно которой дарение между супругами должно быть оформлено письменным документом, стала применяться для регулирования имущественных отношений между монастырями.

По способу их верификации документы рассматриваемого периода в областях к югу от Луары могут быть охарактеризованы как документы переходного характера. Подпись, столь характерная для позднеантичных документов, свидетелей развитой пись-

менной культуры, к X в. почти полностью уступила место знаку. Причем, отвечая реальному положению дел, в средиземноморских Лангедоке и Руссильоне с их более высокой правовой культурой это было сделано более последовательно, чем в Пуату и Сентонже. Подпись, теперь формализованная, или особый личный знак остались принадлежностью специально уполномоченных лиц. Вместе с тем реальное приложение руки важнейших участников договора к документу, как и его отметка в той или иной форме, сохраняли свое значение, и можно наблюдать лишь постепенное угасание соответствующих традиций к середине XII в., и еще более во второй половине этого столетия.

В Пуату и Сентонже вместо знаков в конце текста грамоты участники договора в рассматриваемый период чертили кресты у края грамоты независимо от момента написания текста. В Лангедоке и Руссильоне один из участников договора оставлял короткий штрих на одном из полей между стержнем и перекладиной креста, который чертился рукой писца и служил общим знаком для нескольких лиц. Но в обоих рассматриваемых в настоящем исследовании регионах можно видеть, как следы реального приложения руки участников договора постепенно становятся все более редкими. В то же время в Лангедоке все свое значение сохранили знак или условная подпись писца, а фигура определенных писцов выдвинулась как обладающая общественным признанием. Таким образом, средиземноморская часть Франции очень близко подошла к заимствованию форм документов, которые в то время начали утверждаться в североитальянских городах. В орбите средиземноморских земель оказался в конце концов и регион Пуату-Сентонжа, но последний испытал и влияние практики составления документов от имени церковного судьи, сложившейся в XII в. на севере Франции и отличавшейся применением печати.

В X–XII вв. институты церкви сохраняли на юге Франции, как и в Северной Франции, известную монополию на письменное оформление частноправовых актов. Однако, если примерно до середины XI в. они в основном следовали сложившейся ранее традиции, то с этого столетия даже в традиционные формы документов начинают проникать обычаи рыцарства, формировавшегося именно в тот период как общественная сила. В Пуату и Сентонже передача самого материального носителя текста — листа пергамента — и возложение его на алтарь осмысливается теперь как символическая передача имущественных прав.

Изменения в деле документального удостоверения правовых актов, привнесенные рыцарством, ярче всего выражаются в широком применении ряда символических предметов. В Пуату и Сентонже номенклатура подобных предметов была достаточно многообразна, но все предметы-символы можно разделить на две основные группы в зависимости от того, для передачи прав какого характера их обычно применяли. В то время как одни предметы (полоска кожи, палочка, ветвь, тростинка) носили универсальный характер, ряд других (посох, нож, книга) встречается главным образом в тех грамотах, где речь идет о передаче прав церковного характера. Выбор того или иного символа мог быть обусловлен традицией конкретного культурного центра, но в некоторых случаях он определялся материальными свойствами самого отчуждаемого имущества. Напротив, в Лангедоке отмечается применение только одного предмета-символа и только в отношении отчуждаемых прав чисто феодального свойства, когда в знак их отчуждения бывший владелец отбрасывал от себя символ-камешек.

Прямые указания на конкретные свойства отдельных предметов с целью их последующей идентификации, как и сообщения о том, что символические предметы были вшиты в лист пергамента с текстом грамоты, свидетельствуют о том, что соответствующие предметы были значимы не только в деле символического оформления правового акта, но наряду с самой грамотой хранили память о нем.

В начале XI в. в рассматриваемых регионах Франции впервые появляется новый средневековый тип документа, получивший в силу особых условий первого его применения греческое название «хирограф». Этот тип отличало то, что его текст писался в двух экземплярах (первоначально один на латинском, а другой на англосаксонском языке) на одном листе пергамента; между экземплярами текста вносилась отдельная запись, и они по ней затем разделялись, так что каждая сторона получала свой экземпляр. С греческим хирографом у документов этого типа было лишь то общее, что первоначально один экземпляр особо важных грамот скреплялся собственноручными подписями или знаками высокопоставленных служителей церкви. Простота и надежность, с какими могла быть подтверждена подлинность документа, когда складывались вместе два его экземпляра, способствовали тому широкому распространению хирографа, какое мы наблюдаем

уже к середине XI в., но анализ конкретных примеров позволил увидеть и особую заинтересованность рыцарства, поднимавшегося тогда в своем общественном значении, в придании письменному документу именно этой новой формы. В хирографах Лангедока и Руссильона эта роль рыцарства выступает особенно отчетливо.

Сопоставительный анализ форм документов и их социальной обусловленности в двух значительных регионах Франции к югу от Луары, Пуату с Сентонжем и Лангедока с Руссильоном, позволил установить отличительные особенности форм документов в каждом из них и особые пути их эволюции. Этот опыт может быть использован в новых сравнительных исследованиях в области дипломатики, истории права и истории письменной культуры.

Выдвинутый в настоящем исследовании подход к изучению форм частноправовых актов показал свою плодотворность и в освещении важных аспектов социальной истории Европы в X–XII вв. Заслуживает особого внимания значительное число лангедокских документов в форме хирографа, которыми удостоверялись договоры между мирянами из фамилий баронского достоинства. Еще большее число лангедокских грамот составлено по желанию таких мирян. Это может служить важным свидетельством начала формирования частных архивов в Лангедоке, начиная с рубежа XI–XII столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925.

² Ibid. P. 591–611.

³ Ibid. P. 836.

⁴ Ibid. P. 837–841.

⁵ *Dumas A.* Étude sur le classement des formes des actes // Le Moyen Age. Paris, 1933. T. 43. P. 81–97, 145–182, 251–264; *Idem.* Étude sur le classement des formes des actes // Le Moyen Age. Paris, 1934. T. 44. P. 17–41.

⁶ *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. II: L'acte privé. Paris, 1948.

⁷ Ibid. P. 81–84.

⁸ Ibid. P. 101–102.

⁹ *Lemarignier J.-F. A. de Boüard.* Manuel de diplomatique française et pontificale. II. L'acte privé. Paris, 1948 // Bibliothèque de l'école des chartes. 1950. T. 108. P. 132–139; cf.: P. 133–135.

¹⁰ *Boüard A. de.* L'acte privé. P. 96–104.

¹¹ Ibid. P. 101–102.

¹² Ibid. P. 104–106; cf.: P. 64–66.

¹³ Ibid. P. 112.

¹⁴ Ibid. P. 114.

¹⁵ Ibid. P. 84–85.

¹⁶ Ibid. P. 227–292.

¹⁷ Ibid. P. 153–181; 183–225.

¹⁸ *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés dans la France médiévale // Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV. Valencia, 1989. T. 2. P. 701–772.

¹⁹ Ibid. P. 710–712.

²⁰ *Diplomatique médiévale* / Ed. O. Guyotjeannin, J. Pucke, B.-M. Tock. Turnhout, 2006.

²¹ *Ibid.* P. 184–187.

²² *Tock B.-M.* L'acte privé en France, VIIe – première moitié du Xe siècle // *Les transferts patrimoniaux en Europe occidentale, VIIIe – IXe siècles, I*, [actes de la table ronde de Rome, 6, 7 et 8 mai 1999] (= *Mélanges de l'École française de Rome, Moyen Âge*. 1999. T. 111. N 2). P. 499–537.

²³ *Ibid.* P. 506.

²⁴ *Ibid.* P. 520–533.

²⁵ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France (VIIe – début du XIIe siècle). Turnhout, 2005.

²⁶ *Ibid.* P. 279.

²⁷ *Ibid.* P. 19: Le Poitou est servi par l'exceptionnelle continuité de sa diplomatique, due à l'excellente conservation de plusieurs fonds d'archives. (...) Le maigre score de l'Aquitaine, de l'Auvergne, du Limousin, est dû à la faible implantation monastique. Une région, plus que d'autres, est victime de l'injustice des hasards de la conservation des textes: la région Rhône-Alpes, dont presque tous les originaux sont en fait des actes entre particuliers conservés dans le fonds de Cluny, alors qu'ont disparu, entre autres, les originaux des archevêchés de Lyon et de Vienne, de l'évêché de Grenoble.

²⁸ *Stouff L.* Étude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Ve au XIIe siècle // *Nouvelle revue historique du droit français et étranger*. Paris, 1887. A. 11. P. 249–287.

²⁹ *Flach J.* Le droit romain dans les chartes du IXe au XIe siècle en France // *Mélanges Fitting*. Montpellier, 1907. T. 1. P. 383–421.

³⁰ *Prell J.H.* Les souscriptions des chartes des comtes de Poitiers, ducs d'Aquitaine (1030–1137) // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1997. T. 155. Livraison. 1. P. 207–219.

³¹ *Belmon J.* «In conscribendis donationibus hic ordo servandus est...»: l'écriture des actes de la pratique en Languedoc et en Toulousain (IXe–Xe siècle) // *Auctor et auctoritas: invention et conformisme dans l'écriture médiévale: actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999* / Réunis sous la direction de Michel Zimmermann. Paris, 2001. P. 283–320.

³² *Ibid.* P. 291.

³³ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 568–570; 656.

³⁴ *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique. P. 106.

³⁵ *Ibid.* P. 111–112.

³⁶ *Ibid.* P. 114.

³⁷ *Higounet-Nadal A.* La pratique des courroies nouées aux XIe et XIIe siècles d'après le grand cartulaire de la Sauve Majeure // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 2000. T. 158. Livr. 1. P. 273–282.

³⁸ *Raymond P.* Confirmation d'actes par des nœuds faits à des courroies // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1872. Т. XXXIII. P. 283–285.

³⁹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 510–513; *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters. München, Berlin, 1911. S. 97–101; *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. 667–677.

⁴⁰ *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Stuttgart, 1966. Bd. 1. S. 118–122.

⁴¹ *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde im Mittelalter // Archivalische Zeitschrift. Köln, 1979. Bd. 75. S. 233–249.

⁴² *Parisse M.* Remarques sur les chirographes et les chartes-parties antérieurs à 1120 et conservés en France // Archiv für Diplomatik. Schriftgeschichte Siegel- und Wappenkunde. Köln; Wien, 1986. Bd. 32. S. 546–567.

⁴³ *Lowe K.A.* Lay Literacy in Anglo-Saxon England and the Development of the Chirograph // Anglo-Saxon Manuscripts and their Heritage / Ed. P. Pulsiano, E. M. Trehanne. Aldershot, 1998. P. 161–203.

⁴⁴ *Габдрахманов П.Ш.* Что за оказия? Казус средневекового хирографа из архива аббатства Святого Петра в Генте // Средние века. 2007. Вып. 68 (2). С. 143–161; *Он же.* Странный средневековый свиток. Загадки описания алтарных трибутариев в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. Кн. I. М., 2012; *Он же.* Приоткрытый средневековый кодекс. Загадки описания алтарных трибутариев в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. Кн. II. М., 2016.

⁴⁵ *Jacob R.* Du chirographe à l'acte notarié: l'instrument de la paix privée dans les villes du Nord, du 13ème au 16ème siècle // Le Gnomon. Revue internationale d'histoire du notariat. 1994. № 95–96. P. 17–30; *Chassel J.-L.* Chirographes, sceaux et notaires. Remarques sur l'usage des formes mixtes dans les actes des XIIe et XIIIe siècles // Marques d'authenticité et sigillographie. Recueil d'articles publiés en hommage à René Laurent / Ed. C. de Moreau de Gerbey, A. Vanrie. Bruxelles, 2006. P. 59–66; *Сухино-Хоменко Д.В., Гимон Т.В.* Государи и грамоты: введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии // Graphosphaera. Письмо и письменные практики / Writing and Written Practices. 2002. Т. 2. № 1. С. 25–174. Рассматриваемые в нашем исследовании специальные темы, если не считать отдельных наблюдений относительно известного равноправия сторон, как и заметного участия светской аристократии в договорах, оформлявшихся с помощью хирографов, оказались незатронутыми и в новейшем коллективном труде, посвященном специально хирографам: *Une mémoire partagée: recherches sur les chirographes en milieu ecclésiastique (France et Lotharingie, X^e – mi XIIIe siècle) / Ed. L. Morelle, Ch. Senséby. Genève, 2019.*

⁴⁶ *Чиркова А.В.* Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб., 2019. Ср. с. 33–34, 47–50.

⁴⁷ *Мажуга В.И.* Грамоты аббатства Фонтевро в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1978. Т. 9. С. 311–312; *Он же.* Грамоты XIII в. монастыря Бельруа (Архив ЛОИИ СССР АН СССР) // *Средние века.* 1980. Вып. 43. С. 235, 240; *Он же.* Грамоты цистерцианских аббатств Бургундии и Франш-Конте (1203–1290) // *Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР.* Л., 1982. С. 64–65; *Чиркова А.В.* Грамоты XIII в. приората Сент-Фуа в Куломье из собрания Санкт-Петербургского института истории РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2002. № 28. С. 104–106 (полный текст на с. 93–112).

⁴⁸ *Касатов А.А., Комарова Е.А.* Неизвестные нормандские документы XII–XIV веков из коллекции Н. П. Лихачева в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // *Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа.* Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб., 2014. С. 139–140.

⁴⁹ *Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии Наук СССР /* Подгот. к изд. С. А. Аннинский; под ред. О. А. Добиаш-Рожественской. М.; Л., 1937.

⁵⁰ *Скржинская Е.Ч.* «Дарение Агельтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) // *Археографический ежегодник за 1970 год.* М., 1971. С. 338–347.

⁵¹ *Неизданные кремонские акты XII в. /* Публ. А. М. Кононенко // *Средние века.* 1964. Вып. 26. С. 181–184; *Кононенко А.М.* Поручительство из Пьяченцы (Частный акт 938 г.) // *Археографический ежегодник за 1970 год.* М., 1971. С. 350–356.

⁵² *Кононенко А.М.* К вопросу о западноевропейском средневековом частном акте // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1970. Вып. 3. С. 350–360; *Она же.* Проблема классификации западноевропейского частного акта // *Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья.* Л., 1979. С. 109–123.

⁵³ *Кононенко А.М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1974. Вып. 6. С. 318–330.

⁵⁴ Там же. С. 319–320.

⁵⁵ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd.1. S. 618.

⁵⁶ *Срединская Н.Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017. С. 201–202.

⁵⁷ *Травин И.Д.* Древнейшие документы по истории Милана в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2019. Вып. 38. С. 100–128.

⁵⁸ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre... S. 167.

⁵⁹ *Маклакова С.В.* Древнейшие документы Аквилы в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2018. Вып. 37. С. 13–39.

⁶⁰ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.

⁶¹ Там же. С. 100–102.

⁶² Там же. С. 14–15.

⁶³ *Monte A.* Neue Quellen zum griechisch-römisch-byzantinischen Ägypten: Erstedition von fünfzehn griechischen Papyrustexten der Berliner Papyrussammlung. (Diss.). Berlin, 2018. S. 101.

⁶⁴ *Wolff H.J.* Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaeer und des Prinzipats. Bd. 2: Organisation und Kontrolle des privaten Rechtsverkehrs. München, 1978. S. 108.

⁶⁵ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики. С. 51–53.

⁶⁶ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Ed. C. Giraud, J.-B. Renault et B.-M. Tock. Nancy: Centre de Médiévisitque Jean Schneider; édés électronique: Orléans: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010 (URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/index/>).

⁶⁷ Общий обзор сохранившихся до нашего времени картуляриев см.: *Lemaitre J.-L.* Quelques réflexions sur les cartulaires méridionaux // Les cartulaires méridionaux / Ed. D. Le Blévec. Paris, 2006. P. 249–251.

Глава 1

¹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925. P. 544–545.

² См., например: Cartulaire de Maguelone / Ed. J. Rouquette, A. Ville-magne. Montpellier, 1912. Т. 1. P. XIII–XIV.

³ *Flach J.* Le droit romain dans les chartes du IXe au XIe siècle en France // Mélanges Fitting. Montpellier, 1907. Т. 1. P. 383–421.

⁴ Ibid. P. 395.

⁵ Ibid. P. 399–415.

⁶ *Stouff L.* Étude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Ve au XIIe siècle // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. Paris, 1887. A. 11. P. 249–287.

⁷ *Idem.* De formulis secundum legem Romanam a VII° sæculo ad XII^{um} sæculum. Parisiis, 1890.

⁸ *Idem.* L'interpretatio de la loi romaine des Wisigoths dans les formules et les chartes du VIe au XIe siècle // Mélanges Fitting. Montpellier, 1908. Т. 2. P. 165–188.

⁹ Ibid. P. 188.

¹⁰ *Benech R.-O.* La Lex Romana Visigothorum dite Bréviaire d'Alaric // Mélanges de droit et d'histoire. Paris, 1857. P. 571–618; *Patetta F.* Il Breviario Alariciano in Italia // Archivio Giuridico. Pisa, 1891. Vol. 47. P. 3–45; *Conrat M.*

Breviarium Alaricianum. Römisches Recht im Fränkischen Reich in systematischer Darstellung. Leipzig, 1903; *Lambertini E.* La codificazione di Alarico II. Torino, 1991; *Polara G.* Lex Romana Visigothorum. Un contributo alla ricerca. Milano, 2004; *Dumézil B., Rouche M.* Le Bréviaire d'Alaric. Aux origines du Code civil. Paris, 2008.

¹¹ *Zeumer K.* Über die älteren fränkischen Formelsammlungen // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1881. Bd. 6. S. 9–115; *Krusch B.* Ursprung und Text von Markulfs Formelsammlung // Nachrichten der Göttinger Gelehrten Gesellschaft, phil.-hist. Klasse. 1916. S. 231–274; *Levison W.* Zu Marculfs Formularbuch // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1935. Bd. 50. S. 616–619; *Uddholm A.* Formulae Marculfi. Études sur la langue et le style. Uppsala, 1954; *Beyerle F.* Das Formel-Schulbuch Merkulfs // Aus Verfassungs- und Landesgeschichte: Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer. Lindau; Konstanz, 1955. Bd. 2. S. 365–389.

¹² Интересное предположение, объясняющее появление этой преамбулы в провансальских грамотах X–XI вв., содержится в работе И. С. Филиппова (*Филиппов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 105–106).

¹³ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille / Ed. B. Guérard. Paris, 1857. T. 1. Nr. 70. P. 97–98.

¹⁴ Эту связь показал еще Стуф (*Stouff L.* L'interpretatio de la loi romaine des Wisigoths... P. 185–187).

¹⁵ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. Nr. 176. P. 206.

¹⁶ LRV. Lib. III. Tit. V. 1 (Lex Romana Visigothorum / Instruxit G. Haenel. Lipsiae, 1849. P. 76).

¹⁷ *Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. Bd. 1. S. 139–144; *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit. Inauguraldissertation. Marburg, 1904; *Liebs D.* Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte. Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // Recht im frühmittelalterlichen Gallien: spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen / Hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch. Köln; Weimar, 1995. S. 1–28.

¹⁸ *Stouff L.* Étude sur la formation... P. 254.

¹⁹ LRV. Lib. VIII. Tit. V. 1.2. Interpretatio (Lex Romana Visigothorum. P. 156).

²⁰ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. Nr. 55. P. 81.

²¹ Chartes de l'abbaye de Nouaillé / Ed. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1936. T. 49. Nr. 26. P. 48.

²² Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae, 1886. P. 79.

²³ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 144; cf.: *Lex Romana Visigothorum*. P. 370: Paul. II, 24, 5.

²⁴ Ср. еще два примера: C. Th. 11.30.11 pr.; 8.12.8.1.

²⁵ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 11. P. 19.

²⁶ Ibid. Nr. 75. P. 126.

²⁷ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 174–175.

²⁸ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / Ed. A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16. Nr. 14. P. 26.

²⁹ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 87. P. 148.

³⁰ Ibid. Nr. 82. P. 138.

³¹ Ibid. Nr. 93. P. 157; Nr. 139. P. 220.

³² *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 174–175.

³³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 14. P. 26.

³⁴ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 87. P. 148. См. другие примеры: Ibid. Nr. 82. P. 138; Nr. 93. P. 157; Nr. 139. P. 220.

³⁵ Cf.: *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 265–284.

³⁶ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 271.

³⁷ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Ed. C. Giraud, J.-B. Renault et B.-M. Tock. Nancy: Centre de Médiévistique Jean Schneider; éds électronique: Orléans: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010. Nr. 352. URL: <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte352/>: [Latores] legum sanxerunt ut qui de jure proprio alicui aliquid tradere voluerit se coram plures testibus per scripturarum seriem firmiter faciat obligare ut in evum inconvulsum valeat permanere.

³⁸ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. Nr. 83. P. 111.

³⁹ LRV. 4.18.2 (*Lex Romana Visigothorum*. P. 126).

⁴⁰ Cf.: *Leges Burgundionum* / Ed. L. R. de Salis // *Monumenta Germaniae historica. Legum nationum Germanicarum*. Hannoverae, 1892. T. 2. Pars 1. P. 158: «Cessionis vero ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est : ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur. Quod si de vi et metu is qui cessit queri voluerit, intra annum similiter institutam peragat actionem, secundum Theodosiani leges libro IV, sub titulo: Qui lege Iulia bonis cedere possunt».

⁴¹ *Lex Romana Visigothorum*. P. 124.

⁴² LRV. 4.18.2. Interpr. (*Lex Romana Visigothorum*. P. 126).

⁴³ Ibid.

⁴⁴ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 137.

⁴⁵ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 48. P. 84; Nr. 117. P. 191.

⁴⁶ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 12. P. 24–25.

⁴⁷ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 25. P. 45–46.

⁴⁸ Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue / Ed. G. Desjardins. Paris, 1879. Nr. 5. P. 6.

⁴⁹ Ibid. Nr. 114. P. 105. Ту же усеченную формулу мы встречаем и в документе 990 г. из названного монастыря: *Cessio sola sufficit sine gestorum, sed in omnibus habeat plenissimam* (Nr. 192. P. 164).

⁵⁰ Cartulaire de Brioude / Ed. H. Doniol. Clermont-Ferrand; Paris, 1863. Nr. 40. P. 63; cf.: Nr. 86. P. 105 (здесь *cessione* вместо *cessio*); Nr. 218. P. 228; Nr. 226. P. 237.

⁵¹ Ibid. Nr. 111. P. 128; Nr. 174. P. 186; Nr. 199. P. 210; Nr. 285. P. 292; в следующем примере, очевидно, пропущен предлог: *Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas solæ tantummodo cessiones <sine> gestarum obligatione plenissimam in perpetuum obtineat firmitatem* (Nr. 115. P. 132).

⁵² См.: Cartulaire de Sauxillanges / Ed. H. Doniol. Clermont-Ferrand; Paris, 1864. Nr. 413. P. 319: *Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) gestarum obtineat firmitatem*; Nr. 152. P. 140: *Legum decrevit auctoritas et ratio [...?] inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestorum obligationem (sic!) obtineat firmitatem*.

⁵³ Структуре катулярия Сен-Жюльен-де-Бриуд посвящена статья И.С. Филиппова (*Filippov I. La structure du Liber de honoribus de Saint-Julien de Brioude à la lumière des cartulaires de son époque // Brioude aux temps carolingiens. Actes du colloque international organisé par la ville de Brioude 13–15 septembre 2007 / Ed. A. Dubreucq, Ch. Lauranson-Rosaz et B. Sanial. Le Puy-en-Velay, 2010. P. 119–139*).

⁵⁴ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. Nr. 3954. URL: <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3954/>

⁵⁵ Ibid. Nr. 3956. URL: <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3956/>

⁵⁶ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/index/>

⁵⁷ Картулярий аббатства Св. Максенция был составлен в самом начале XII в.; в отличие от истории других монастырских архивов, в составе которых оказывались копиянные книги разного времени, у нас есть сведения только об одном картулярии (*Chartes et documents de Saint-Maixent. P. XXIV*).

⁵⁸ *Chartes et documents de Saint-Maixent. P. XVIII*.

⁵⁹ *Faye L. Nouvelles recherches sur l'ancienne maison de Châtel-Aillon, en Aunis // Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1854. A. 1853. P. 241 (далее: MSAOu)*.

⁶⁰ *Fillon B. Inventaire des autographes et documents historiques réunis par M. Benjamin Fillon, décrits par Etienne Charavay. Paris, 1878–1900*.

⁶¹ В каталоге этого антикварного дома: «*L'amateur d'autographes. Recueil de documents historiques et bulletin du collectionneur*», который

Э. Шаравэ продолжал издавать после смерти своего отца, и основанном им «Revue des documents historiques» — след наших грамот не обнаруживается. Но, судя по другим известным нам примерам, продажа документов доверенным клиентам далеко не всегда находила отражение в этом каталоге.

⁶² *Arcère L.-E.* Histoire de la ville de La Rochelle et du pays d'Aulnis. La Rochelle, 1757. Т. 2. P. 658.

⁶³ *Faye L.* Nouvelles recherches sur l'ancienne maison de Châtel-Aillon, en Aunis... P. 241–242.

⁶⁴ *Ravan H.* Essai historique sur l'abbaye de Saint-Maixent et sur ses abbés // Mémoires de la société de statistique, sciences et arts des Deux-Sèvres. Niort, 1860–1861. Т. 1. P. 179–181.

⁶⁵ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 258. P. 284–285; Nr. 259. P. 286–287.

⁶⁶ *Chevalier U.* Répertoire des sources historiques du moyen âge. Topo-bibliographie. Montbéliard, 1903. Pt. 2. P. 2725–2726; *Beunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1910. Т. 3. P. 233–235; *Cottineau L.H.* Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés. Macon, 1936. Т. 2. P. 2775–2777.

⁶⁷ *Ео anno monasterium beati Adjutoris Maxentii coeptum est a fundamento novum, adjuvante Domino et concedente, in pulchriori opere et meliori, XV° kalendas julii (Chronicon abbatiae Sancti Maxentii Pictavensis // Chroniques des églises d'Anjou / Ed. P. Marchegay, E. Mabille. Paris, 1869. P. 410). См. приложение в изд.: Chartes et documents de Saint-Maixent.*

⁶⁸ Этот граф Пуату и герцог Аквитании имел три имени: Гвидон (имя, полученное им при крещении), Готфрид (имя-прозвище, принятое им в честь своего покровителя и отчима — графа Анжу) и Гильом (фамильное имя герцогов Аквитании).

⁶⁹ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 163. P. 196–197.

⁷⁰ *Ravan H.* Essai historique sur l'abbaye de Saint-Maixent. P. 126–133; Chartes et documents de Saint-Maixent. P. LXXIX. Названные притязания исходили главным образом от Гуго де Лузиньяна, сеньора, формально считающегося защитником монастыря. Несмотря на свое участие в крестовом походе и желание называться Гуго Иерусалимским, этот феодал получил прозвище Гуго Дьявол, так как претендовал на владения монастыря Св. Максенция, пользуясь политической нестабильностью, связанной с малолетством герцога Гильома IX (*Richard A.* Histoire des comtes de Poitou (778–1204). Paris, 1903. Т. 1. P. 457).

⁷¹ Chronicon abbatiae Sancti Maxentii. P. 349–433.

⁷² Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 230. P. 256–259; Regesta pontificum Romanorum / Ed. P. Jaffé. Leipzig, 1885. Т. 1. Acte. 4646.

⁷³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 232. P. 260–261; Nr. 233. P. 261; Regesta pontificum Romanorum / Ed. P. Jaffé. Leipzig, 1885. T. 1. Acte 4648.

⁷⁴ См: *Moroni G.* Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica. Venezia, 1851. Vol. 51. P. 263.

⁷⁵ *Faye L.* Recherches sur l'ancienne maison de Châtelailлон // MSAOu. 1847. A. 1846. P. 383–425; *Cholet P.-F.-E.* Notice sur les seigneurs de Châtel-Aillon et de Rochefort // MSAOu. 1854. A. 1853. P. 165–187; *Faye L.* Nouvelles recherches sur l'ancienne maison de Châtelailлон, en Aunis // MSAOu. 1854. A. 1853. P. 189–247.

⁷⁶ Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers / Ed. L. Rédet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1872. T. 1. Nr. 24. P. 30.

⁷⁷ Судя по всему, на заболоченной территории был возможен выпас скота, кроме того, в цене был и тростник, росший на этих болотах. Монахи же были мастерами землеустройства таких территорий. Но едва ли здесь, в удалении от моря, добывалась соль.

⁷⁸ Усадьба Мульпе располагалась в 12 км от города Сент, ниже по течению реки Шаранта. До наших дней сохранился замок более позднего времени – Château de Mouillepiéd, расположенный в кантоне Сен-Поршер департамента Приморская Шаранта. Этот топоним, помимо упоминания в наших грамотах, встречается еще один раз, но уже в связи не с болотом, а с садом в грамоте 1133 г. (Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 297. P. 324).

⁷⁹ Ibid. Nr. 164. P. 197–198.

⁸⁰ См.: *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 568–570.

⁸¹ Chartularium Sancti Jovini: Cartulaire de Saint-Jouin-les-Marnes / Ed. A. Grandmaison // Mémoires de la société de statistique du département des Deux-Sèvres. Niort, 1854. T. 17. Pt. 2. P. 6; Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 1 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1901. T. 30. Nr. 17. P. 40; Ibid. Nr. 303. P. 368.

⁸² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 92. P. 119; Cartulaire de Béziers / Ed. J. Rouquette. Paris; Montpellier, 1918. Nr. 93. P. 126; Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 34. P. 59; Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / Ed. L. Rédet // MSAOu. 1848. A. 1847. Nr. 108. P. 119; Cartulaire des abbayes de Tulle et de Roc-Amadour / Ed. J.-B. Champeval. Brive, 1903. Nr. 186. P. 119.

⁸³ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1915. Bd. 2. S. 81–89; *Dumas A.* Étude sur le classement des forms des actes // Le Moyen Age. Paris, 1934. T. 44. P. 33–34.

⁸⁴ Ibid. P. 33.

⁸⁵ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 592.

⁸⁶ Ibid. P. 594.

⁸⁷ Ibid. P. 598–599.

⁸⁸ Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. Т. 2 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1903. Т. 33. Nr. 467. P. 126–128.

⁸⁹ Сенешаля Иземберта – Гильома Нормандца мы еще раз встречаем в качестве свидетеля, имя которого стоит на первом месте (если не считать родственников Иземберта) в документе 1127 г. (Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. Т. 2. Nr. 493. P. 160).

⁹⁰ Вероятно, сыном Клерембальда, владельцем роши, соседствовавшей с болотом в Мульпье со стороны берега, который Иземберт назвал «нашим».

⁹¹ Речь идет о приорате Сен-Мартен, расположенном на острове Экс (Aya Insula); о самом приорате будет сказано ниже.

⁹² Гауфред Аудемант дважды (ок. 1099 г. и ок. 1102–1103) выступает как свидетель при заключении договора между Изембертом и его матерью, с одной стороны, и монастырем Сен-Жан д'Анжели – с другой (Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. Т. 2. Nr. 467. P. 126–128; Nr. 495. P. 162–163).

⁹³ Местность Ла Фонделэ расположена к юго-востоку от Мульпье, на территории современной коммуны Тере.

⁹⁴ Отметим, что составитель грамоты четко разделял подписавшихся – лиц, которые являлись участниками правового акта и должны были гарантировать его целостность, и простых свидетелей, что мы наблюдаем далеко не всегда. Ср.: *Prell J.H. Les souscriptions des chartes des comtes de Poitiers, ducs d'Aquitaine (1030–1137)* // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1997. Т. 155. P. 207–219.

⁹⁵ Современный Мервен (департамент Вандея, округ Фонтенэ-ле-Конт, кантон Сен-Илер-де-Лож). Сеньоры этой местности определенно были связаны с домом Шателайон, так как мы неоднократно встречаем их в качестве свидетелей в грамотах, составленных от лица Иземберта: самого Симона и его брата Бернарда в 1127 г. (Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. Т. 2. Nr. 493. P. 160), одного Бернарда – в документе, составленном ок. 1099 г. (Ibid. Nr. 467. P. 128).

⁹⁶ Современный Вуван (департамент Вандея, округ Фонтенэ-ле-Конт, кантон Ла Шатенерэ).

⁹⁷ Testes sunt isti: Simon Esperuns, Gauter Esperons, Simon de Mairevent, Bocardus de Volvent, filius Guillelmi Norman|ni, Radulfus Bisart, Joannes Galterius, Costancius Borrelus, P(et)rus Garnaldus, Archi(m)baldus Aufret et Joh(ann)es fr(ater) ejus, | P(et)rus Leucels et frater ejus Rainaldus, Rainulfus Cotinus, Aimericus Cogul, Danegius.

⁹⁸ Приорат на острове Экс дважды упоминается в картулярии Сен-Жан д'Анжели: в документе, составленном ок. 1088 г., мы встречаем приора Гвильгельма (Guillelmus) (Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. Т. 1. Nr. 56. P. 84); второй раз он же (или его тезка) выступает в документе, составленном ок. 1105 г. (Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. Т. 2. Nr. 492. P. 159).

⁹⁹ В картулярии монастыря Сен-Жан д'Анжели в документе, составленном ок. 1105 г., упоминается некий Petrus Airdaldi (*Cartulaire de Saint-Jean d'Angély*. Т. 1. Nr. 153. P. 182). Сложно сказать, являлись ли он и упоминающийся в нашем документе Петр Айральд одним и тем же лицом, однако соседство владений монастырей Св. Максенция и Сен-Жан д'Анжели вкуче с совпадением во времени позволяют допустить, что речь идет об одном и том же человеке.

¹⁰⁰ А. Ришар отмечает, что в документах Пуату этот граф чаще всего именовался Гвидоном, но начиная с 1075 г. преобладало имя Готфрид (*Richard A. Histoire des comtes de Poitou (778–1204)*. Paris, 1903. Т. 1. P. 267). Можно было бы заключить, что описываемые события, впрочем, нигде более не получившие отражения, относятся ко времени до 1075 г.

¹⁰¹ См. приложение в изд.: *Chartes et documents de Saint-Maixent*.

¹⁰² В пользу этого предположения свидетельствует более ранний пример 1086 г., в котором упоминается о капитуле, собранном перед алтарем Девы Марии: *Post illam infirmitatem veniens ipse Cadelo in capitulum sancti Maxentii, quod tunc fiebat in monasterio ante altare sanctę Marię, hoc donum fideliter confirmavit* (*Chartes et documents de Saint-Maixent*. Nr. 161. P. 194).

¹⁰³ Любопытно отметить, что начертание креста здесь выражено глагольной формой *inpressi* и тем самым уподоблено выдавливанию знака кольца-печатки в воске. Ср. пример из грамоты, составленной в 834 г. от имени короля Аквитании Пипина в пользу капитула церкви Св. Илария: *Hanc vero immunitatis auctoritatem (...) manu propria subterfirmavimus et et annuli nostri impressione subter eam jussimus firmari*. (*Documents de Saint-Nilaire de Poitiers*. Nr. 5. P. 8). Как отметил в свое время А. Жири, уже в меровингское время использование кольца-печатки оставалось в обычае лишь у королей и майордомов: *Giry A. Manuel de diplomatique*. P. 595.

¹⁰⁴ Пуатевинские документы сообщают нам и о других примерах начертания крестов на документе, который лежал на алтаре: *Chartes et documents de Saint-Maixent*. Nr. 118. P. 149; Nr. 165. P. 199; Nr. 210. P. 242; Nr. 238. P. 266; Nr. 246. P. 273; Nr. 247. P. 275; Nr. 255. P. 281; Nr. 267. P. 294; *Cartulaire de Saint-Jean d'Angély*. Т. 1. Nr. 257. P. 316.

¹⁰⁵ В одной из грамот аббатства Св. Максенция прямо сказано, что даритель и два его сына поставили три креста в нижней части грамоты, когда она находилась на алтаре: (...) *qui subtersignatas tres cruces super altare fecerunt* (*Chartes et documents de Saint-Maixent*. Nr. 168. P. 202).

¹⁰⁶ Вероятно, речь идет о Ле Брей-су-Аржантон (*Le Breuil-sous-Argenton*) в департаменте Де-Севр или о Ле Брей-Бернар (*Le Breuil-Bernard*) в том же департаменте. В диоцезах Сента и Ла Рошели есть еще четыре места с подобными названиями.

¹⁰⁷ Гауфред стал предстоятелем монастыря в 1093 г. (*Cartulaire de l'abbaye cardinale de la Trinité de Vendome / Ed. C. Métails. Chartres; Vannes, 1900*. Т. 4. P. 490).

¹⁰⁸ *Beaunier Ch. Abbayes*. Т. 3. P. 306.

Глава 2

¹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925. P. 592.

² *Ibid.* P. 594.

³ *Ibid.* P. 598–599.

⁴ Важные наблюдения относительно роли письменного документа в правовой жизни Южной Франции в противоположность устному оформлению правовых актов, характерному для территорий раннесредневековой Европы с преобладанием германских традиций, содержатся в статье: *Филиппов И. С.* Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: опыт реконструкции // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 201–221.

⁵ *Du Cange Ch. du Fresne.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Paris, 1938. T. 4. P. 410–418.

⁶ *Michelsen A. L. J.* Ueber die festuca notata und die germanische Traditionssymbolik. Jena, 1856; *Thévenin M.* Contributions à l'histoire du droit germanique // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. Paris, 1880. A. IV. P. 69–92; *Amira K. von.* Der Stab in der germanischen Rechtssymbolik. München, 1909. S. 145–164; *Idem.* Die Wadiation. München, 1911; *Brissaud J.* A History of French Private Law. Boston, 1912. P. 482–484; *Mayer E.* Die Einkleidung im germanischen Rechte. Leipzig, 1913. S. 45–48, 59–61; *Gmür M.* Schweizerische Bauernmarken und Holzurkunden. Bern, 1917. S. 132–142. Ср. использование соломы в древнем русском праве: *Павлов-Сильванский Н.П.* Символизм в древнем русском праве // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 492–493.

⁷ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 568–570.

⁸ *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. L'acte privé. Paris, 1948. P. 64–66, 104–106, 111–112, 114.

⁹ *Ibid.* P. 104–106.

¹⁰ *Ibid.* P. 112.

¹¹ *Ibid.* P. 114.

¹² *Dumas A.* La diplomatique et la forme des actes // Le Moyen Age. Paris, 1932. T. 42. P. 5–31; *Idem.* Études sur le classement des formes des actes // *Ibid.* 1933. T. 43. P. 81–97, 145–182, 251–264; 1934. T. 44. P. 17–41.

¹³ *Diplomatique médiévale* / Ed. O. Guyotjeannin, J. Pycke, B.-M. Tock. Turnhout, 2006.

¹⁴ *Esmein A.* Études sur les contrats dans le très ancien droit français. Paris, 1883; *Aubenas L.* Étude sur le notariat provençal au moyen-âge et sous l'ancien régime. Aix-en-Provence, 1931; *Castaing-Sicard M.* Les contrats dans le très ancien droit toulousain, X^e–XIIIe siècle. Toulouse, 1959; *Carlin M.-L.* La pénétration du droit romain dans les actes de la pratique provençale (XIe–XIIIe Siècle). Paris, 1967; *Ourliac P.* Études d'histoire du droit médiéval. Paris, 1979.

¹⁵ *Higounet-Nadal A.* La pratique des courroies nouées aux XIe et XIIe siècles d'après le grand cartulaire de la Sauve Majeure // Bibliothèque de l'école des chartes. 2000. Т. 158. Livr. 1. P. 273–282.

¹⁶ *Clanchy M.T.* From Memory to Written Record: England, 1066–1307. Oxford, 1993. На англо-нормандском материале, правда, безотносительно к истории документа как такового, применение тех же символов, как и посоха или палки, при передаче владельческих прав рассматривает в своих статьях А. А. Касатов: *Касатов А. А.* Меч и нож как символы ввода во владение в Англии XI–XIII вв. // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / Под ред. И. О. Ермаченко, Л. П. Репиной. М., 2005. С. 137–157; *Он же.* Сейзина: Англии XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Вып. 30. С. 297–310; *Он же.* Сейзина: право, власть и общество в англо-нормандском королевстве X–XIII веков. СПб., 2019.

¹⁷ Cf. *Beaunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1910. Т. 3. P. 287–290.

¹⁸ *Beaunier Ch.* Abbayes. Т. 3. P. 177–178.

¹⁹ *Ibid.* P. 233–235.

²⁰ *Ibid.* P. 254.

²¹ *Ibid.* P. 241.

²² *Ibid.* P. 232–233.

²³ *Ibid.* P. 228–229.

²⁴ *Beaunier Ch.* Abbayes. Ligugé; Paris, 1912. Т. 5. P. 291–296.

²⁵ *Beaunier Ch.* Abbayes. Ligugé; Paris, 1920. Т. 8. P. 91–93.

²⁶ *Delisle L.* Rapport sur le concours d'histoire // Revue des sociétés savantes des départements. Paris, 1866. Т. 3. P. 509; *Raymond P.* Confirmation d'actes par des nœuds faits à des courroies // Bibliothèque de l'école des chartes. 1872. Т. 33. P. 283–285; *Du Cange Ch. du Fresne.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort, 1883. Т. 2. P. 581; *Idem.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Paris, 1938. Т. 4. P. 414.

²⁷ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 656.

²⁸ Cartulaire de l'abbaye de Lézat / Ed. P. Ourliac, A.-M. Magnou. Paris, 1984. Т. 1. Nr. 191. P. 147; Nr. 218. P. 170; Nr. 233. P. 182; Nr. 276. P. 217; Nr. 286. P. 223; Nr. 380. P. 298; Nr. 552. P. 414.

²⁹ Cartulaire du prieuré de Saint-Pierre de la Réole / Ed. Ch. Grellet-Balguerrie // Archives historiques du département de la Gironde. Paris; Bordeaux, 1863. Т. 5. P. 99–186; Cartulaire de l'abbaye Sainte-Croix de Bordeaux / Ed. A. Ducaunnes-Duval // Archives historiques du département de la Gironde. Bordeaux, 1892. Т. 27; Cartulaire de l'église collégiale Saint-Seurin de Bordeaux / Ed. J.-A. Brutails. Bordeaux, 1897.

³⁰ *Beaunier Ch.* Abbayes. Т. 3. P. 93–94.

³¹ *Higounet-Nadal A.* La pratique des courroies nouées aux XIe et XIIe siècles. P. 273–282.

- ³² Ibid. P. 277–280.
- ³³ Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 1 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1901. T. 30. Nr. 303. P. 368.
- ³⁴ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 326. P. 391.
- ³⁵ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / Ed. A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16. Nr. 228. P. 254–255.
- ³⁶ Cartulaire de l'abbaye royale de Notre-Dame de Saintes // Cartulaires inédits de la Saintonge / Ed. T. Grasilier. Niort, 1871. Nr. 76. P. 69.
- ³⁷ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 287. P. 352; Nr. 308. P. 374; Nr. 326. P. 391; Nr. 328. P. 392; Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 2 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1903. T. 33. Nr. 343. P. 8.
- ³⁸ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / Ed. L. Rédet // MSAOu. 1848. A. 1847. Nr. 89. P. 95.
- ³⁹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond / Ed. La Boutetière L. de // MSAOu. 1873. T. 36. A. 1872. Nr. 195. P. 214.
- ⁴⁰ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 111. P. 122; Nr. 115. P. 129.
- ⁴¹ Ibid. Nr. 100. P. 110.
- ⁴² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 324. P. 389.
- ⁴³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 245. P. 272.
- ⁴⁴ *Higounet-Nadal A.* La pratique des courroies nouées aux XIe et XIIe siècles. P. 280.
- ⁴⁵ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 287. P. 352.
- ⁴⁶ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 100. P. 110.
- ⁴⁷ Ibid. Nr. 105. P. 116.
- ⁴⁸ Ibid. Nr. 89. P. 95–96.
- ⁴⁹ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 326. P. 391.
- ⁵⁰ Ibid. Nr. 316. P. 381–382.
- ⁵¹ Chartes poitevines de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur / Ed. P. Marchegay // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1873. T. 2. Nr. 84. P. 123.
- ⁵² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 133. P. 167; Nr. 92. P. 119; Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 340. P. 4.
- ⁵³ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 35. P. 60.
- ⁵⁴ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 405. P. 69–70.
- ⁵⁵ Ibid. Nr. 346. P. 11; Nr. 449. P. 110–111; Nr. 487. P. 152–153; Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 143. P. 173; Nr. 185. P. 222.
- ⁵⁶ Ibid. Nr. 88. P. 116.
- ⁵⁷ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 346. P. 11–12.
- ⁵⁸ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 35. P. 60: Morinus, nepos Seniorati, dedit Deo Sanctoque Joanni, per istud lignum, in manu Ansculphi,

prioris, medietatem domus suæ quæ est ante portalem, et medietatem omnium quæ acquirere poterit in hac villa.

⁵⁹ Ibid. Nr. 88. P. 116–117: Per hoc lignum guerpivit, donavit et annuit totam calumniam quam faciebat de decima de Ogna, Deo santoque Joanni ac monachis ejus, Iterius Robertus et uxor ejus Irsendis, unacum filiis suis, in manu Adaimaris, presbiteri de Fontaneto apud Mastassium, quem domnus abbas Anscuphus illuc miserat ob hanc ipsam rem.

⁶⁰ Ibid. Nr. 92. P. 119: Hoc autem donum fecerant prius, sui filii, in capitulo, Gofredus Christianus et Aimericus. Atque, pro confirmatione hujus doni, posuerant pargamenum super altare santi Joannis, crucibus suis præsignatum.

⁶¹ Ibid. P. 120: Post aliquantum temporis, venit in capitulum Milo, et quiddid apud Asnerias pertinebat, totum sancto Joanni concessit, sicut mater ejus, Emma, et fratres sui, Goffredi Christiani atque Aimericus jam concesserant, posito super altare pargameno, ubi signum ejus, simul cum nomine exprimitur, in presentia subscriptorum testium.

⁶² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 346. P. 12.

⁶³ Ibid.: Post hac, auctorisavit hanc cartam Eblo, in capitulo, ante domnum Odomen (sic!), abbatem, ac deinde, facta sua cruce et cruce suæ uxoris, imposuerunt ambo super altare Sancti Joannis, hanc ipsam cartam.

⁶⁴ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 143. P. 173–174.

⁶⁵ Ibid. Nr. 143. P. 173: Notum sit omnibus tam præsentibus quam futuris, quod Savericus Mellus et Kalo Mellus, frater suus, et Vuillelmus Mellus et Angelaiz, soror eorum, tenebant quartam partem eclesie sancti Petri de Juliaco, et cimiterii, quam dederunt deo et sancto Joanni, pro animabus suis, in manu Hugonis Berardi, monachi, per quoddam lignum.

⁶⁶ Ibid. Nr. 143. P. 174: Postea venerunt in capitulo et fecerunt donum in manu domini abbatis Ansculphi, et præsentia conventus, per hoc pargamenum, quod posuerunt super altare santi Joannis, signatum crucibus suis.

⁶⁷ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 487. P. 153: Feci autem hoc donum prius in manu Letardi præpositi, monachi, et Gilberti, cellarii, per unum ozilium, subtus ulnum (sic!) veterem qui est in cimiterio.

⁶⁸ Ibid.: Post hoc ivit Lætardus, monachus, cum Andrea, monacho, apud Oenacum, ibique concessit Fulco et frater suus Gafredus, consentiente matre eorum, Aldesoendi, alteram medietatem, per quoddam lignum...

⁶⁹ Ibid.: Deinde venimus omnes, die Nataliter sancti Joannis evangelistæ, in capitulum Sancti Joannis; ibi, residente conventu, accepimus beneficium societatis loci; indeque egressi, concordavimus in camera volta, et veniremus ante altare, et feceramus concessionem sicut prælocutum fuerat. Quod et fecimus per quoddam pargamenum...

⁷⁰ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 305. P. 329: Garinus cognomento Meschins, filius Ramnulfii Garini, cujus feodi erat, concessit in manibus domini Goffredi abbatis in auditorio cum buscha, videntibus et audientibus...

⁷¹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 186. P. 215: Et pro querela ista canonicis dimissa, dedit Deo et S. Cruci, donum faciens cum uno cospello in manu domni Alexandri abbatis, II denarios de censu annuo de prato quod vocatur Granahec et de prato Christiane et de Campo Clauso.

⁷² Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 235. P. 263.

⁷³ Chartularium Sancti Jovini: Cartulaire de Saint-Jouin-les-Marnes / Ed. A. Grandmaison // Mémoires de la société de statistique du département des Deux-Sèvres. Niort, 1854. T. 17. Pt. 2. P. 26: Hoc donum posui super altare sancti Jovini cum ramo savine.

⁷⁴ Ibid. P. 6.

⁷⁵ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 143. P. 163: Et cum ramo de pinu super altare beati Hylarii molendinum dimisimus ego et mater mea et frater et uxor mecum presentes...

⁷⁶ Ibid.: Ad majus vero celebrate venditionis firmamentum, scriptum hoc quod inde fieri fecimus propriis manibus nostris signo crucis in subsequenti pagina firmavimus, et filii mei Paganus et Johannes, et filia mea Maria, et sorores mee Hermensendis, Hermengardis, Aenordis.

⁷⁷ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 143. P. 173.

⁷⁸ Ibid.: Secunda vice ipse Stephanus, jam portatus ad sanctum Maxentium, jacens in domo infirmorum, confirmavit hoc donum, tradens istam cartam in manibus Rainaldi abbatis sancti Cipriani, qui eum benedixit ibidem ad monachum, atque in manibus Rainaldi prioris...

⁷⁹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 268. P. 267: Primum siquidem apud Cursonem, in burgo consulari, ramum sarmenti manu pretendens dextramque Ivoni monachi qui cum eo super his agebat deosculans, hanc donationem fecit...

⁸⁰ Ibid.: Deinde in ecclesia Juncherie cum filio suo Simone veniens, super altare cum cereo benedicto tam eandem confirmavit quam omnia que ex se ipso tenebamus.

⁸¹ Ibid.: (...) ob descripti muneris impendium prefato Simoni quemdam retribuimus equum, qui ad presens eidem prodesset et futuris geste rei testimonium foret.

⁸² Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 101. P. 111: Testes autem hujus doni et qui hoc donum cum folio nucis receperunt canonici beati Hylarii isti existunt...

⁸³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 269. P. 296: Postea in domo sua uxor ejus dedit donum similiter, cum escorcha de jarich...

⁸⁴ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 34. P. 59–60.

⁸⁵ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 201. P. 228–229.

⁸⁶ Ibid. Nr. 183. P. 212.

⁸⁷ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 73. P. 102.

⁸⁸ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 201. P. 228–229.

⁸⁹ *Beaunier Ch.* Abbayes. T. 3. P. 176–177.

⁹⁰ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 183. P. 212.

⁹¹ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 34. P. 59.

⁹² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 350. P. 15: Et hoc factum est per fustem qui presto est in manu Vuitardi, monachi...

⁹³ Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde / Ed. R. Foreville. Paris, 1995. Nr. 339. P. 368: Et preterea apud *Talpusac* guirpivit abbas suprascriptus istos homines suprascriptos cum uno lapide in presentia monachorum Petrum Berengerium et Bernardum de Cadoenna et laicorum Petrum de Gijano et Andream de Talpusacho et Pontium Rufo et Bolia.

⁹⁴ Cartulaire de Béziers / Ed. J. Rouquette. Paris; Montpellier, 1918. Nr. 88. P. 113.

⁹⁵ Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde. Nr. 273. P. 320.

⁹⁶ Cartulaire de Béziers. Nr. 97. P. 130.

⁹⁷ Cartulaire de Béziers. Nr. 99. P. 133: Signum Bernardi sacriste suprascripti et fratrum suorum, Gaucelini et Sicardi, qui istam guirpitionem fecimus cum lapillo, in ista carta consuto, in manu Bernardi Moriceni, in suo porticu de sua porta in civitate.

⁹⁸ Ibid.: Istam autem cartam laudaverunt, et in manu propria firmaverunt ipse Bernardus sacrista, et fratres sui Gaucelmus et Sicardus, in domo ipsius sacriste, in manu Bernardi Moriceni.

⁹⁹ Cartulaire de Béziers. Nr. 93. P. 126.

¹⁰⁰ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 156. P. 188.

¹⁰¹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 107. P. 165.

¹⁰² Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 9. P. 176: Sic autem predictam ecclesiam, cum omnibus appendicis suis, ego Willelmus, Engolismensis comes, in manu predicti episcopi cum quadam virgula, quam forte in manu mea tenebam, refutavi...

¹⁰³ Ibid. P. 177: Ut autem hec refutatio mea, sive derelictio, sive donatio, si quid juris, ut predixi, habebam, firmior maneret precepi Fulchoni, filio meo, cui castrum Mastacii me daturum disposueram ut, et ipse, concederet, et, in presentia mea et eo modo quo ego, in manu episcopi, sepredictam ecclesiam cum omni pertinentia sua refutaveram, et ipse eum eadem virgula refutavit.

¹⁰⁴ Ibid. P. 176: Et ut hec carta firmior et certior maneret, propria manu mea signum crucis subscripsi.

¹⁰⁵ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 336. P. 397–398: (...) episcopus Engolismensis, bonæ memoriæ, Ademarus, post datum præceptum apostolici Urbani, de cœnobio Sancti Eparchii Engolismensis, pleno capitulo suo, videntibus cunctis canonicis, absque omni calumnia, dono dedit atque concessit supra dictum cœnobium Sancti Euparchii deo et sancto Joanni Angeliacensi, in manus domni Ansculphi, abbatis, cum ipso pastorali baculo.

¹⁰⁶ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 11. P. 31.

¹⁰⁷ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 66. P. 83: Ego G. de Valde Colorata dictus, cum mei terram patrimonii, quæ est apud Finiacum, a

Parteniensibus dominis recepissem, pro meis et mei patris delictis æcclesiam quæ ibi erat sancti Florentii monachis condonavi.

¹⁰⁸ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 430. P. 93–94: (...) ego Rodbertus Bossellus, pro anima mea et patris mei et uxoris meæ Mariæ, dedit (sic!) Deo et sancto Joanni Baptistæ capellam de Romilec.

¹⁰⁹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 353. P. 322: Hoc autem reddidit Isderius iste et uxor sua Deo et monachis S. Crucis in tempore domni G. Abbatis.

¹¹⁰ Ibid. P. 323.

¹¹¹ Ibid. Nr. 354. P. 323: Aimericus Angerii de Olona medietarius Thalemondensis domini habebat quamdam decimam, de qua erat medietas monachis Vendosiniacensibus; de alia medietate erat tertia pars nostra, due vero relique partes erant Aimerico Angerii. Qui Aimericus dedit nobis suas duas partes...

¹¹² Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 116. P. 130–131: Stephanus Rufus, judex de Asneriis, quæ sunt juxta Muntoriam, dimisit et omnino exposuit cum isto baculo in manu Arberti subcantoris terram Trilię...

¹¹³ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 471. P. 132.

¹¹⁴ Ibid. Nr. 429. P. 92–93.

¹¹⁵ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 11. P. 31.

¹¹⁶ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 498. P. 167.

¹¹⁷ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 66. P. 83.

¹¹⁸ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 11. P. 31: (...) reliqui jam dictas consuetudines per hunc baculum, tradens illum domno Oddoni, abbati...

¹¹⁹ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 66. P. 83: Et cum hoc baculo domnus Geldoinus donum istud concessit...

¹²⁰ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 116. P. 130–131.

¹²¹ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 430. P. 94: Hoc donum fecit (sic!) ego, Rodbertus, apud Castrum Airaldi, Josberto, monacho de Podio, in manu Aimerici, vicecomitis, et fratris sui Bossonis, per unum baculum de nugerio, annuente uxore mea Maria, cujus erat dotalitium...

¹²² Ibid. P. 93.

¹²³ Ibid. P. 94: Deinde veni in capitulum Sancti Joannis; sicut illuc concesseram, ita concessi in domui (= <manu> domni?) Villelmi, prioris, circumsedente conventu, per quoddam pergamenum, quod et posui super altare sancti Joannis, signatum cruce propria.

¹²⁴ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 17. P. 40–41.

¹²⁵ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars / Ed. H. Imbert. Niort, 1876. Nr. 11. P. 14.

¹²⁶ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux / Ed. D. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1910. T. 39. Nr. 22. P. 123–125.

¹²⁷ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 16. P. 102–103.

¹²⁸ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 98. P. 107–108.

¹²⁹ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 39. P. 54–55.

¹³⁰ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 269. P. 296; Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 114. P. 126–127; Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 59. P. 74–76.

¹³¹ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 59. P. 74–76.

¹³² Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 16. P. 102; Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 39. P. 55.

¹³³ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 16. P. 102.

¹³⁴ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 98. P. 107.

¹³⁵ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 17. P. 40.

¹³⁶ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars. Nr. 11. P. 14.

¹³⁷ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 139. P. 170.

¹³⁸ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Ed. F. Cabrol, H. Leclercq. Paris, 1928. T. 8. Pt. 1. P. 1234–1237.

¹³⁹ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 114. P. 126–127.

¹⁴⁰ Chartes et documents de l'abbaye de Charroux. Nr. 22. P. 123–124.

¹⁴¹ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 39. P. 54–55.

¹⁴² Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 98. P. 107.

¹⁴³ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 39. P. 54: *Ab antiquis sapientibus sagaciter est provisum res gestas quæ memoria dignæ judicantur, sub honestarum attestatione personarum scriptis inserere est, ut absque falsitatis nevo recoli valeant cum descriptæ fuerint, servandas reponere.*

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 54–55: *Hanc itaque donationem, sicut exposita est a me factam, scribi volui, et scriptam signi mei impressione roboravi et a testibus qui affuerunt signari præcepi.*

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 55: *S. Petri cognomento Samuel monachi Sancti Jovini, cujus cultello nigri manubrii revestivit episcopus abbatem Willelmum de ecclesia Sancti Launi.*

¹⁴⁶ Chartes et documents de l'abbaye de Charroux. Nr. 22. P. 124.

¹⁴⁷ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 3. P. 72; Nr. 6. P. 87; Nr. 6. P. 89; Nr. 10. P. 91; Nr. 68. P. 142; Nr. 106. P. 163; Nr. 199. P. 228; Nr. 295. P. 283; Nr. 297. P. 286; Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars. Nr. 16. P. 18.

¹⁴⁸ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 158. P. 191; Nr. 192. P. 224; Nr. 193. P. 225; Nr. 197. P. 230; Nr. 262. P. 289; Nr. 287. P. 313–314; Nr. 335. P. 352; Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 107. P. 164; Nr. 107. P. 5169; Nr. 210. P. 233; Nr. 292. P. 281; Nr. 293. P. 282; Nr. 301. P. 289; Nr. 304. P. 291–292; Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 2. Nr. 457. P. 119; Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 162. P. 189.

¹⁴⁹ Cartulaire de Saint-Jouin-les-Marnes. P. 7.

¹⁵⁰ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars. Nr. 12. P. 15.

¹⁵¹ Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 91. P. 131.

¹⁵² Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 273. P. 270; Nr. 303. P. 291.

¹⁵³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 211. P. 243; Nr. 216. P. 246; Nr. 300. P. 326.

¹⁵⁴ Ibid. Nr. 211. P. 242–243.

¹⁵⁵ Ibid. P. 243.

¹⁵⁶ Ibid. Nr. 216. P. 246.

¹⁵⁷ Ibid. Nr. 300. P. 326: Ego Guillelmus, filius Johannis de Isernai, omnia que querebam in domo monachorum et viridario apud Isernai concessi sancto Adjutori Maxentio ibi capitulo, videntibus monachis sedentibus et plurimis laicis subtextis scriptis, habuique ab Erancio monacho obedienciario ejusdem loci unam ocham terre in mutatione et X solidos in caritate.

¹⁵⁸ Ibid. Обычно в подобных документах слово *guch* в сочетании с глаголом *firmo* применяется в форме аблатива множественного числа, т.е. имеет явно инструментальное значение.

¹⁵⁹ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 273. P. 270.

¹⁶⁰ Ibid.: Cujus frater, Burgundus scilicet, in nostrum capitulum venit, societatem nostrum et beneficium sibi et parentibus suis fratrique occiso suscepit.

¹⁶¹ Ibid. Nr. 303. P. 291.

¹⁶² Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 197. P. 230: Jordanus de la Branda firmavit hoc donum, vidente Giraudo Ulrico; Stephanus de Sarnac et Goffredus frater ejus, ad Vitrac, cum missallo æcclesiæ.

¹⁶³ Ibid. Nr. 192. P. 224: ... et jus quod requirebant, cum missallo ecclesiæ de Vitrac in eadem basilica super altare, dederunt sancto Maxentio et servitoribus ejus.

¹⁶⁴ Ibid. Nr. 193. P. 225: Cum missallo de ecclesia supra altare hoc donum miserunt.

¹⁶⁵ То есть участок такой площади, который можно было засеять тремя эминами зерна (каждая содержала примерно 20 литров). См.: *Mediae latinitatis lexicon minus* / Ed. J. F. Niermeyer. Leiden, 1976. P. 683.

¹⁶⁶ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 107. P. 164.

¹⁶⁷ Cartulaire de Saint-Jouin-les-Marnes. P. 7: Ipse vero furnum, sine ullo retinaculo et ulla calumpnia, sancto Jacobo et monachis ibi Deo servientibus concessit. Dedit etiam vicariam quam habebat de fedo Gauterii Vallicoloris patris uxoris sue in propria terra sancte Virgane et duos homines de Varena; Vandum scilicet et fratrem ejus.

¹⁶⁸ *Mediae latinitatis lexicon minus* / Ed. J. F. Niermeyer. Leiden, 1976. P. 1027–1028.

¹⁶⁹ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 22. P. 49–50.

¹⁷⁰ Cartulaire de l'abbaye de Talmond. Nr. 297. P. 286.

¹⁷¹ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 162. P. 189.

¹⁷² Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars. Nr. 12. P. 15.

¹⁷³ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 158. P. 191.

Глава 3

¹ *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 15.

² *Tock B.-M.* L'acte privé en France, VIIe siècle – milieu du Xe siècle // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Âge.* 1999. Т. 111, n. 2. P. 516.

³ *Новицкий И.Б., Перетерский И.С.* Римское частное право. М., 2012. С. 400–401; *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 2008. С. 562–563.

⁴ *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С. 307; *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2008. С. 322.

⁵ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. 669; *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters. München; Berlin, 1911. S. 97; *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde im Mittelalter // *Archivalische Zeitschrift.* Köln, 1979. Bd. 75. S. 236–249; *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Stuttgart, 1966. Bd. 1. S. 118–122; *Lowe K.A.* Lay Literacy in Anglo-Saxon England and the Development of the Chirograph // *Anglo-Saxon Manuscripts and their Heritage* / Ed. P. Pulsiano, E. M. Treharne. Aldershot, 1998. P. 171.

⁶ *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde... S. 237–238.

⁷ *Bede* Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum / Ed. J. Smith. Cambridge, 1722. P. 772; *Sawyer P. H.* Anglo-Saxon Charters: An Annotated List and Bibliography. London, 1968. N 1283; *Lowe K.A.* Lay Literacy... P. 174, 188, Nr. 9.

⁸ *Cartularium Saxonicum* / Ed. W. de Gray Birch. London, 1887. Vol. 2. Pt. 1. Nr. 560. P. 198.

⁹ *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde... S. 244.

¹⁰ *Ibid.* S. 242–243.

¹¹ *British Library, Add. Charter 19791; Cartularium Saxonicum...* Vol. 2. Pt. 1. Nr. 609. P. 268; *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde... S. 244.

¹² *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte...

¹³ *Lowe K. A.* Lay Literacy... P. 182, Anm. 40.

¹⁴ См.: *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte... // *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. Stuttgart, 1966. Bd. 1. S. 119.

¹⁵ *Ibid.* S. 120. Cf. *Bischoff B.* Wendepunkte in der Geschichte der lateinischen Exegese im Frühmittelalter // *Sacris erudiri.* 1954. Vol. 6. S. 189–281, spec. 260, 265.

¹⁶ Cf. *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde... S. 241.

¹⁷ *Lowe K. A.* Lay Literacy... P. 174–175.

¹⁸ *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde... S. 239–240.

¹⁹ *Sawyer P. H.* Anglo-Saxon Charters... Nr. 1273; *Lowe K. A.* Lay Literacy... P. 175, 188. Nr. 8.

²⁰ *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum... S. 118.

²¹ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre... S. 671.

²² <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte206/>

²³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte216/>

²⁴ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1189/>

²⁵ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre... S. 674.

²⁶ *Redlich O.* Die Privaturkunden... S. 99.

²⁷ Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 / Von J.-O. Tjäder. Uppsala, 1955. Papyr. 16. 17–18 (S. 322): (...) *mano propria pr[o]pter ignorantia litterarum signum s(an)c(t)ae crucis feci*; Ibid. Papyr. 20. 58–59 (S. 348): (...) *in qua subter propria manu pro ignorantia litterarum signum venerabilem s(an)c(t)ae crucis feci*.

²⁸ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. URL: <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/index/>

²⁹ *Monasterii regalis S. Martini de Campis Paris. Ordinis Cluniacensis historia libris sex partita* / Ed. M. Marrier. Parisii, 1636. P. 527–528; *Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des Champs: monastère parisien* / Ed. J. Depoin. Ligugé; Paris, 1912. T. 1. P. 108–110.

³⁰ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1189/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé* / Ed. P. de Monsabert // *Archives historiques du Poitou*. Poitiers, 1936. T. 49. Nr. 96. P. 159–161.

³¹ Ibid. Nr. 96. P. 161.

³² <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1243/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 116. P. 189–191.

³³ Ibid. Nr. 116. P. 190.

³⁴ Ibid. Nr. 116. P. 190.

³⁵ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1237/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 148. P. 233–235.

³⁶ Ibid. Nr. 148. P. 234.

³⁷ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1303/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 140. P. 220–222.

³⁸ Ibid. Nr. 140. P. 222: *Testes sunt hii: Stephanus de Cantoeern e duo filii sui*.

³⁹ Ibid. Nr. 141. P. 223.

⁴⁰ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1380/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 181. P. 286–287.

⁴¹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1292/>; *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 142. P. 223–226. Кроме того, грамотой 1087 г. удостоверяется передача имущественных прав, которую Петр Горемыка осуществил в пользу монастыря Св. Юниана перед тем как отправиться на помощь христианам, воюющим с сарацинами (<http://telma.irht.cnrs.fr/>)

outils/originaux/chartel274/; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 158. P. 250–252), а в 1090 г. Петр Горемыка передал аббатству Св. Юниана свои права на аллод (<http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/chartel281/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 161. P. 256–257). В конце документа мы встречаем указание на то, что уже хорошо знакомый нам Энгелельм из Мортемер скрепил документ своей рукой и поставил знак креста: S. Engelelmi de Mortemari, qui manu propria firmavit et crucis signum imposuit. Указания на подпись Петра встречаются еще в двух документах, которыми удостоверяются договоры между Энгелельмом и аббатством Св. Юниана: это грамота, составленная между 1091 и 1096 гг. (<http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/chartel1313/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 163. P. 259–260) и грамота, составленная между 1091 и 1108 гг. (<http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/chartel1337/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 165. P. 261–262).

⁴² Ср.: *Мажуга В.И.* Древнейшие грамоты епископов и князей Св. Римской империи в собрании Санкт–Петербургского филиала Института Российской истории // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Вып. 27. С. 288.

⁴³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/chartel253/>; Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / Ed. L. Rédet // MSAOu. 1848. A. 1847. Nr. 94. P. 102–103.

⁴⁴ Ibid. Nr. 94. P. 103.

⁴⁵ Ibid. Nr. 94. P. 103: S. Goscelini Burdegalsensium archiepiscopi, sancti Hylarii ejusdem ecclesie thesaurarii. S. Guillelmi decani. S. Otgisii cantor. S. Guillelmi subdecani. S. Viviani subcantoris.

⁴⁶ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/chartel030/>; Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 99. P. 108–109.

⁴⁷ Ibid. Nr. 99. P. 109.

⁴⁸ Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers / Ed. L. Rédet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1872. T. 1. Nr. 5. P. 12–14.

⁴⁹ Ibid. Nr. 5. P. 13.

⁵⁰ Ibid. Nr. 5. P. 13.

⁵¹ Ibid. Nr. 5. P. 14: Testes sunt hujus constitutionis ipse comes, qui firmavit eam, et omnes qui subsignati sunt. S. Ysemberti episcopi. S. Agnetis, matris hujus comitis. S. Aldenerti comitis. S. Hugonis vicecomitis. S. Hugonis de Liziniaco. S. Savarici vicecomitis et fratris ejus. S. Engelelmi. S. Petri de Briderio. S. Tetbaldi. S. Stephani. S. Guidonis. S. Arnaldi. S. Caloni.

⁵² Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 1 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1901. T. 30. Nr. 77. P. 104–106.

⁵³ Ibid. P. 105.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. Nr. 77. P. 105: S. Laterii (=Leterii). S. Petri. S. Aimerici. S. Constantini. S. Petronillæ. S. Valeris (=Valerie). S. Gisleberis. S. Babylonæ. S. Milescondis.

⁵⁶ Ibid. Nr. 77. P. 105–106.

⁵⁷ Ibid. Nr. 234. P. 289–290.

⁵⁸ Ibid. Nr. 234. P. 290: (...) quo (sic!) ædificata, Constantinus Arnaldi egretulit, dicens illud novum molendinum esse contrarium suo veteri molendino quod habebat in casamenta (=casamento), quod tenebat de ipso Gaufrido Archembaldi.

⁵⁹ Ibid. Nr. 234. P. 290.

⁶⁰ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1327/>; Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 107. P. 118–119.

⁶¹ Ibid. Nr. 107. P. 119.

⁶² Ibid.: S. Willelmi comitis Pictavensis. S. Ebonis Parteniaci. S. Guillelmi thesaurarii. S. Guillelmi de Turre. S. Costantini subcantoris. S. Salomonis magistri scholarum. S. Petri Garnerii. S. Gerardi Siebrandi. S. Guillelmi Arnaudi. S. Petri Lunelli. S. Guillelmi Samsonis. S. Girardi Perlarme.

⁶³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1356/>

⁶⁴ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925. P. 599–600.

⁶⁵ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France (VIIe – début du XIIe siècle). Turnhout, 2005. P. 351–360.

⁶⁶ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / Ed. A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16. Nr. 273. P. 300–301.

⁶⁷ Ibid. Nr. 273. P. 300: Orig., chirographe, dont les deux exemplaires se trouvent, l'un aux archives de Deux-Sèvres, H. 99, l'autre à la bibliothèque de Poitiers, n 10.

⁶⁸ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. URL: <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/index/>

⁶⁹ Chartes et documents de Saint-Maixent. Nr. 273. P. 300: S. domni Gofredi abbatis. S. prioris. S. Hugonis, et multorum aliorum. S. Radulfi Bisardi. S. Goscelmi Marscal. S. Petri Garnaldi. S. Bernerii.

⁷⁰ Ibid. P. 300: Les croix qui précèdent les souscriptions sont autographes.

⁷¹ Chartes poitevines de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur / Ed. P. Marchegay // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1873. T. 2. Nr. 18. P. 29–31.

⁷² Ibid. P. 31.

⁷³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1344/>

⁷⁴ *Cottineau L.H.* Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés. Macon, 1936. T. 2. P. 2890; *Beaunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1910. T. 3. P. 241.

⁷⁵ Cottineau L.H. Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés. Macon, 1936. T. 1. P. 60.

⁷⁶ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 117. P. 131–132.

⁷⁷ Ibid. Nr. 118. P. 132–134.

⁷⁸ Ibid. Nr. 118. P. 134.

⁷⁹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3451/>; Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 7. P. 16–18.

⁸⁰ Ibid. Nr. 7. P. 17–18: Hujus autem æcclesiæ institutionem Fulco comes sua auctoritate firmavit pluresque boni viri: ipse videlicet albericus, auctor, cum Milesende uxore sua et filiis eorum Goffredo et Petro, Goffredus filius comitis Fulconis, qui adhuc puer erat, Isembertus Pictavensis episcopus, Garinus de Fonteniis, Fulco ejus filiaster, Elinannus de Cinomanne, qui tunc suam gardam in castro Lausduno faciebat, Alo Silvanus, Girorius filius Goscelini, Ugo villicus, Aimericus de Faia et omnes vavassores ipsius castelli.

⁸¹ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. 1. Nr. 50. P. 78–79.

⁸² Ibid. Nr. 50. P. 78.

⁸³ Ibid. Nr. 50. P. 79.

⁸⁴ Ibid. Nr. 51. P. 79–80.

⁸⁵ Ibid. Nr. 51. P. 80.

⁸⁶ Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 2 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1903. T. 33. Nr. 452. P. 114–115.

⁸⁷ Ibid. Nr. 452. P. 115.

⁸⁸ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 109. P. 120.

⁸⁹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1376/>

⁹⁰ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux / Ed. D. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1910. T. 39. Nr. 35. P. 141–142.

⁹¹ В Оне, находившемся на известной паломнической дороге, до сих пор сохраняется замечательная церковь XII в., принадлежавшая в то время и вплоть до 1790 г. капитулу кафедрального собора Пуатье.

⁹² Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 96. P. 134–135.

⁹³ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 210. P. 326–328.

⁹⁴ Ibid. Nr. 210. P. 327.

⁹⁵ Ibid.: Hec pactio et ista concordia prius facta est a dompno Rotberto venerabili valde viro atque abbate Nobiliacensi, ac fratre Ademaro Allodiensi ac dompno Reinaldo priore Mairiacensi apud eundum vicum, videlicet Mairiacum.

⁹⁶ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 134. P. 153–154.

⁹⁷ Ibid. Nr. 134. P. 154.

⁹⁸ См. два примера из грамот монастыря Св. Юниана на с. 104–106, относящиеся – один к 1040–1078 гг., а другой – к 1078 г.; ср. хирограф того же происхождения, написанный между 1077 и 1091 гг., на с. 106–107. Еще один пример представляет хирограф 1121 г. аббатства Св. Флоренция (с. 116–117).

⁹⁹ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 118. P. 134; Nr. 135. P. 155; Nr. 139. P. 160; Nr. 145. P. 165; Nr. 147. P. 171; Nr. 154. P. 182.

¹⁰⁰ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars / Ed. H. Imbert. Niort, 1876. Nr. 86. P. 74.

¹⁰¹ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 172. P. 199.

¹⁰² Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 148. P. 233.

¹⁰³ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 134. P. 153; Nr. 138. P. 158; Nr. 150. P. 174.

¹⁰⁴ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon. Nr. 79. P. 68.

¹⁰⁵ Documents de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 157. P. 185; Nr. 163. P. 190; Nr. 171. P. 198.

¹⁰⁶ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 594, 597–598.

¹⁰⁷ Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens. Papyr. 16, Z. 17–18 (S. 322); Papur. 20, Z. 58–59 (S. 348). Ср. выше примеч. 27.

¹⁰⁸ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3451/>; Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 7. P. 18: Hubertus scripsit.

¹⁰⁹ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France. P. 272.

¹¹⁰ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1884/>

¹¹¹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3840/>

¹¹² *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 510.

¹¹³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte1918/>

¹¹⁴ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 593–594.

¹¹⁵ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte2762/>

¹¹⁶ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte2762/>: Signum Bernardus Petri de Armadanicis. Signum Bernardus Pontii. Signum Raimundus Agulions. Signum Rostagnus. Signerius. Signum Odolicus de Calmelcio.

¹¹⁷ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3824/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse / Ed. E. Magnou-Nortier, A.-M. Magnou. Paris, 1996. T. 1. Nr. 180. P. 240–241.

¹¹⁸ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France. P. 361: ... en Italie une pratique très répandue est l'autographie de la croix reprise dans le *Signum*.

¹¹⁹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. P. 593–594.

¹²⁰ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France. P. 160–163.

¹²¹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3828/>

¹²² Биографии правительницы Нарбонны посвящена отдельная монография (*Cheyette F.L.* Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours. Ithaca; New York, 2018).

¹²³ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3834/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. T. 1. Nr. 195. P. 257–258.

¹²⁴ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France. P. 360–363.

¹²⁵ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3831/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. T. 1. Nr. 189. P. 251.

¹²⁶ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3830/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. T. 1. Nr. 184. P. 243–244.

¹²⁷ *Zimmermann M.* Écrire et lire en Catalogne (IXe–XIIe siècle). Madrid, 2003. T. 1. P. 89.

¹²⁸ *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France. P. 361.

¹²⁹ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3811/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. T. 1. Nr. 126. P. 182.

¹³⁰ <http://telma.irht.cnrs.fr/outils/originaux/charte3820/>; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. T. 1. Nr. 171. P. 231–232.

¹³¹ Cartulaire de Béziers / Ed. J. Rouquette. Paris; Montpellier, 1918. Nr. 72. P. 90–91.

¹³² Ibid. Nr. 72. P. 91.

¹³³ Ibid. Nr. 72. P. 91: Signum Gaucelmi Arnaldi, et Raimundi Ricinini, et Gauberti Aurusa, et Luponi Rainardi, et Willelmi fratris sui, et Petri Gonbaldi.

¹³⁴ Ibid. Nr. 87. P. 111–112.

¹³⁵ Ibid. Nr. 87. P. 112.

¹³⁶ Cartulaire roussillonnais / Ed. J.-B. Alart. Perpignan, 1880. Nr. 58. P. 88.

¹³⁷ Современными исследователями документальное наследие монастыря исследовалось мало. К сожалению, для нас осталась недоступной статья: *Delcor M.* Quelques grandes étapes de l'histoire de Saint-Martin du Canigou aux XIe et XIIe siècles (documents et monuments) // Cahiers de Saint-Michel de Cuxa. 1981. T. 12. P. 49–77.

¹³⁸ Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde / Ed. R. Foreville. Paris, 1995. Nr. 190. P. 261.

¹³⁹ В Корнейан (Cornelianum), который находится в 7 км к северо-северо-западу от Безье и в 32 км от Агда, располагался настоящий замок, принадлежавший видному семейству сеньоров. Один из них, тоже Эрменгауд, упоминается под 1247 г. (*Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores* / Ed. L. Delisle. Paris, 1904. T. 24. Pt. 2. P. 364).

¹⁴⁰ Возможно, имеется в виду церковь Сен-Понс-де-Томье (Sanctus Pontius Tomeriarum).

¹⁴¹ Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde. Nr. 190. P. 261.

¹⁴² Ibid. Nr. 279. P. 324.

¹⁴³ Ibid. Nr. 245. P. 298: Signum Bernardi Barrali canonici Sancti Stephani.

¹⁴⁴ Ibid. Nr. 249. P. 300: Hoc donum suprascriptum feci ego, jamdictus episcopus canonicis Sancti Stephani: scilicet Guillelmo Rainaldi, Petro Berengarii, Ermengauda, Raimundo Capellano, Bernardo Barral, Pontio Cacianensi, Petro Guiraldi, Petro caputscole, Guillelmo de Aviaz, Raimundo de Beciano.

¹⁴⁵ Ibid. Nr. 11. P. 108–109: Ego Raimundus, Dei gratia episcopus Agathensis, dono et laudo canonicis Sancti Stephani, Ermengauda archidiacono, et Raimundo sacriste, et Petro capitiscole, et Petro Berengarii, et Pontio de Caciano, et Bernardo Torolle, et Bernardo Barrali, et Petro de Beciano.

¹⁴⁶ Имя первого персонажа – Гвиллельма Раинальди, по-видимому, долгожителя, встречается еще в пяти грамотах, содержащихся в копии картулярия. В документе 1078 г. он назван в числе тех, кто поставил свой знак в ряду других лиц (Nr. 114. P. 197). В грамоте 1107 г. он упомянут среди тех, в чьем присутствии был совершен представленный в документе акт, при этом в одном ряду с ним названы все те же Петр Беренгар и Бернанд Барраль (Nr. 254. P. 304). В присутствии Гвиллельма Раинальди (вместе с которым упомянут Петр Беренгар) был совершен и акт, сведения о котором дошли до нас в грамоте, составленной между 1098 и 1122 гг. (Nr. 293. P. 335). Еще раз оба этих лица выступают в качестве свидетелей в грамоте 1117 г. (Nr. 244. P. 297). Наконец, 1137 годом датируется завещание некоего Гвиллельма Раинальди, в котором в числе свидетелей упомянуты уже знакомые нам Бернанд Барраль и Петр Беренгар (Nr. 18. P. 116–117). Что касается Петра Беренгара, то кроме вышеуказанных случаев, он упоминается в качестве свидетеля в завещании, датированном 1107 г. (Nr. 218. P. 278–279), и в документе, составленном ок. 1120 г. (Nr. 207. P. 271). Третий персонаж – Бернанд Барраль – помимо упомянутых случаев фигурирует в качестве свидетеля в двух документах 1110 г. (Nr. 225. P. 284; Nr. 231. P. 288), одном документе 1111 г. (Nr. 193. P. 263) и грамоте 1126 г. (Nr. 252. P. 302–303).

¹⁴⁷ Cartulaire de Béziers. Nr. 133. P. 183–184.

¹⁴⁸ Ibid. Nr. 133. P. 184: Signum Raimundi de Monte rotundo archidiaconi, et Raimundi de Muro vetulo archidiaconi, et Ugonis camerarii, et Bernardi de Teciano, et Matfredi capitis scole.

¹⁴⁹ Cp.: Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens. Papyr. 12, Z. 65, 68, 72 (S. 306), Papyr. 16, Z. 33, 55 (S. 324), Papyr. 20, Z. 71 (S. 348) etc.

¹⁵⁰ См.: Cortese E. *Intorno agli antichi iudices toscani e i caratteri di un ceto medievale* // Cortese E. *Scritti*. Spoleto, 1999. Т. 1. P. 747–782, особо 753 sqq.

¹⁵¹ *Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde*. Nr. 174. P. 248.

¹⁵² См. предыдущий документ картулярия: *Cartulaire de Béziers*. Nr. 158. P. 216–219.

¹⁵³ *Ibid.* Nr. 159. P. 219–220.

¹⁵⁴ Гвиллельм Бернади с родственниками получал по нему не только владение в Рамежан, но и в Бассан, к тому же Петр, сеньор Пепье, должен был выплатить ему 700 солидов доброй монетой из Мельгей, в то же время последний получал замки Пюиссергье и Капстанг (*castellum de Capite Stagno, Capestang*, между Безье и Нарбонной). *Ibid.* Nr. 158. P. 217–218.

¹⁵⁵ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 153. P. 208: (...) *ipsum complantum riparie, quam habemus ad Areguam in terminio de Villa nova, sicut molionatum est de tribus molionis in intus versus aquam*. Очевидно, речь шла о мельницах на речке Орб.

¹⁵⁶ *Ibid.* Nr. 153. P. 208–209.

¹⁵⁷ Приведем здесь полный список представленных каноников: архидиакон Уго из сеньоров Корнейан, архидиакон Матфред, архидьякон Дедодат из сеньоров Отиньяк (*de Altiniaco*, совр. *Autignac*), ризничий Гвиллельм Люпонис, Гвиллельм из Безье, Арманд и Раймунд из сеньоров Монпаон и Иоанн Давид.

¹⁵⁸ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 156. P. 213.

¹⁵⁹ Приведем полный их список: архидиакон Уго из рода сеньоров Корнейан (*Ugo de Corneliano arhidiaconus*), архидиакон Матфред, схоларх (*caput scole*) Гвиллельм Люпонис, министерал каноников (*ministralis*) Петр Caderia (*Ibid.* P. 213).

¹⁶⁰ *Ibid.* Nr. 160. P. 220–221.

¹⁶¹ *Ibid.* Nr. 120. P. 167–168.

¹⁶² Отметим, что в знакомом нам по первой из рассмотренных групп документов хирографе 1117 г., где речь идет о дарении капеллы и участка земли двум благочестивым дамам в Пине к северу от Агда, то же слово применено в качестве названия участка: *peciam unam de terra, que vocatur Agulionem* (*Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde*. Nr. 279. P. 324. Ср. с. 146–147).

¹⁶³ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 120. P. 168: (...) *signum Petro d[e] Altiniaco, et Ermengaudo de Corneliano, et Raimundo Andree, filio ejus Andree clerico, et Stephanus Bernardo, et filio ejus Guillelmo clerico*.

¹⁶⁴ *Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde*. Nr. 190. P. 261. Ср. выше с. 145–146.

¹⁶⁵ *Ibid.* Nr. 302. P. 342.

¹⁶⁶ Ibid. Nr. 302. P. 342: S. Raimundus sacrista. S. Petrus Betiani. S. Bernardus capellanus Pineti. S. Pontius Gaucelini Pabirani. S. Guillelmus Austorgi. S. Porcelli. S. Petrus capellanus Pabirani.

¹⁶⁷ Cartulaire de Béziers. Nr. 154. P. 210.

¹⁶⁸ Вероятно, не только Гвиллельм, но и его брат Понций, как и сама Бернарда, принадлежали к роду сеньоров Корнейан, представителей которого мы уже встречали в некоторых из рассмотренных нами грамотах, см. выше с. 161–162, 166, 172–173 (Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde. Nr. 190. P. 261; Nr. 174. P. 248; Cartulaire de Béziers. Nr. 120. P. 168).

¹⁶⁹ Cartulaire de Béziers. Nr. 154. P. 210: Signum Matfredi archidiaconi Sancti Nazarii, Martini sacriste, et Raimundi de Monte Pahono, Petri Lupi, Petri Raimundi de Maureliano, Guillelmi de Biterris et fratris sui, Petri de Laspiniario, Guillelmi Guitardi, et Raimundi Escarriani fratris sui. Bligerii, Guillelmi Arnaldi de Columbariis, et Berengarii Coloroni, in quorum presentia predicta Bernarda predictum escambium et emendamentum spontane recepit.

¹⁷⁰ Cf.: Ibid. Nr. 153. P. 208.

¹⁷¹ См.: *Hamlin F.R., Cabrol A.* Les noms de lieux du département de l'Hérault: nouveau dictionnaire topographique et étymologique. Montpellier, 1988. Pt. 4. P. 177.

¹⁷² Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde. Nr. 255. P. 304–305.

¹⁷³ Cartulaire de Béziers. Nr. 164. P. 225–226.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Подлинные грамоты XII–XIII вв.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Западноевропейская секция. Карт. 326 (№ 3, 3 а, 4, 14, 16, 18, 52), 327 (№ 9, 15, 33, 35), 328 (№ 2, 3, 4), 332 (№ 7, 9, 19, 20 а).

Цифровые воспроизведения оригиналов грамот IX–XII вв.

Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Ed. C. Giraud, J.-B. Renault et V.-M. Tock. Nancy: Centre de Médiévisique Jean Schneider; éds électronique: Orléans: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010: № 352, 1189, 1243, 1237, 1253, 1281, 1292, 1303, 1327, 1331, 1337, 1344, 1356, 1376, 1380, 1884, 1918, 3811, 3820, 3824, 3828, 3830, 3831, 3834, 3954, 3956.

1. Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Подгот. к изд. С. А. Аннинский; под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937.
2. «Дарение Агелтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) / Публ. Е. Ч. Скржинской // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 338–347.
3. Неизданные кремонские акты XII в. / Публ. А. М. Кононенко // Средние века. 1964. Вып. 26. С. 181–184.
4. Поручительство из Пьяченцы (Частный акт 938 г.) / Публ. А. М. Кононенко // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 350–356.
5. Bede Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum / Ed. J. Smith. Cambridge, 1722.

6. Cartulaire de Béziers / Ed. J. Rouquette. Paris; Montpellier, 1918.
7. Cartulaire de Brioude / Ed. H. Doniol. Clermont-Ferrand; Paris, 1863.
8. Cartulaire de l'abbaye cardinale de la Trinité de Vendome / Ed. Ch. Métais. Chartres; Vannes, 1900. T. 4.
9. Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue / Ed. G. Desjardins. Paris, 1879.
10. Cartulaire de l'abbaye de Lézat / Ed. P. Ourliac, A.-M. Magnou. Paris, 1984. T. 1.
11. Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars / Ed. H. Imbert. Niort, 1876.
12. Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille / Ed. B. Guérard. Paris, 1857. T. 1.
13. Cartulaire de l'abbaye de Talmond / Ed. La Boutetière L. de // Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1873. T. 36. A. 1872. P. 41–498.
14. Cartulaire de l'abbaye royale de Notre-Dame de Saintes // Cartulaires inédits de la Saintonge / Ed. T. Grasilier. Niort, 1871.
15. Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 1 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1901. T. 30.
16. Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. 2 / Ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris; Saintes, 1903. T. 33.
17. Cartulaire de l'abbaye Sainte-Croix de Bordeaux / Ed. A. Ducaunnes-Duval // Archives historiques du département de la Gironde. Bordeaux, 1892. T. 27.
18. Cartulaire de l'église collégiale Saint-Seurin de Bordeaux / Ed. J.-A. Brutaills. Bordeaux, 1897.
19. Cartulaire de Maguelone / Ed. J. Rouquette, A. Villemagne. Montpellier, 1912. T. 1.
20. Cartulaire de Sauxillanges / Ed. H. Doniol. Clermont-Ferrand; Paris, 1864.
21. Cartulaire des abbayes de Tulle et de Roc-Amadour / Ed. J.-B. Champeval. Brive, 1903.
22. Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers / Ed. L. Rédet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1872. T. 1. P. 1–51.
23. Cartulaire du prieuré de Saint-Pierre de la Réole / Ed. Ch. Grellet-Balguerrie // Archives historiques du département de la Gironde. Paris; Bordeaux, 1863. T. 5. P. 99–186.
24. Cartulaire roussillonnais / Ed. J.-B. Alart. Perpignan, 1880.
25. Cartularium Saxonicum: Collection of Charters. Vol. 2 / Ed. W. de Gray Birch. London, 1887.
26. Chartes de l'abbaye de Nouaillé de 678 à 1200 / Ed. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1936. T. 49.

27. Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux / Ed. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1910. T. 39.
28. Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / Ed. A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16.
29. Chartes poitevines de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur / Ed. P. Marchegay // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1873. T. 2. P. 1–148.
30. Chartularium Sancti Jovini: Cartulaire de Saint-Jouin-les-Marnes / Ed. A. Grandmaison // Mémoires de la société de statistique du département des Deux-Sèvres. Niort, 1854. T. 17. Pt. 2.
31. Chronicon abbatiae Sancti Maxentii Pictavensis // Chroniques des églises d'Anjou / Ed. P. Marchegay, E. Mabille. Paris, 1869.
32. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 / Von J.-O. Tjäder. Uppsala, 1955.
33. Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / Ed. L. Rédet // Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1848. A. 1847.
34. Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae, 1886.
35. Le cartulaire du chapitre cathédral Saint-Étienne d'Agde / Ed. R. Foreville. Paris, 1995.
36. Leges Burgundionum / Ed. L. R. de Salis // Monumenta Germaniae Historica. Leges nationum Germanicarum. Hannoverae, 1892. T. 2. Pars 1.
37. Lex Romana Visigothorum / Instruxit G. Haenel. Lipsiae, 1849.
38. Monasterii regalis S. Martini de Campis Paris. Ordinis Cluniacensis historia libris sex partita / Ed. M. Marrier. Parisiis, 1636.
39. Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des-Champs: monastère parisien / Ed. J. Depoin. Ligugé; Paris, 1912. T. 1.
40. Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse / Ed. E. Magnou-Nortier, A.-M. Magnou. Paris, 1996. T. 1.
41. Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores / Ed. L. Delisle. Paris, 1904. T. 24. Pt. 2.
42. The Chronicle of Croyland Abbey by Ingulph / Ed. W. de Gray Birch. Wisbech, 1883.

Литература

1. Бартошек М. Римское право. М., 1989.
2. Габдрахманов П.Ш. Что за оказия? Казус средневекового хирографа из архива аббатства Святого Петра в Генте // Средние века. 2007. Вып. 68 (2). С. 143–161.
3. Габдрахманов П.Ш. Странный средневековый свиток. Загадки описания алтарных трибутариив в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. М., 2012. Кн. I.

4. *Габдрахманов П.Ш.* Приоткрытый средневековый кодекс. Загадки описания алтарных трибутариив в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. М., 2016. Кн. II.
5. *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 2008.
6. *Касатов А.А.* Меч и нож как символы ввода во владение в Англии XI–XIII вв. // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. М., 2005. С. 137–157.
7. *Касатов А.А.* Сейзина: право, власть и общество в англо-нормандском королевстве X–XIII веков. СПб., 2019.
8. *Касатов А.А.* Символика акта сейзины в Англии XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Вып. 30. С. 297–310.
9. *Касатов А.А., Комарова Е.А.* Неизвестные нормандские документы XII–XIV веков из коллекции Н.П. Лихачева в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб., 2014. С. 135–151.
10. *Кононенко А.М.* К вопросу о западноевропейском средневековом частном акте // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 350–360.
11. *Кононенко А.М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 318–330.
12. *Кононенко А.М.* Проблема классификации западноевропейского частного акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 109–123.
13. *Мажуга В.И.* Грамоты аббатства Фонтевро в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 295–317.
14. *Мажуга В.И.* Грамоты XIII в. монастыря Бельруа (Архив ЛОИИ СССР АН СССР) // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 229–247.
15. *Мажуга В.И.* Грамоты цистерцианских аббатств Бургундии и Франш-Конте (1203–1290) // Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Л., 1982. С. 37–82.
16. *Мажуга В.И.* Древнейшие грамоты епископов и князей Св. Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории // ВИД. 2000. Вып. 27. С. 273–293.
17. *Маклакова С.В.* Древнейшие документы Аквилы в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2018. Вып. 37. С. 13–39.
18. *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частнопроводной акт). Л., 1988.
19. *Новицкий И.Б., Перетерский И.С.* Римское частное право. М., 2012.

20. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.
21. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2008.
22. *Срединская Н.Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017.
23. *Сухино-Хоменко Д. В., Гимон Т.В.* Государи и грамоты: введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии // *Graphosphaera. Письмо и письменные практики / Writing and Written Practices.* 2002. Т. 2. № 1. С. 25–174.
24. *Травин И.Д.* Древнейшие документы по истории Милана в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2019. Вып. 38. С. 100–128.
25. *Филиппов И.С.* Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: опыт реконструкции // *Средние века.* 1988. Вып. 51. С. 201–221.
26. *Филиппов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
27. *Чиркова А.В.* Грамоты XIII в. приората Сент-Фуа в Куломье из собрания Санкт-Петербургского института истории РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2002. № 28. С. 93–112.
28. *Чиркова А.В.* Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб., 2019.
29. *Amira K. v.* Der Stab in der germanischen Rechtssymbolik. München, 1909.
30. *Amira K. v.* Die Wadiation. München, 1911.
31. *Arcère L.-E.* Histoire de la ville de La Rochelle et du pays d'Aulnis. La Rochelle, 1757. Т. 2.
32. *Aubenas L.* Étude sur le notariat provençal au moyen-âge et sous l'ancien régime. Aix-en-Provence, 1931.
33. *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés dans la France médiévale // *Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV.* Valencia, 1989. Т. 2. P. 701–772.
34. *Beaunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1910. Т. 3.
35. *Beaunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1912. Т. 5.
36. *Beaunier Ch., Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; Paris, 1920. Т. 8.
37. *Belmon J.* «In conscribendis donationibus hic ordo servandus est...»: l'écriture des actes de la pratique en Languedoc et en Toulousain (IXe–Xe siècle) // *Auctor et auctoritas: invention et conformisme dans l'écriture médiévale: actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999 / Réunis sous la direction de Michel Zimmermann.* Paris, 2001. P. 283–320.
38. *Benech R.-O.* La Lex Romana Visigothorum dite Bréviaire d'Alaric // *Mélanges de droit et d'histoire.* Paris, 1857. P. 571–618.

39. *Beyerle F.* Das Formel-Schulbuch Merkulfs // Aus Verfassungs- und Landesgeschichte: Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer. Lindau; Konstanz, 1955. Bd. 2. S. 365–389.
40. *Bischoff B.* Wendepunkte in der Geschichte der lateinischen Exegese im Frühmittelalter // *Sacris erudiri*. 1954. Vol. 6. S. 189–281.
41. *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum // Bischoff B. *Mittelalterliche Studien*. Stuttgart, 1966. Bd. 1. S. 118–122.
42. *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. L'acte privé. Paris, 1948.
43. *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1.
44. *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1915. Bd. 2.
45. *Brissaud J.* A History of French Private Law. Boston, 1912.
46. *Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. Bd. 1.
47. *Castaing-Sicard M.* Les contrats dans le très ancien droit toulousain, X^e–XIIIe siècle. Toulouse, 1959.
48. *Carlin M.-L.* La pénétration du droit romain dans les actes de la pratique provençale (XIe–XIIIe Siècle). Paris, 1967.
49. *Chassel J.-L.* Chirographes, sceaux et notaires. Remarques sur l'usage des formes mixtes dans les actes des XIIe et XIIIe siècles // *Marques d'authenticité et sigillographie*. Recueil d'articles publiés en hommage à René Laurent / Ed. C. de Moreau de Gerbey, A. Vanrie. Bruxelles, 2006. P. 59–66.
50. *Chevalier U.* Répertoire des sources historiques du moyen âge. Topo-bibliographie. Montbéliard, 1903. Pt. 2.
51. *Cheyette F. L.* Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours. Ithaca; New York, 2018.
52. *Cholet P.-F.-E.* Notice sur les seigneurs de Châtel-Aillon et de Rochefort // *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*. Poitiers; Paris, 1854. A. 1853. P. 165–187.
53. *Clanchy M. T.* From Memory to Written Record: England, 1066–1307. Oxford, 1993.
54. *Conrat M.* Breviarium Alaricianum. Römisches Recht im Fränkischen Reich in systematischer Darstellung. Leipzig, 1903.
55. *Cortese E.* Intorno agli antichi *iudices* toscani e i caratteri di un ceto medievale // Cortese E. *Scritti*. Spoleto, 1999. T. 1. P. 747–782.
56. *Cottineau L. H.* Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés. Macon, 1936. T. 2.
57. *Delcor M.* Quelques grandes étapes de l'histoire de Saint-Martin du Canigou aux XIe et XIIe siècles (documents et monuments) // *Cahiers de Saint-Michel de Cuxa*. 1981. T. 12. P. 49–77.

58. *Delisle L.* Rapport sur le concours d'histoire // Revue des sociétés savantes des départements. Paris, 1866. T. 3. P. 496–530.
59. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Ed. F. Cabrol, H. Leclercq. Paris, 1928. T. 8. Pt. 1.
60. Diplomatique médiévale / Ed. O. Guyotjeannin, J. Pycke, B.-M. Tock. Turnhout, 2006.
61. *Du Cange Ch. du Fresne.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort, 1883. T. 2.
62. *Du Cange Ch. du Fresne.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Paris, 1938. T. 4.
63. *Dumas A.* Étude sur le classement des formes des actes // Le Moyen Age. Paris, 1933. T. 43. P. 81–97, 145–182, 251–264; *Idem.* Étude sur le classement des formes des actes // Le Moyen Age. Paris, 1934. T. 44. P. 17–41.
64. *Dumas A.* La diplomatique et la forme des actes // Le Moyen Age. Paris, 1932. T. 42. P. 5–31.
65. *Dumézil B., Rouche M.* Le Bréviaire d'Alaric. Aux origines du Code civil. Paris, 2008.
66. *Esmein A.* Études sur les contrats dans le très ancien droit français. Paris, 1883.
67. *Faye L.* Nouvelles recherches sur l'ancienne maison de Châtel-Aillon, en Anunis // Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1854. A. 1853. P. 189–247.
68. *Faye L.* Recherches sur l'ancienne maison de Châtelailon, en Anunis // Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1847. A. 1846. P. 383–423.
69. *Filippov I.* La structure du *Liber de honoribus* de Saint-Julien de Brioude à la lumière des cartulaires de son époque // Brioude aux temps carolingiens. Actes du colloque international organisé par la ville de Brioude 13–15 septembre 2007 / Ed. A. Dubreucq, Ch. Lauranson-Rosaz et B. Sanial. Le Puy-en-Velay, 2010. P. 119–139.
70. *Fillon B.* Inventaire des autographes et documents historiques réunis par M. Benjamin Fillon, décrits par Etienne Charavay. Paris, 1878–1900.
71. *Flach J.* Le droit romain dans les chartes du IXe au XIe siècle en France // Mélanges Fitting. Montpellier, 1907. T. 1. P. 383–421.
72. *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925.
73. *Gmür M.* Schweizerische Bauernmarken und Holzurkunden. Bern, 1917.
74. *Hamlin F. R., Cabrol A.* Les noms de lieux du département de l'Hérault: nouveau dictionnaire topographique et étymologique. Montpellier, 1988. Pt. 4.
75. *Higounet-Nadal A.* La pratique des courroies nouées aux XIe et XIIe siècles d'après le grand cartulaire de la Sauve Majeure // Bibliothèque de l'école des chartes. 2000. T. 158. Livr. 1. P. 273–282.
76. *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit. Inauguraldissertation. Marburg, 1904.

77. *Jacob R.* Du chirographe à l'acte notarié: l'instrument de la paix privée dans les villes du Nord, du 13ème au 16ème siècle // *Le Gnomon. Revue internationale d'histoire du notariat.* 1994. № 95–96. P. 17–30.
78. *Krusch B.* Ursprung und Text von Markulfs Formelsammlung // *Nachrichten der Göttinger Gelehrten Gesellschaft, phil.-hist. Klasse.* 1916. S. 231–274.
79. *Lambertini R.* La codificazione di Alarico II. Torino, 1991.
80. *Lemaitre J.-L.* Quelques réflexions sur les cartulaires méridionaux // *Les cartulaires méridionaux / Ed. D. Le Blévec.* Paris, 2006. P. 249–251.
81. *Lemarignier J.-F. A. de Bouïard.* Manuel de diplomatique française et pontificale. II. L'acte privé. Paris, 1948 // *Bibliothèque de l'école des chartes.* 1950. T. 108. P. 132–139.
82. *Levison W.* Zu Marculfs Formularbuch // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde.* 1935. Bd. 50. S. 616–619.
83. *Liebs D.* Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte. Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // *Recht im frühmittelalterlichen Gallien: spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen / Hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch.* Köln; Weimar, 1995. S. 1–28.
84. *Lowe K. A.* Lay Literacy in Anglo-Saxon England and the Development of the Chirograph // *Anglo-Saxon Manuscripts and their Heritage / Ed. P. Pulsiano, E. M. Treharne.* Aldershot, 1998. P. 161–203.
85. *Mayer E.* Die Einkleidung im germanischen Rechte. Leipzig, 1913.
86. *Mediae latinitatis lexicon minus / Ed. J. F. Niermeyer.* Leiden, 1976.
87. *Michelsen A. L. J.* Ueber die festuca notata und die germanische Traditionssymbolik. Jena, 1856.
88. *Monte A.* Neue Quellen zum griechisch-römisch-byzantinischen Ägypten: Erstedition von fünfzehn griechischen Papyrustexten der Berliner Papyrussammlung. Berlin, 2018 (Diss.).
89. *Moroni G.* Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica. Venezia, 1851. Vol. 51.
90. *Ourliac P.* Études d'histoire du droit médiéval. Paris, 1979.
91. *Parisse M.* Remarques sur les chirographes et les chartes-parties antérieurs à 1120 et conservés en France // *Archiv für Diplomatik. Schriftgeschichte Siegel- und Wappenkunde.* Köln; Wien, 1986. Bd. 32. S. 546–567.
92. *Patetta F.* Il Breviario Alariciano in Italia // *Archivio Giuridico.* Pisa, 1891. Vol. 47. P. 3–45.
93. *Polara G.* Lex Romana Visigothorum. Un contributo alla ricerca. Milano, 2004.
94. *Prell J. H.* Les souscriptions des chartes des comtes de Poitiers, ducs d'Aquitaine (1030–1137) // *Bibliothèque de l'école des chartes.* 1997. T. 155. P. 207–219.

95. *Ravan H.* Essai historique sur l'abbaye de Saint-Maixent et sur ses abbés // Mémoires de la société de statistique, sciences et arts des Deux-Sèvres. Niort, 1860–1861. T. 1. P. 82–188.
96. *Raymond P.* Confirmation d'actes par des nœuds faits à des courroies // Bibliothèque de l'école des chartes. 1872. T. 33. P. 283–285.
97. *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters. München; Berlin, 1911.
98. *Regesta pontificum Romanorum.* Ed. P. Jaffé. Leipzig, 1885. T. 1.
99. *Richard A.* Histoire des comtes de Poitou (778–1204). Paris, 1903. T. 1.
100. *Sawyer P. H.* Anglo-Saxon Charters: An Annotated List and Bibliography. London, 1968.
101. *Stouff L.* De formulis secundum legem Romanam a VII° sæculo ad XII^{um} sæculum. Parisiis, 1890.
102. *Stouff L.* Étude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Ve au XIIe siècle // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. Paris, 1887. A. 11. P. 249–287.
103. *Stouff L.* L'interpretatio de la loi romaine des Wisigoths dans les formules et les chartes du VIe au XIe siècle // Mélanges Fitting. Montpellier, 1908. T. 2. P. 165–188.
104. *Thévenin M.* Contributions à l'histoire du droit germanique // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. Paris, 1880. A. IV. P. 69–99.
105. *Tock B.-M.* L'acte privé en France, VIIe – première moitié du Xe siècle // Les transferts patrimoniaux en Europe occidentale, VIIIe – IXe siècles, I, [actes de la table ronde de Rome, 6, 7 et 8 mai 1999] (= Mélanges de l'École française de Rome, Moyen Âge. T. 111, 1999, n. 2). P. 499–537.
106. *Tock B.-M.* Scribes, souscripteurs et témoins dans les actes privés en France (VIIe – début du XIIe siècle). Turnhout, 2005.
107. *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde im Mittelalter // Archivalische Zeitschrift. Köln, 1979. Bd. 75. S. 236–249.
108. *Uddholm A.* Formulae Marculfi. Études sur la langue et le style. Uppsala, 1954.
109. Une mémoire partagée. Recherches sur les chirographes en milieu ecclésiastique (France et Lotharingie, Xe-mi XIIIe siècle) / Ed. L. Morelle, Ch. Senséby. Genève, 2019.
110. *Wolff H. J.* Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaeer und des Prinzipats. Bd. 2: Organisation und Kontrolle des privaten Rechtsverkehrs. München, 1978.
111. *Zeumer K.* Über die älteren fränkischen Formelsammlungen // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1881. Bd. 6. S. 9–115.
112. *Zimmermann M.* Écrire et lire en Catalogne (IXe-XIIe siècle). Madrid, 2003. T. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1	
Документы Раннего Средневековья вплоть до начала XII в. и традиции античности.....	23
Суждения о значении письменного документа в преамбулах раннесредневековых грамот Южной Франции	23
Эдикт Константина Великого в обоснование необходимости письменного удостоверения дарения	25
От римского дарения между супругами к имущественным договорам между монастырями	29
Series scripturarum (chartarum) как обозначение документов о передаче имущества свободными людьми.....	32
Эдикт Феодосия I о публичном удостоверении уступки имущества в раннесредневековой традиции	35
Порядок оформления документов в монастырях Пуату на рубеже XI–XII вв. (на примере подлинных грамот 1114 г. из собрания СПбИИ РАН).....	43
Грамота от лица Иземберта, сеньора Шателайон	49
Грамота от лица Петра Айральда.....	55
Глава 2	
Предметы-символы и письменный документ в удостоверении правовых актов в Пуату и Сентонже XI–XII вв.	63
Символы универсальные и условные	63
Символы преимущественно церковного характера	81
Глава 3	
Хирограф как тип средневекового документа. Его ранние примеры на юге Франции.....	96

Первые упоминания хирографа в раннесредневековой Ирландии и Англии.....	97
Распространение средневековой формы хирографа в Европе.....	101
Основные области распространения хирографа в Южной Франции.....	102
Хирографы из Пуату и Сетонжа.....	104
Ранние примеры (XI в.).....	104
Примеры из Пуату и Сетонжа первой половины XII в.	115
Хирографы из Пуату и Сетонжа без явных указаний на знаки.....	121
Некоторые общие наблюдения над хирографами XI–XII вв. Пуату и Сетонжа.....	130
Хирографы из Лангедока и Руссильона: общие замечания.....	131
Хирографы из Лангедока и Руссильона на сайте «Оригиналы грамот по 1121 г., хранящиеся во Франции».....	134
Хирографы из Лангедока и Руссильона в составе картуляриев.....	144
Хирографы XI в.	144
Примеры из Лангедока первой половины XII в.	146
Хирографы без указаний на знаки главных действующих лиц договора.....	146
Хирографы с указаниями на знаки одной из сторон договора.....	153
Хирографы с указаниями на знаки главных действующих лиц договора.....	157
Хирографы из Лангедока без указаний на знаки.....	161
Общие результаты сопоставления хирографов из Пуату и Сетонжа, с одной стороны, и Лангедока и Руссильона – с другой.....	164
Сокращение числа хирографов с указаниями на подписи и знаки.....	164
Основные различия в применении термина <i>chirographum</i> и в форме хирографов.....	165
О различии в социальной функции хирографов XI–XII вв. в рассматриваемых исторических областях Франции.....	167
Заключение	170
Примечания	174
Библиография	205

Научное издание

Петр Юрьевич Шамаро
Частноправовой акт
в Южной Франции X—XII вв.

Редактор *А.Н. Торопцева*

Художник *П.Э. Палей*

Корректор *А.Ю. Обод*

Подписано к печати 12.12.2023
Формат 60 × 88¹/₁₆. Уч.-изд.л. 13,5

ФГБУ Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: info@naukapublishers.ru
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6